

«Личность Сундара Сингха можно описать как простую и евангельскую, тем не менее, с присущей ей склонностью к субъективности пиетиста и внецерковному индивидуализму. Он представляет простую, детскую, но в то же время твердую и духовную веру, полностью основанную на Новом Завете.» - Фридрих Хейлер.

К Главе 1 «Будущая жизнь»

Вера в будущую жизнь присутствовала во всех народах во все времена. А желания подразумевают их возможное исполнение. Жажда предполагает существование воды, а голод пищи. Желание жить вечно само по себе является доказательством его исполнения.

И вновь, у нас есть и более возвышенное, благородное желание Духа, которое не может быть удовлетворено в этом мире. Поэтому должен существовать другой духовный мир, в котором эти желания могут быть исполнены. Этот материальный мир ни коим образом не может ответить на наши духовные изыскания.

Настоящее желание души может быть удовлетворено только Богом, который сотворил душу и заложил в нее стремление к Нему. Так как Бог сотворил человека по своему подобию, в человеке есть что-то от божественной природы, что жаждет общения с Ним. В соответствии с законами бытия, подобное ищет себе подобного. А когда мы будем укоренены в Вечном Бытии, мы не только будем удовлетворены, но и будем иметь вечную жизнь в Нем.

Сундар Сингх «Реальность и религия»

К Главе 2 «Совершенство»

В соответствии с законами Природы, необходимо расти постепенно, переходя из одной стадии в другую, чтобы достигнуть совершенства. Только таким способом мы можем приготовить себя к той жизни, для которой мы были созданы. Неожиданный или быстрый прогресс оставляет нас слабыми и неполноценными. Овес, который вырастает за несколько недель в Лапландии, не дает такого же питания как пшеница, которая зреет полгода. Бамбук растет каждый день более чем на метр и выстреливает до 55 метров, но остается пустым и полым внутри. Медленный и постепенный процесс, поэтому, необходим для достижения совершенства.

Правда то, что совершенства можно достигнуть только в совершенной среде. Но, прежде чем войти в совершенное окружение, мы должны пройти через несовершенное, где нам приходится прилагать усилия и бороться. Эта борьба укрепляет нас и подготавливает к совершенной среде подобно тому, как усилия гусеницы тутового шелкопряда в коконе помогают ей выйти наружу прекрасной бабочкой. Когда мы достигнем состояния совершенства, мы увидим, как то, что, казалось, препятствовало нам, на самом деле помогало, хотя и непонятным образом, достигать совершенства.

В человеке есть семена бесчисленного множества качеств, которые не могут развиваться в этом мире, потому что условия здесь неблагоприятны для их роста и развития до состояния совершенства. В будущем мире они обретут среду, необходимую для возрастания в совершенство. Но рост должен начаться здесь.

Сундар Сингх «Реальность и религия»

К Главе 3 «Насытить душу»

По сравнению с этим огромным миром человеческое сердце очень мало. Но хотя мир настолько велик, он не может удовлетворить это крошечное сердце.

Вечно расширяющаяся душа человека с ее способностями может найти удовлетворение только лишь в бесконечном Боге. Как вода не удержима, пока не достигнет своих пределов, так и душе нет мира, пока они не успокоится в Боге.

Сундар Сингх «Со Христом и без Него».

К Главе 4 «Каждый по своему призванию»

Каждый следовать своему призванию и исполнять свою работу в соответствии с Богом данными дарами и способностями. Одно дыхание вдувается во флейту, кларнет и волынку, но каждый инструмент издает различные звуки. Таким же образом единый Дух работает в нас. Божьи дети достигают разных результатов, и Бог прославляется через них в соответствии с характером и особенностями личности каждого.

Сундар Сингх «Со Христом и без Него»

К Главе 5 «Человек должен поклоняться»

Едва ли можно найти человека, который не поклонялся бы Богу или какой-либо другой силе. Если атеистические мыслители и ученые и не поклоняются Богу, то зачастую они склонны поклоняться великим людям, героям или какому-то идеалу, которого они возвысили в ранг Силы. Будда ничему не учил о Боге. В результате, его последователи стали поклоняться ему самому. В Китае люди стали поклоняться предкам, так не были научены поклоняться Богу. Короче говоря, человек не может не поклоняться. Желание поклоняться, от которого человек не в силах убежать, заложено в него Творцом, чтобы, будучи ведомым этим желанием, он мог иметь общение со своим Создателем.

Сундар Сингх «Реальность и религия»

К Главе 6 «Настроенное сердце»

Каждый из нас может достигнуть Бога, но чтобы иметь с Ним постоянную связь, необходимо, чтобы наше сердце было настроено на Его волну. Чтобы нам услышать радио передачу, которая в форме песни, музыки или обращения присутствует в воздухе, нам необходимо иметь приемник, постоянно настроенный на принятие сообщения. Ибо если он не будет должным образом настроен, существование или не существование сообщения будет для нас равнозначным.

Сундар Сингх «Со Христом и без Него»

К Главе 7 «Труд и молитва»

Молитва без труда также плоха, как и труд без молитвы. Как клохчущая курица, чтобы удовлетворить свой инстинкт, остается сидеть в темном углу и после того, как у нее забирают яйца, так и жизнь тех, кто устраняется от этого бурлящего мира, чтобы все время проводить в молитве, остается без плода, подобно куриной.

Сундар Сингх «Со Христом и без Него»

К Главе 8 «Выкупайте свое время»

Мы должны наилучшим образом использовать возможности, данные нам Богом, и не должны понапрасну растрачивать драгоценное время своим пренебрежением и беспечностью. Многие люди говорят «есть еще много времени, чтобы сделать то или иное, не беспокойся!» Но они не осознают, что если должным образом не используют это короткое время, то сформировавшаяся привычка настолько привьется, что когда нам будет дано больше времени, эта привычка станет нашей второй натурой, и мы понапрасну потратим и это время.

Сундар Сингх «Со Христом и без Него»

К Главе 9 «Рост через боль»

Алмазы не сверкают своей красотой, пока не огранены. После огранки лучи солнца падают на них, и они сияют чудесными цветами. Так и мы, будучи сформированы крестом, засияем как драгоценные камни в Царстве Бога.

В Швейцарии пастух сломал ногу овце. Когда его спросили, зачем он это сделал, он ответил, что у овцы была плохая привычка уводить других овец к опасным высотам и обрывам. Овца так разозлилась, что когда пастух приходил кормить ее, она пыталась его укусить. Но прошло время, и она стала дружелюбной и лизала ему руки. Таким же образом, через печали и страдания Бог выводит тех, кто непослушен и строптив, на тропу безопасности и вечной жизни.

Сундар Сингх «Реальность и религия»

К Главе 10 «Небеса»

На небе никто никогда не сможет лицемерить, так как все увидят жизни других, как они есть. Степень благости, обретенной душой праведника, узнается по яркости, излучаемой всем его обликом, ибо характер и натура проявляются в виде различных, переливающихся, подобно радуге, цветов великой славы.

На небе нет зависти. Все рады увидеть духовную возвышенность и славу других и без всяких эгоистичных мотивов стараются во всякое время истинно служить друг другу.

Сундар Сингх «Духовный мир»

К Главе 11 «Сыны света»

Когда людские души попадают в мир духов, добрые сразу отделяются от злых. В земном мире люди перемешаны, но все не так в духовном мире. Я много раз видел, что когда души добрых – сынов света – входят в мир духов, они, прежде всего, купаются в неосязаемом воздухе, подобном кристально чистому океану, и таким образом испытывают интенсивное и оживляющее обновление... Чудесным образом омытые, обновленные и полностью очищенные, они входят в мир славы и света, в котором они будут вечно пребывать в присутствии нашего дорогого Господа и в общении бесчисленного множества святых и ангелов.

Сыны тьмы.

Как же разительно отличаются души тех, чья жизнь была зла. Чувствуя себя неловко в обществе сынов света и испытывая муки от все открывающего света славы, они с борением стараются спрятаться в местах, где их нечистая, грехом запятнанная природа не будет видима. Из самых низших и темных частей мира духов поднимается черный и источающий зловоние дым, и в своих усилиях спрятаться от света эти сыны тьмы бросаются вниз и безудержно ввергают себя в него.

Сундар Сингх «Духовный мир»

К Главе 12 «Молитва изменяет людей»

Молитвой мы не можем изменить Божьи планы, как некоторые могут думать. Но молящийся человек сам изменяется. Способности души, которая несовершенна в этом несовершенном мире, каждый день приближаются к совершенству.

Птица высидивает свои яйца. Сначала в яйцах находится некая бесформенная жидкость. Но мать продолжает сидеть на них, и бесформенное вещество изменяется в форму матери. Перемена происходит не в матери, но в яйцах. Поэтому когда мы молимся, не Бог изменяется, а мы преображаемся в Его славный образ и подобие.

Морской крыжовник настолько нежный, что всплеск волны может разорвать его на тонкие нити. При малейшем ощущении приближающегося шторма они погружаются глубоко в море, подальше от волн, где их не достанет шторм. Таким же образом, когда человек молитвы ожидает атаку сатаны и бурю греха и страдания в мире, он тут же погружается в океан Божьей любви, где пребывает вечный мир и покой.

Садху Сундар Сингх.

К Главе 12 «Правильное употребление вещей»

Нет зла или вреда в том, чтобы использовать Богом созданные вещи при условии, что мы делаем это с благодарностью и соответственно их предназначению. Опасность возникает, если мы в своем сердце отдаем место Творца Его творению. Мы должны отдавать Создателю место Создателя, а творению место творения. Мы не можем жить ни без воды, ни в воде. Мы должны пить, но не тонуть. Если мы не будем пить, то умрем от жажды, если будем погружаться, то утонем, захлебнувшись. Поэтому мы должны использовать вещи этого мира таким образом, чтобы, поддерживая наши тела, они не стали слишком сильны для нас и не задушили в нас дыхание жизни, которое есть молитва.

Экспресс «Лудхияна» с грохотом несся по долине Пенджаб и, хотя юный Сундар Сингх еще не мог его слышать, стена в своей комнате, он знал, что поезд пройдет по пути, граничащим с владениями его отца, ровно через полчаса. В этом не было сомнений. Поезд всегда проходил вовремя, а это значит, очень скоро он осуществит свой план. Время истекало. Он принял решение, что если неведомый Бог, которому он так отчаянно молился, не откроет Себя до пяти часов утра, он бросится под поезд. Он не в силах был больше выносить эти муки ума и сердца.

В возрасте пятнадцати лет он был готов совершить самоубийство. И достаточно странно, но именно его мать, которую он горячо любил, и которая так же любила его, была во многом в ответе за то, что его разум был доведен до такого состояния.

Его мать была известна в кругу своей семьи и в обществе, в котором жила, своей глубокой религиозностью. И конечно, ее маленький сын знал ее такой. В очень раннем возрасте ему пришлось осознать это. Каждое утро, когда он просыпался, он видел свою мать, омытую и облаченную в одежды, изучающую Бхагавад Гиту и другие индуистские писания. Он знал, что она ищет Что-то или Кого-то, кого нельзя увидеть, и это сознание невидимого было рано заложено в него. Когда он подрос настолько, чтобы понимать, она стала настаивать, чтобы он исполнял тот же ритуал – омовение, затем изучение священных книг прежде, чем прикоснуться к завтраку.

Эта привычка врезалась в него так глубоко, что, хотя в раннем детстве он и требовал свой завтрак в первую очередь, вскоре это стало его второй натурой, вставать, омыться и обращаться к книгам прежде, чем даже подумать о еде.

Все эти ранние годы, когда он возрастал из младенца в ребенка, его мать оказывала доминирующее влияние на его жизнь. Она всегда была рядом. И она всегда держала его в поле зрения. Он знал это. Он видел, как она руководит приготовлениями на кухне, делая многое своими руками, тогда как слуги занимались уборкой и доставкой продуктов – но время от времени ее взгляд устремлялся в его сторону, и слабая улыбка появлялась на ее лице, когда она ловила его взгляд. Сидя перед большим медным подносом с едой вместе с остальными членами семьи, расположившимися вокруг, она никогда не была слишком занята, чтобы заметить, как он открывает рот и тут же запихивает в него маленький кусочек чапати, предварительно обмакнув его в один из любимых соусов. Она знала его любимые вкусы, и, хотя ему не всегда доставался желанный кусочек, она терпеливо объясняла, что то, что она дает ему, полезно и поможет ему вырасти сильным, как его братья. Когда он спешил рассказать ей о каком-либо своем открытии или что-то показать, она откладывала свои дела и уделяла ему внимание. И он всегда знал, куда пойти, когда было больно, изливая свое кратковременное горе у нее на груди. Его мать была центром, к которому он инстинктивно притягивался, и где его никогда не отталкивали.

Она купала его, натирала маслом, мыла его густые волосы, кормила его и брала с собой в индуистские храмы, куда ходила на поклонение. Будучи сикхом, она, тем не менее, верила, что истину можно найти не только в религии сикхов. Более того, являясь первым учителем своего сына, она познакомила сына, с индуистской Бхагават Гитой, и к семи годам он знал ее наизусть. Одним из ярчайших впечатлений его детства было то время, когда она отвела его через пыльную долину в джунгли, где жил старый садху, для того чтобы испытать его знание и понимание книги. Старый садху жил отшельником в джунглях, покинув мир людей ради того, чтобы более совершенным образом искать Невидимого. В нем чувствовалось спокойствие и достоинство, которое внушало легкий трепет и в тоже время притягивало. Сундар не испугался, когда старик посмотрел на него и стал задавать вопросы. Отвечал он ясно и уверенно.

«Скажи мне, Сундар, как мы можем угодить Богу?»

«Исполняя Законы, которым научили нас наши отцы», - ответил Сундар.

«Хорошо! Можно ли как-нибудь еще угодить Богу?»

«Мы угождаем Богу, когда думаем о Нем. Мы угождаем Богу, когда не желаем богатства, когда не хотим иметь много денег. Мы угождаем Богу, когда живем в одиночестве, вдали от других людей. Мы угождаем Богу, когда пытаемся найти покой, как садху.»

Экзамен продолжался, и старый садху одобрительно кивал головой. «Мальчик хорошо отвечает», - сказал он матери Сундара, - возможно, когда-нибудь он станет садху. Ничто не могло обрадовать ее больше. Это было пределом ее мечтаний для своего сына, и Сундар понимал это. Он был еще слишком мал, чтобы всерьез задумываться о судьбе садху, но уже достаточно взрослым, чтобы начать интересоваться, что же это, чего ищет его мать и религиозные люди, к которым она обращалась.

Мать старалась дать ответ, как могла. Существует мир сердца, покой в самой глубине души, который можно обрести только упорными исканиями, и который является величайшим сокровищем для человека, нашедшего его. Мирской успех, земные радости,

обладание богатством и властью, все разнообразие человеческих переживаний, которых ищут люди в соответствии со своим темпераментом – ничто не может сравниться с ним. Этот покой сердца имеет духовное происхождение и может удовлетворить в совершенстве, но обрести его чрезвычайно трудно. Она сама жаждала его, но, возможно, еще более она жаждала его для своего маленького сына.

«Ты не должен делать ничего плохого», - говорила она ему, - «Это очень важно. Но еще важнее, чтобы ты был добр к людям вокруг, особенно к тем, кто находится в беде». Он видел, как она постоянно раздавала еду нищим и святым людям, которые странствовали от селения к селению, садху и саньяси, которые отреклись от своих домов, семей, денег - всего, ради того, чтобы искать покой и избавление от колеса жизни с ее бесконечными реинкарнациями. Садху избирали этот путь еще на заре жизни, в то время как саньяси делали это гораздо позже, будучи часто отягощенными притязаниями семьи и собственности, а возможно и долгов.

Что бы ни происходило в их прошлом, сейчас они избрали стезю отречения, и мать Сундара уважала их за это. Считалось достойным деянием, обеспечивать их пищей и кровом в их паломничестве от одной святыни к другой, какими бы грязными и неряшливыми они ни были. Люди, отрекшиеся от мира, были более достойны почитания, чем те, кто управляет им.

И не то, чтобы мать Сундара не могла различать этих святых людей. Она была искренней и умной женщиной, и, твердо решив, что ее младший сын должен получить всю возможную духовную помощь, она выбирала для него учителей с особой тщательностью. Она начала его обучение под руководством индуистского учителя и сикхского садху. Оба они отмечали, что их юный ученик неудержимо настойчив в своем желании, открыть для себя тот покой, о котором они с ним говорили и читали. Как же его обрести?

Он задавал им вопросы, которые приводили их в недоумение. И он не принимал объяснений вроде «для этого понадобится очень много времени», или что по мере его возрастания в познании проблемы подобного рода, занимающие теперь его ум, постепенно отпадут. Он возрастал в познании, обучаясь под их руководством, он возражал, но вместо облегчения приобретаемые им знания порождали в нем еще большее беспокойство. Учителя объясняли, что с возрастом и с опытом в духовных вещах он все поймет.

«Но предположим, я не вырасту, - настаивал он, - предположим, я умру молодым и не постигну этого». На это ответ был еще проще: «Если ты умрешь молодым, то обрешь покой в следующей жизни, если будешь продолжать стремиться к нему. А если не в следующей, то в после следующей или еще после одной - если будешь стремиться! А пока ты еще слишком юн, чтобы беспокоиться о подобных вещах. Иди, поиграй», - говорили они ему, и его отец говорил то же самое. Неестественно для мальчика его возраста беспокоиться о подобных вещах. Он должен играть на улице вместе со своими старшими братьями. И он не должен зачитываться допоздна. Это вредит здоровью.

«Полагаю, у тебя это от матери», - сказал отец, пожав плечами. Он был хорошим сикхом и уважал свою жену, даже одобрял ее религиозность до определенной степени, хотя чувствовал, что она заходит слишком далеко, пытаясь приучить к этому юного Сундара. Но все же он явным образом выразил свое глубокое удовлетворение поведением своего сына в деле об украденных пяти рупиях.

Этот случай был из тех, что навсегда врезались в память Сундара. Все началось в тот день, когда отец дал ему несколько монет, чтобы он мог потратить их по своему усмотрению, и он счастливо побежал на базар, посмотреть, что можно купить. По дороге он увидел пожилую женщину из низшей касты, подбирающуюся у дороги. На ней были прохудившиеся отрепья, и когда Сундар приблизился к ней, она по обыкновению жалобно завывала и протянула худую, похожую на лапу руку, прося милостыню. Он не в первый раз наблюдал такую картину, но на этот раз его сердце было тронут. На улице было холодно, и он вспомнил наставления матери о том, чтобы быть добрым к людям в беде. Вместо того, чтобы идти на базар и там потратить деньги, он импульсивно протянул их старухе и побежал домой, намереваясь поговорить с отцом.

«Там одна старуха просит милостыню на дороге, - сказал он, едва дыша, - и на ней совсем мало одежды. Она дрожит, но у нее нет покрывала. Пожалуйста, дай ей денег купить покрывало».

«О, я знаю эту старуху, - ответил отец, - я раньше уже помогал ей несколько раз. Теперь пусть кто-нибудь другой это сделает».

«А если никто ей не поможет! Если она умрет от холода!» Его мольбы были напрасны, отец отказался его слушать и ушел. Разочарованный, Сундар тоже отвернулся, но не мог забыть старуху, и желание помочь ей переросло в решение это сделать. Тут он увидел на скамье пальто отца и, быстро оглянувшись вокруг и удостоверившись, что он был один, Сундар засунул руку в один из карманов и вытащил несколько монет. Пять рупий! Достаточно, чтобы купить старухе покрывало, подумал он и, хотя в тот день

было уже слишком поздно что-либо предпринимать, он решил, что отнесет ей деньги на следующее утро. Он надеялся, что отец не заметит исчезновения нескольких монет.

Но его отец был более внимателен к тому, сколько у него в карманах денег, чем думал Сундар. Некоторое время спустя отец вошел, взял пальто, и, пошарив в карманах, достал несколько оставшихся монет, и сказал, озадаченно подняв брови:

«У меня было больше этого...» Затем он посмотрел на Сундара и спросил: «Ты брал деньги из моего кармана?»

«Нет»,- тут же ответил Сундар, и к его облегчению, отец ничего больше не сказал.

Но его облегчение длилось совсем недолго. Если раньше Сундар и не осознавал этого, то сейчас с чувством острого беспокойства он ощутил, что у него есть совесть. В тот вечер он лег в постель очень несчастным, слишком несчастным, чтобы заснуть. С одной стороны, он спорил с самим собой, что был прав, желая помочь старухе, но с другой стороны, совесть твердила ему, что нельзя было красть деньги, особенно у своего отца. И затем лгать, намеренно, скрывая воровство!

Задолго до рассвета Сундар знал, что должен сделать. Какими бы болезненными ни были последствия, он должен рассказать отцу, что он сделал, и вернуть деньги. Будь, что будет, но жить с осуждающей совестью было невозможно. Очень рано утром он встал, вышел во двор, искупался и вымыл волосы, как обычно, и затем отправился в комнату отца, держа в руке пять рупий, чтобы все ему рассказать.

Неудивительно, что этот случай был одним из самых незабываемых переживаний его детства, поскольку все закончилось совершенно по-иному, чем он ожидал и боялся.

Маловероятно, что Сундар или его отец когда-либо слышали историю о блудном сыне, но то, что произошло между ними в тот день, отразило ее вселенский характер и обнажило движения отцовского сердца. Несомненно, это было переживание, которое Сундар не забыл никогда.

Он не помнил, что именно сказал отцу, кроме того, что выложил все – желание помочь старухе, кража, затем ложь, за которой последовала бессонная ночь и осознание того, что он должен вернуть деньги не в тайне, а через совершенное признание. Чего он не смог забыть никогда, так это реакции отца на его мужественный рассказ всей постыдной истории. Вместо ожидаемого гнева и сурового порицания, за которыми возможно последовала бы порка, он увидел, как слезы навернулись в отцовских глазах, увидел, как тот протер свои руки, и услышал, как он сказал сдавленным голосом:

«Сын мой!» Затем, ощутив себя в объятиях и чувствуя, как отцовская рука гладит его по голове, он услышал слова: «Сын мой! Я всегда знал, что могу доверять тебе. И теперь я знаю, что был прав!»

Отец все еще доверял ему! Все угрызения совести и стыд, и страх – все утонуло в потоке облегчения и благодарности, когда он осознал, что полностью восстановлен. Все было так, как будто он никогда не крал денег и никогда не лгал, чтобы скрыть это. Тот мрачный инцидент был не просто прощен – он был забыт.

Больше об этом не упоминалось, но, собираясь уходить на работу, отец произнес: «Я куплю покрывало для старухи на эти пять рупий», - затем добавил с улыбкой, доставая из кармана монету и протягивая ее Сундару: «А это тебе рупия – пойдешь и купи на нее сладостей».

В то время, как мать Сундара была в большей степени ответственна за его духовное воспитание, его отец следил за тем, чтобы обеспечить как можно лучшее светское образование для сына. Небольшая начальная школа была открыта в селении Американской Пресвитерианской миссией, и Сундар был зачислен в нее учеником. К христианам относились с презрением, как сикхи, так и мусульмане, и индуисты в равной степени, но если миссионеры с запада были готовы обеспечивать их детей хорошим образованием, то они не видели причин, чтобы не воспользоваться этим. Отец Сундара занимал позицию терпимости по отношению к другим религиям и тот факт, что Библия была включена в учебный план школы, ни мало его не беспокоил.

Сам Сундар, тем не менее, сильно протестовал. Он был сикхом. Грант – священная книга сикхов, и так было со времен Десятого Гуру, который, когда его перед смертью спросили, кого он назовет своим преемником, положил руку на книгу и сказал: «Вот ваш гуру». Грант был на столько же почитаем сикхами, как идол в храме индуистами. Но у индуистов также были свои священные книги, подобно известной Бхагават Гите. Сундар постоянно их изучал, поскольку мать и садху заверили его, что именно в учениях этих книг он найдет покой, который он уже жаждал обрести. Но эта книга презренных христиан – и почему это он, сикх, обязан ее читать, слушать ее толкования и день за днем отвечать на вопросы об ее содержании.

Все в нем бунтовало. Насколько хватало смелости, он изображал из себя шутника, прерывая уроки по Библии нелепыми замечаниями и вопросами. По какой-то причине, объяснить которую ему самому было бы затруднительно, он ненавидел

христианство и все, связанное с ним. И когда христианские проповедники появлялись на базаре и открыто говорили, то он подбивал группу мальчишек, и они бросали в них камни и затем разбегались, прежде чем попасть в неприятности. Родители ничего не знали, и уж конечно, они бы не одобрили это. Такая жестокость была противна природе и духовным принципам его матери, а его отец, хотя и гордился тем, что он сикх, сохранял позицию «живи и дай жить другим» по отношению к последователям других религий.

Но Сундар, казалось, всегда впадал в крайности. С одной стороны, он яростно ненавидел христианство. С другой, он начал практиковать йогу, овладевая, до определенной степени, техникой, посредством которой он отстранялся от всего внешнего, сидя неподвижно и медитируя, и даже обретал на некоторое время, покой души, которого жаждал. Это некоторое время длилось не долго, и снова возвращался он в мир в таком же беспокойном и неудовлетворенном состоянии, как и раньше.

Великая трагедия его жизни случилась, когда ему было около четырнадцати.

Его мать умерла.

Никто не знал, что значило для него потерять мать. Она была тем, к кому он всегда мог обратиться, она интуитивно чувствовала его переживания и, как никто другой, затрагивала глубочайшие струны его духа. И теперь ее не стало. Большие внутренние дворы, вокруг которых выстроились дома Сингхов, были оживлены другими членами семьи, но он знал, что напрасно окидывает их взглядом в поисках матери. Ее там не было и никогда больше не будет. Она была потеряна навсегда для него или всех, кто ее знал.

Если она и переродится в другой форме, то он не будет знать ее.

Садху и учителя не могли утешить его. То же самое было и когда его старший брат, к которому он был особенно привязан, умер несколько месяцев спустя. Его тоже унесло колесо жизни, чтобы реинкарнировать в неузнаваемом облике, и Сундар должен был поклониться своей судьбе за потерю этих двух любимых им людей. Их забрали от него, что, рано или поздно, должно было случиться. И если это произошло в столь юном возрасте, такова его судьба. Это был закон кармы, неизбежность судьбы, и ничто не могло отменить его. Он должен это принять.

Тем больше причин для поиска единения с Высшим Духом, так как только там возможно найти покой, избавляющий от всех чувств, будь то радость или горе. Сундар продолжал этот поиск, но без вдохновляющего присутствия и примера матери делать это было гораздо труднее.

Тем временем человеческая природа, подсознательно ищущая выхода, должна была куда-то выплеснуться. Его враждебность по отношению к христианству дремала в нем уже некоторое время, поскольку с открытием государственной школы на расстоянии трех миль от их селения, Сундар был послан туда, а там не преподавалось ничего, что вызвало бы его неприятие.

Но оказалось, что долгие ежедневные походы по жаре в школу и обратно ему не по силам, и его перевели обратно в Миссионерскую школу в Рампуре. Вновь он был обязан изучать Библию и, хотя и против воли, но он обнаружил, что его привлекают некоторые из прочитанных им вещей. Тем не менее, он был убежден, что все это ложь, и был решительно настроен на противостояние.

В конечном итоге его противостояние приобрело драматичный характер. Раздобыв однажды Евангелие и созвав своих друзей посмотреть, что он с ним сделает, он разорвал его на две части и поджег.

«Вот, что я об этом думаю!»- сказал он вызывающе. Но отец, увидев, что он натворил, отругал его. Это священная книга христиан, и с ней нельзя так обращаться, сказал он. Если Сундару она была не нужна, ему следовало вернуть ее миссионеру.

Всего несколько дней спустя после этого инцидента Сундар достиг состояния отчаяния, которое привело его к решению броситься под экспресс Лудхияна, если Бог не откроет ему истинного пути к покою. Он твердо решил.

В три часа ночи он встал с постели и вышел в залитый лунным светом внутренний двор, чтобы совершить церемониальное омовение, соблюдаемое посвященными индуистами и сикхами перед поклонением. Затем он вернулся в свою комнату, встал на колени, склонившись до земли, и умолял Бога открыться ему. Он молился, затем ждал в тишине, надеясь, затем снова молился.

Но ничего не происходило. Он не знал, чего ждать, то ли он услышит голос, то ли увидит видение, а может, войдет в транс... Но ничего не происходило. А время шло. Через пол часа экспресс Лудхияна пройдет, громыхая, по путям.

Он поднял голову и открыл глаза и был немало удивлен, увидев в комнате легкое облако света. Для рассвета было еще слишком рано, и, думая, что, возможно, свет идет со двора, он открыл дверь и выглянул. Кругом была темнота. Обернувшись назад, он заметил, что свет становится ярче. Затем, к своему изумлению, он увидел в нем светящуюся фигуру и лицо, не Будды, не Кришны, но Иисуса Христа.

Иисус Христос был там, в комнате, сияющий, излучающий радость, покой и любовь. Он взглянул на него с состраданием и спросил: «Почему ты гонишь меня? Я умер за тебя...»

ГЛАВА 2

Откровение Бога к человеческой душе даровано во множестве образов, различных в каждом отдельном случае. Как каждая человеческая душа имеет свои отличительные черты, так Божьи отношения с ней различаются в соответствии с нуждой и в соответствии с Его неисследимой целью. И все же во многих случаях обнаруживаются сходства. Переживания Сундара в ту памятную ночь напоминают то, что произошло с Савлом из Тарса по дороге в Дамаск за 1800 лет до этого. Сундар, подобно Савлу, яростно противостоял верующим во Христа. Подобно Павлу он был остановлен божественным явлением самого славного Христа. Подобно Павлу, первые слова, которые он услышал, звучали вопросом: «Почему ты гонишь меня?» Как и в жизни Павла, эта беседа, хотя и столь короткая во времени, означала поворотную точку в его жизни. По прошествии лет он описывал то, что произошло.

«Я пребывал в молении и ожидании до половины пятого утра, надеясь увидеть Кришну или Будду или какого-либо другого аватара (воплощение божества) индуистской религии; они не явились, но свет засиял в комнате. Я открыл дверь, чтобы выяснить, откуда он исходит, но снаружи все было темно. Я вернулся, и свет усилился, приняв форму шара над землей, и в этом свете явилась не форма, которую я ожидал, но живой Христос, которого я считал мертвым. Во веки не забуду я Его славное и любящее лицо и те немногие слова, что Он произнес. «Почему ты гонишь меня? Посмотри, я умер на кресте за тебя и за весь мир.» Словно молния выжгла эти слова в моем сердце, и я упал ниц перед Ним. Мое сердце наполнилось невыразимой радостью и покоем, и вся моя жизнь изменилась.»

Экспресс Лудхияна грохотал по путям, пока его звук не растаял вдали, но Сундар ничего этого не слышал. Склонившись до земли, сикхский школьник был погружен в поток облегчения и невыразимого ощущения благодати бытия. Недоумение и гнев, уныние и отчаяние, все более охватывавшие его последние месяцы, были поглощены в одно мгновение, позабыты в великолепии и реальности этого совершенно неожиданного откровения. Его юное сердце простиралось в преклонении перед Тем, кто явил себя так убедительно и с такой любовью. Он не давал никакого осознанного обещания, наверное, он даже не задумался о своем будущем.

Он был подростком с присущим его возрасту энтузиазмом и порывистостью. Он должен был поделиться своим удивительным переживанием, возвестить о своем новом посвящении. До рассвета, пока двор был еще пуст, он проскользнул в комнату отца и разбудил его.

«Я видел Иисуса Христа! Он только что явился мне в моей комнате. Я стал христианином...» Неудивительно, что отец был неприятно удивлен и не замедлил выразить это.

«Что ты такое говоришь, глупый мальчишка! Три дня тому назад ты сжег христианскую книгу, а теперь ты говоришь, что ты христианин! Отправляйся назад в постель. Я хочу еще поспать. Он перевернулся на другой бок и закрыл глаза. С его стороны разговор был закончен. Или так он думал. Вскоре он обнаружил, что Сундар и не собирался заканчивать. Его младший сын разговаривал с другими членами семьи, рассказывая им о своем видении. И хотя все они реагировали одинаково, уверяя Сундара, что все это плод его воображения, или ему приснился дурной сон, или что он сходит с ума, у Сундара не возникало и тени сомнения по поводу того, что он видел и слышал.

Случилось так, что один из его школьных друзей был сыном директора. И этому мальчику Сундар поведал о своем желании узнать, как стать христианином. Тот рассказал своему отцу, и директор оказался в затруднительном положении. Одно дело было учить в школе сыновей уважаемых сикхов и буддистов, которые, в свою очередь, с пониманием относились к изучению библейских историй и даже к обучению основам христианства, преподаваемым в обезличенной форме. Но совершенно другим делом было бы поощрить кого-либо из учеников стать христианином.

Крошечное христианское меньшинство происходило, в основном, из презренных изгоев общества. Хотя их и терпели, в большей степени, из-за того, что Британский раджа даровал им по закону равные права, и потому что западные миссионеры улучшали их жилищные условия и часто обеспечивали хорошо оплачиваемой работой; тем не менее, к ним относились с презрением.

Директор знал, что если кто-нибудь из его учеников других верований подаст хоть малейший признак обращения в христианство, это возбудит негодование родителей не только по отношению к нему самому, но и ко всему школьному руководству, и кто знает, к чему это может привести в дальнейшем? Шер Сингх, отец Сундара, был влиятельным человеком в округе, и оппозиция с его стороны могла повредить не только школе, но и всей Миссии.

И все же был этот юноша, жаждущий познавать религию, над которой еще недавно насмехался, и утверждающий, что хочет стать христианином. Как можно пренебречь таким рвением? Директор сделал все, что мог при сложившихся обстоятельствах. Он взялся преподавать Библию Сундару, но тайно. В течение нескольких месяцев занятия проходили во внеурочное время и по мере того, как Сундар читал Писание, в особенности Евангелия, его сердце со все возрастающей силой притягивалось к Тому, Кто так чудесно явился ему в ту темную декабрьскую ночь. Вновь и вновь слезы появлялись в его глазах, когда он созерцал спокойное величие Человека из Галилеи, чей путь, в конечном итоге, привел к Голгофскому кресту. И его принципы ученичества глубоко отпечатались в разуме сикхского школьника.

«Кто хочет идти за мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мною. Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня и Евангелия, тот сохранит ее.» (Мар.8, 34-35)

Очень рано он стал понимать, чего будет стоить ему ученичество. Равно как и его одноклассник Сирдар, который также выразил свое убеждение в том, что то, что Библия открывает об Иисусе Христе, истинно. Оба эти мальчика из сикхских семей оставались тверды в своей вере, не смотря на сопротивление и даже враждебность, с которой к ним стали относиться дома, когда семьи поняли, что они это в серьез. Для Сундара было легче, в принципе, переносить враждебность старшего брата, чем мольбы отца.

« Не бесчести позором свою семью, подвизаясь в ряды этих грязных отрепьев», взывал он. Местные христиане принадлежали, в основном, к касте уборщиков и выполняли самую грязную работу в деревне. Согласно высоким стандартам чистоты сикхов, они были грязными в собственных привычках и вообще, составляли несравненно низшую социальную категорию, нежели Сингхи. Фактически, у них не было никакого статуса. И прийти к сути их религии противоречило верованиям сикхов и индуистов – противоречило верованиям его матери. Как мог он подвергнуть семью позору, присоединившись к ним?

Отражать эти аргументы для Сундара было тяжелее, чем искушение, предложенное его дядей. Этот почтенный пожилой член семьи был очень богат и однажды привел Сундара в свой большой роскошный дом. Проведя мальчика в глубокий подвал, он запер за собой дверь, затем подошел к большому сейфу, открыл его, предлагая Сундару заглянуть внутрь. Железный ящик был полон не только денег, но и драгоценных камней. Земное богатство, хранящееся там, было больше, чем то, что Сундар когда-либо видел. Затем, к его смущению, пожилой дядя пообещал, что все это достанется ему, если только он останется сикхом. Он зашел так далеко, что, сняв свой тюрбан, положил его к ногам Сундара. Это был самый смиренный акт мольбы, который только он мог сделать, и Сундар был глубоко тронут.

То, что этот старейшина семьи Сингхов решился на такой шаг, чтобы удержать его, самого младшего, открыло ему всю глубину их переживаний.

Это было свидетельство их любви к нему, и он начал испытывать цену ученичества, что стояла за словами: « Кто возлюбит отца или мать более, нежели меня, тот не достоин меня...» Узы семейной любви и верности очень сильны, и разрыв с ними влечет за собой последствия, которые пронзают сердце насквозь. Особенно тяжело было выносить отцовскую горечь и разочарование, равно как и возрастающую враждебность всей семьи.

Затем события достигли кульминации. Отец его друга, Сирдара, решил подать в суд на руководство Пресвитерианской Миссионерской школы, обвиняя их в том, что они заставили его сына отречься от веры отцов и обратиться в христианство.

По всей округе, естественно, только и разговоров было, что об этом деле.

Был вызван ответственный миссионер, проживающий в другой области, вместе с директором и остальными, но дело в итоге было закрыто, по сути, на основании показаний самого мальчика. Он заявил, что на него не оказывалось никакого давления в том, чтобы стать верующим в Иисуса Христа. «Не из-за господина падре, но через чтение этой Книги, - и он поднял Новый Завет, - я верю во Христа. Поэтому отпустите господина падре, - сказал он, и Сундар сказал то же самое.

Закрытие дела магистратом не закрыло его в умах местной общины. Христианскому меньшинству пришлось туго. Их положение настолько осложнилось, что многие отошли. И школа была обречена. Большинство местных сикхов и индуистов забрали из нее своих детей, и через пару недель ее закрыли.

Шер Сингх, обеспокоенный тем, что образование Сундара не должно прерываться, и обрадованный возможности удалить его из деревни, где он был опозорен, согласился послать его в Пресвитерианскую школу в Лудхияне.

Должно быть, для Сундара это казалось лучшим, что могло случиться. Быть отправленным в христианскую общину, где он мог бы свободно выражать свою веру и жить в соответствии с ней - это было все, что он мог только желать на тот момент. У него будет хорошее образование, основанное на христианских принципах, и жить он будет вместе с такими же, как он, мальчиками. Так, должно быть, он себе представлял.

Миссионеры приняли его с большим пониманием, и даже, во избежание неприятностей с его семьей, устроили так, что еду для него готовили отдельно, не нарушая обычаев сикхов. Гораздо труднее для них было контролировать разговоры и поведение мальчиков в общешитии. Сундар никогда не говорил открыто о том, что так глубоко его беспокоило, но он был шокирован тем, что ученики, которые, как он ожидал, будут разделять его веру, только лишь назывались христианами. Прежде он не общался близко с христианами, за исключением учителей в начальной школе и его друга Сирдара, чья вера была столь же яркой. Развенчание иллюзий в тот семестр в Лудхиянской школе было так велико, что он уехал домой, не желая возвращаться.

Члены его семьи были в восторге. Это значит, подумали они, что он оставил идею обращения в христианство. Они тепло приняли его назад, покуда не обнаружили, что он по-прежнему читает Библию, по-прежнему в тайне молится Иисусу, по-прежнему тверд в решении не ходить в храмы и не принимать участия в сикхском или индуистском поклонении. Тогда их отношение к нему изменилось, и они использовали всевозможные методы, чтобы заставить его передумать. Они дали ему почувствовать, какого это, быть отлученным от семейных собраний за трапезой, есть пищу в одиночестве на веранде, в то время как все остальные сидели кругом, обмакивая щепотки риса или чапати в различные соусы, стоящие перед ними на подносе. Некоторые из них смеялись над ним, другие пытались разубедить. В какой-то момент его послали к одному родственнику, находившемуся на службе у местного Махараджи, и тот устроил ему аудиенцию у этого высокопоставленного человека. Махараджа начал с убеждающей речи, рассуждая о том, какое это достоинство и честь, быть сикхом, одним из семьи Сингхов, львом; о ношении пяти знаков сикхов – клинка, браслета, панталон, расчески и самого главного, длинных волос, которые не состригаются с самого рождения. Но когда мальчик, стоящий перед ним в почтении, тихо сказал о своей приверженности вере в Иисуса Христа, он повернулся к нему, насмехаясь, и сказал, что он вовсе не лев, а шакал.

По окончании унижительного собеседования его с презрением отпустили, что добавило к очевидному неудовольствию родственника. Для пятнадцатилетнего мальчика такое давление из различных источников могло бы оказаться достаточно сильным, чтобы заставить его замолчать, если не поменять его внутренние убеждения.

Но в случае с Сундаром оно возымело обратный эффект. По мере того, как он изучал Евангелия и Деяния Апостолов, читал о том, как чудесный Христос, которого он видел своими глазами, сам страдал и был унижен, как Его ученики радовались тому, что были найдены достойными, чтобы переносить позор во Имя Его, в самом Сундаре рождалось желание также страдать – страдать ради Христа. Это выразилось и в том, что он не мог и не собирался проходить обряд инициации, который определил бы его не только как взрослого мужчину, но в большей степени как сикха. И дело было не в желании отречься от своего народа или предков. Он хотел отречься от религии сикхов. Не смотря на разрушенные иллюзии во время пребывания в школе в Лудхияне, не смотря на угрозы, насмешки и враждебность, с которыми он столкнулся, не смотря даже на все убеждения и мольбы отца и старейшин семьи, он знал, что ничто не сможет стереть из его памяти живого Христа, открывшегося ему. Христу он поклялся в верности, и Христу он должен оставаться верен.

Что-то нужно было совершить, чтобы сделать очевидным и убедить семью в том, что он навеки отверг религию сикхов, что он видел Иисуса Христа, и что он твердо решил следовать за Ним. Думая об этом, он понимал, что есть всего один путь, как это сделать. Одним простым действием он мог продемонстрировать, что навсегда освобождает себя от связывающих традиций своего народа. Это было простое действие, но необратимое, и он осознавал, что оно окунет его в трудности намного большие, чем те, с которыми он встречался до сих пор. Но что бы ни последовало, он решил сделать это.

Он взял ножницы и обрезал свои волосы.

Для сикха в Пенджабе его длинные волосы были главным из пяти знаков, его славой, Кев, который он носил завязанным в узел на макушке. Браслет, панталоны, расческа и кинжал, отличающие его, ничего не стоят без длинных волос. В священной книге Грант сикху давалось указание никогда не стричь волосы, и посвященный сикх никогда этого не делал. Его борода, зачастую роскошная (хотя и очень обременительная в жаркую пыльную погоду) оставалась нетронутой, но именно волосы на голове являлись его короной. Сикх с обрезанными волосами не был больше сикхом. Он был отрезан от своей религии, общества и семьи.

Шок от ужаса, с которым Шер Сингх смотрел на то, что натворил его сын, сменился изъяснениями гнева, подобных которым Сундар не видел никогда. Отец был в ярости и без колебаний велел ему убраться из дому, заявив, что он больше не является членом семьи. Он ее опозорил. Отныне он изгой и ему не место в доме Сингхов. Он должен покинуть дом, и как можно скорее.

Сундар знал, что другого выбора, кроме как повиноваться, у него нет. И он незамедлительно исполнил приказание. Не имея ничего, кроме одежды, бывшей на нем, и сжимая свой Новый Завет, он вышел из ворот дома, не зная, куда идти и что ему делать. Ни в одном доме не откроют ему, он знал это. Новость о том, что он сделал, распространилась по деревне, как лесной пожар. Он был изгоем, человеком, для которого, говоря на языке, понятном для всех индийцев, вода и трубка были запрещены. Он был полностью отрезан от общественной жизни, которую символизировало курение трубки, и никто не подаст ему глоток воды, так как его губы осквернят сосуд, из которого он будет пить. Он знал все это теоретически, воспринимал это как должное, когда это относилось к другим изгоям, которых он видел каждый день, подметающими улицы. Теперь это относилось к нему – но с одной большой разницей.

В отличие от тех уборщиков, живущих в другом мире, имеющих свое общество и привыкших с рождения к нищете и лишениям, он был один. Ему не к кому было обратиться. У него не было общества.

Он подошел к дереву напротив и сел под ним, слегка дрожа.

Никогда прежде не оказывался он в таком положении, без пищи, без крова, без приличной одежды. Он подумал о тепле родного дома, о семье, собравшейся вокруг подноса с едой, о своей пышной постели – обо всем таком знакомом, находящемся в нескольких сотнях метров, откуда его изгнали, - и, тем не менее, все это было безвозвратно отрезано от него.

Подобное осознание могло повергнуть его в отчаяние, но он почувствовал, что оно производит обратный эффект. Хотя он страдал физически, эмоционально он испытывал не только покой, но и невыразимую радость. Сейчас это было по-другому, чем в ту памятную ночь, когда он действительно увидел живого Христа. На этот раз он ничего не видел, но ощущение присутствия Христа переполняло его. Ни за что на свете не променял бы он свое теперешнее положение на комфорт своего роскошного дома, где его любая физическая нужда была удовлетворена, но его разум и сердце подвергались пытке. Хотя снаружи он находился в несчастье, внутри он переживал такое глубокое общение со своим Господом, что в последствии часто вспоминал об этом, как о первой ночи в небесах. Он вступил в новое измерение духовного опыта. Он страдал не только за, но и вместе со своим Господом и знал, что было заключено в словах «И поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища.» (Евр.11:26)

Так ночные часы прошли в блаженном удовлетворении. Но с рассветом вновь возникал практический аспект его положения. Он не мог навечно оставаться под деревом в деревне. Куда ему идти и что делать? Он знал, что дома всего сикхского общества были для него закрыты, а это были единственные люди, на кого он мог бы безусловно рассчитывать. О том, чтобы искать помощи у индуистов или мусульман, не могло быть и речи. Казалось, только одна улица было для него открыта. Он должен идти к христианам.

Бесполезно было бы подходить к живущим поблизости. Они были из касты уборщиков и уже пострадали из-за закрытия миссионерской школы. Они побоялись бы помочь ему, даже если и могли, и вряд ли Сундару приходила в голову мысль обратиться к ним.

Ближайшее место, где бы он мог надеяться найти помощь, был Рупар, большая деревня примерно в пятидесяти километрах, где, насколько он знал, находился Пресвитерианский миссионерский центр. Он решил, что пойдет и объяснит свое положение тамошнему пастору. Итак, он собрался в путешествие, но прежде ему предстояло в последний раз увидеться с одним членом семьи. Жена его брата с каменным лицом положила еду под веранду, место, где позволялось есть изгоям, и сделала знак, что еда для него.

Это было очень унижительно, и Сундар все остро почувствовал. То, что он оказался причисленным к отверженной низшей касте, презираемой его собственной семьей, ранило его больше, чем он мог ожидать. Взаимное уважение и принятие между членами общества вряд ли возможно оценить, если его не лишиться. Шок от изгнания из дома после того, как он обрезал волосы, был драматичен, но в какой-то степени ожидаем, и он мог выстоять. Ночь под открытым небом, без единого свидетеля, прошла в эйфории. Но теперь все возвращалось в обычное состояние. Жизнь в деревне пробуждалась, и мысль об испуганных или презрительных взглядах, если кто-то увидит его подбирающим еду с веранды, почти удержала его от этого шага. Только голод и неуверенность в том, где он сможет поесть в следующий раз, подтолкнули его. Сундар взял еду и отправился в Рупар.

Через несколько часов он прибыл в дом пресвитерианского пастора, преподобного П.С.Упшала, который, когда узнал, кем является мальчик, ступивший на его веранду, принял его незамедлительно с самым искренним радушием. Он сам покинул свой индуистский дом

после того, как заявил о своей вере во Христа, и знал, с какими опасностями придется столкнуться тем, кто посмел сделать то же с подобным прошлым. Когда вскоре по прибытии у Сундара начались сильные болевые спазмы, пастор заподозрил, что произошло. То же подозревал и Сундар. Еда, которую ему дали, была отравлена.

Он знал, что использование яда для того, чтобы покончить с человеком, открыто отвернувшимся от их древней религии и последовавшим иной, было довольно распространено. Но ему и в голову не приходило, пока не стало плохо на пути в Рупар, что именно это произошло с ним. (Позже он узнал, что таким образом был убит Сирдар, еще один сикхский юноша, ставший христианином.)

Очень скоро у Сундара пошла кровь изо рта и носа, и господин Упал срочно послал за аптекарем в местную больницу, в то время как госпожа Упал делала все возможное, чтобы как-то облегчить его состояние. Но когда аптекарь, придя, осмотрел Сундара и выслушал его историю, то отказался лечить его.

«Он умрет, - сказал он супругам Упал. - Это очень серьезный случай отравления, он не выживет. Если я стану что-либо делать, он все равно умрет, а меня обвинят в его смерти.» Чтобы угодить мальчику, который умолял прочесть в слух последнюю главу Евангелия от Марка, он остался послушать, сказал, что история о воскресении Христа маловероятна, и ушел.

Он обещал вернуться утром, проведать пациента, но очевидно, ожидал, что Сундар к тому времени умрет.

На следующее утро он пришел, как обещал и, к своему удивлению, нашел Сундара, лежащим на веранде, слабым, но свободным от боли и даже улыбающимся ему. Тут он узнал, что произошло.

Ночью к Сундару пришло убеждение, что Божья воля для него не в том, чтобы умереть, но в том, чтобы продолжать жить и рассказывать людям о Христе. Собравшись с силами, которые остались ему подвластны, он молился об исцелении. Он знал, что Бог может исцелить его, и Бог сделал это.

Изумление аптекаря было очевидным, да он и не пытался скрывать его. Да, он согласился, что это чудо. Он не ожидал снова увидеть Сундара живым, и все же вот он, исцеленный от боли и как любой другой больной поправляется после серьезной болезни. Он взглянул на Новый Завет с возникшим уважением, попросил экземпляр и ушел в задумчивости, чтобы прочесть его. Это был поворотный момент в его жизни, хотя ни он, ни Сундар не осознавали этого тогда.

Для Сундара это был очередной рубеж в его духовном опыте. Убеждение, что Божья воля для него была в том, чтобы жить, а не умереть, сопровождалось его собственной молитвой об исцелении. Не фатализм, но вера высвободила Божественную силу, которая и совершила его. «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения...» - слышал он, когда читалась последняя глава Евангелия от Марка; и среди перечисленных далее чудес упоминались исцеленные больные. «Уверовавших...» Он уверовал, что чудеса могут происходить, но теперь он знал, что они происходят.

Сундар поправился быстро и без каких-либо происшествий в доме Упалов, утешенный их добротой. Все это время господин Упал советовался по поводу него с американскими пресвитерианскими миссионерами. Очевидно, ему нельзя было оставаться в Рупаре. Это слишком близко от его дома и будет невозможно защитить его от семьи. Так или иначе, что-то нужно было предпринять, и было решено, что лучше всего отправить его в школу-интернат в Лудхияне, пока ему не исполнится шестнадцать – возраст, когда он будет считаться взрослым и по закону свободным решать для себя, что ему делать. Итак, он поехал в Лудхияну.

Первым человеком, которого он там встретил, был его бывший одноклассник по начальной школе в Рампуре, сын директора, что помог ему в изучении Библии. Этому мальчика специально вызвали в кабинет директора, что бы он мог тепло приветствовать Сундара и поддержать его в его сложном положении. Сотрудники Пресвитерианской миссии были глубоко обеспокоены этим прибытием, и делали все, что только могли придумать, чтобы облегчить его переживания. Они осознавали всю уязвимость его положения и знали, что есть границы защиты, которую они могли предоставить. Он приехал к ним по собственной воле, и, говоря человеческим языком, они спасли ему жизнь, ибо если бы они не приняли его в Миссии в Рупаре, то он бы погиб. Фельдшер в больнице мог за это поручиться. Но если он поддастся уговорам или давлению со стороны семьи вернуться к ним, то миссионеры ничего не смогут сделать.

Должно быть, для них было напряженным время, когда Шер Сингх в сопровождении членов семьи приехал в школу и потребовал увидеться с сыном. Ничего не оставалось, как впустить его, хотя остальные не были допущены и в итоге покинули пределы школы. Самого Шер Сингха, тем не менее, провели туда, где Сундар беседовал с другом, и последовавшая за этим сцена была столь трогательна, что друг так и не смог ее забыть. Равно как и Сундар, ибо когда он увидел отца, осунувшегося и изможденного, и услышал его голос, умоляющий его вернуться домой, он почувствовал, что горячо желает это сделать. Он не был счастлив в школе. Ритм жизни там был совершенно иным, чем тот, к которому он привык, живя дома. Каждый новый день в доме Сингхов был похож на предыдущий. Жизнь протекала свободно и легко, скрашенная приездами и отъездами, ссорами и озорными мальчишечьими играми. И всегда имелась возможность сбежать в укромное местечко, чтобы размышлять, молиться и читать Новый Завет.

В школе все было по-другому. Строгий распорядок жизни с установленным временем для занятий, отдыха, трапезы, спорта и служений поклонения досаждала части его характера, и, хотя он безропотно выдерживал расписание, ему было нелегко. И теперь, видя, как его отец

почти в слезах умоляет его вернуться домой и оставить намерение стать христианином, Сундар был ближе, чем когда-либо к тому, чтобы сдаться. И когда отец напомнил о любви его матери к нему, о ее посвященной жизни, он вспомнил счастливые дни своего детства, и пелена слез затмила его глаза. Как мог он отвернуться от всей той любви и защищенности, которую предлагала ему его семья? И как мог он причинить боль своему отцу, чье горе было столь очевидным, отказываясь внять его мольбам? Обвивающие его ветви семейных уз и любви отца были очень сильны, но даже в минуту сомнений он почувствовал, что есть то, что еще сильнее. Воспоминание о видении Христа было ясно, как и всегда. Он не мог отрицать ни это видение, ни сознание перемены внутри себя. Посмотрев на отца и увидев всю серьезность его желания вернуть сына, он знал, что должен был сделать.

«Я не могу. Я не могу,- сказал он с мукой в голосе,- Я христианин и хочу остаться им навсегда. И затем добавил: «Я люблю Христа.»

Отец, видя решимость Сундара, поборол свои слезы и, уходя, имел очень огорченный вид. Он дал понять, что это еще не конец, и через несколько дней представительная группа членов семьи прибыла в школу, и стоило не малых усилий не пустить их внутрь, воспрепятствовав тому, чтобы они схватили его. Это происходило два или три раза до конца семестра, и пресвитерианские миссионеры задавались вопросом, куда его отослать, когда закроется школа. Это должно было быть место достаточно далекое от Рампура, чтобы не допустить к нему воинствующих Сингхов, и где он находился бы под опекой христиан.

После небольшого обсуждения они решили, что лучшим местом для него будет Сабатху.

В Сабатху, маленьком городке примерно в тридцати километрах от города Шимла у Американской Пресвитерианской миссии была больница для ухода за прокаженными. Там можно было найти место, где этот серьезный парень жил бы среди сотрудников. Его история приобретала известность, и миссионеры чувствовали особую ответственность за него. Он мог бы оставаться на территории больницы, по крайней мере, пока ему не исполнится шестнадцать, когда он сам сможет решать, что ему делать.

Следует внести предложения относительно его будущей карьеры, для чего возможно поступление помощи по определенным каналам, но окончательное решение останется за ним. В любом случае, нельзя было предпринимать никаких решающих действий до его совершеннолетия.

Так, Сундар отправился в Сабатху. Впервые он испытывал не только внутренний мир, но и внешнее спокойствие. Вдали от напрягающего противостояния в его доме и от строго расписанной жизни в школе он был свободен проводить время по своему усмотрению, живя с людьми, которые с радостью выполняли свою работу и его присутствие среди них принимали без вопросов.

То были для него недели отдыха после различных напряженных ситуаций последних месяцев. Больница была построена на краю соснового леса, где он гулял вволю, удовлетворяя глубоко заложенное желание уединения и возрождая впечатления своего детства, когда мать время от времени водила его к старому саду. Жажда покоя, стремление к Чему-то или Кому-то невидимому, которое он ощущал в них обоих, передалось ему, но сейчас все было по-другому. Он пережил покой, который искали они, он знал Того, к кому они подсознательно тянулись за завесу ощущений. Он видел Его и знал Его – но он жаждал знать Его лучше. Там в спокойствии леса, тишину которого нарушало лишь пение птиц или шорох лесной живности, Сундар склонялся над Библией, прислонившись к дереву и размышляя над тем, что прочел, открывал свое юное сердце ее влиянию.

Это был период, когда его натянутые, как струна, эмоции ослабились, и когда он мог вместе с псалмопевцем сказать: «Он пасет меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою.» Он сознательно готовил себя к следующему шагу в своем духовном странствии – крещению. Вновь и вновь перечитывал он Евангелия, представляя, как Человек Иисус Христос приходит к Иоанну Крестителю на реке Иордан, занимает место среди тех, кто пришел исповедать свои грехи, Сам не имея греха. Он следовал за Мужем Галилеянином через все переживания этой непревзойденной жизни, будучи тронут не только чудесами и учением, но неумолимым движением ко кресту, который, Иисус знал, ожидал Его впереди. Желание страдать за Христа, зародившись в нем, укоренялось. Служить Ему было недостаточно; он желал испытывать боль и лишения ради Него.

Тем временем, приближался его шестнадцатый день рождения, день, когда он по закону станет свободным для крещения. Он очень ясно заявил о своем желании осуществить этот шаг, и господин Файф, директор интерната, подготовил все необходимое для этого. Он написал господину Редману в Церковное Миссионерское общество в Шимле, представляя Сундара и объясняя его положение. На собеседовании господин Редман довольно долго расспрашивал высокого, хорошо сложенного юношу, стоящего перед ним, по многим вопросам веры. На все вопросы юноша давал ясные и убедительные ответы. Особенно необычным было его близкое и скрупулезное знание жизни и учения Христа. Личность Христа, очевидно, наполняла его видение. Без каких-либо оговорок господин Редман объявил его готовым к крещению, и на следующий день, третьего сентября 1905 года, в свой шестнадцатый день рождения, Сундар принял крещение.

Окончательный шаг был сделан. Обрезав свои волосы, он отрезал себя от религии сикхов и всего, связанного с ней, включая собственную семью. Приняв крещение в церкви Святого Фомы в Шимле, он открыто отождествил себя с Христианской верой и всем, что она отстаивала. Теперь путь принятия решения о своей будущей жизни был для него свободен.

В какой-то мере решение уже было принято. На собеседовании с господином Редманом, предшествовавшем его крещению, он сказал, что знает, что должен делать. Он должен проповедовать. Внутреннее обязательство в союзе с последним поручением воскресшего Христа своим ученикам убеждало его в этом. Единственный вопрос был, каким методом это делать. Должен ли он следовать обычным принятым в Индии путем и проходить долгий процесс обучения в теологическом колледже, основанном миссионерами? Это было бы самым простым и естественным решением, поскольку миссионеры стали для него лучшими друзьями за эти сумбурные месяцы, что ему пришлось пережить. Но что-то удерживало его.

Это была память о его матери. Влияние, оказанное ей в детстве, помогло ему сформировать свой характер и свои желания так, чтобы принимаемое решение не противоречило главному. «Не будь беспечным и мирским, как твои братья,- часто говорила она. – Гораздо лучше отречься от мира и искать путь истинного просвещения».

Ему не нужно было искать пути просвещения, но должно было исполниться ее горячее желание для него – пойти путем отречения. Он вспомнил предположение старого садху в джунглях, что он сам однажды станет садху – тем, кто отрекся от семьи, денег, собственности, всего; тем, кто вступил на путь странствования, чье пропитание зависит от других людей. И из изучения Евангелий он знал, что Христос, посылая своих учеников проповедовать и исцелять, повелел им ничего не брать в дорогу.

Он решил для себя, что именно так он и сделает. Он станет садху. Он будет странствовать от одного места к другому, как это делали садху, но не для паломничества к святыням и храмам. Он будет проповедовать. Он станет христианским садху.

Как истинный сын Индии он знал, что в шафрановой сутане садху для него будут открыты те двери, которые иначе были бы закрыты. Его не допустят проповедовать в церкви, но облаченный в одеяния того, кто, как известно, вступил на тропу отречения, он мог достигнуть деревенских жителей, простых людей и даже женщин из высшей касты, заключенных в своих зенах (часть дома, отведенная для пребывания женщин и девочек).

В возрасте шестнадцати лет, не будучи обремененным ни чем из того, что так дорого миру, он принял решение и следовал ему.

Идея обрела воплощение в Сабатху. Он вернулся туда после крещения и оставался там месяц, постепенно избавляясь от принадлежавших ему вещей и подготавливая себя для предстоящего пути. Часами он бродил по лесу, молясь и размышляя. Иногда он взбирался на высокую площадку обозрения, чтобы увидеть дальние горизонты. В любом направлении находились обширные области, где имя Христа еще не было известно. На сотни миль к югу простирались равнины Индии, дрожа в раскаленном воздухе. На запад также пролегли равнины, насколько можно было видеть глазом, и далее, к землям Афганистана. Но на северо-востоке картина была иная. На дальнем горизонте, казалось, виднелось огромное скопление серых облаков, поднимающееся прямо от плато. Только лучи заходящего солнца, освещая вершины этого скопления, открывали мерцающую белизну вечных снегов. Это был Гималайский хребет, и за теми могущественными горами пролегла удаленная и изолированная страна Тибет.

Он должен пойти и туда однажды. Но сначала он должен пойти к своему народу.

Шестого октября 1905 года, босоногий, одетый в простую шафрановую сутану, которая выделяла его как одного из посвятившихся религиозной жизни, с покрывалом через плечо и Новым Заветом в руке садху Сундар Сингх попрощался со своими друзьями в Сабатху и отправился странствовать по селениям Индии.

Г Л А В А 4

Когда Сундар отправлялся в путешествие тем октябрьским днем 1905 года, босоногим и одетым в шафрановую сутану, не известно, имел ли он представление о том, куда он в конце концов пойдет. Единственное, о чем он, казалось, думал, были горные районы Афганистана и Кашмира. Но прежде он направился в свою родную деревню Рампур.

Он продвигался медленно, заходя в деревню за деревней, чтобы проповедовать, где только было возможно. Появление высокого, хорошо сложенного молодого садху в чистой одежде привлекало не мало внимания. Первоначально на него реагировали благосклонно, так как не часто можно было встретить молодого или опрятно одетого садху. Гораздо чаще садху отталкивали, чем привлекали, а ему иногда предлагали еду даже прежде, чем он начинал проповедовать, хотя он не просил об этом. Он положил в своем разуме не попрошайничать. Он будет есть все, что ему предложат, но если не будет ничего, он обойдется и без еды. Он доверит Богу восполнение своих нужд.

Когда он начинал говорить и рассказывать об Иисусе Христе, реакция была различной. В некоторых случаях слушатели воспринимали Иисуса как еще одного бога, которого нужно добавить к существующей иерархии индуистских божеств. Утверждение Сундара о том, что он действительно видел Его и что Христос полностью изменил его и дал ему покой и радость вместо безнадежности и отчаяния, не вызывало ничего большего, чем временный интерес. А поскольку юный садху уже вступил на путь отречения, то было достойным поступком обеспечить его пищей и кровом. Люди принимали его отречение от всего, включая касту, если только среди слушателей не находился тот, кто понимал, что он христианин. Тогда реакция была совершенно другой.

Христианин! Один из тех религиозников, большей частью изгоев, последователей религии людей с запада. Садху христианин! Долой его!

На протяжении всего пути от деревни к деревне было много ночей, когда ему приходилось спать либо в заброшенной хижине, либо под деревом. Однажды, будучи голодным и изможденным, он почти поддался приступу самосожаления, как вдруг ощутил прилив радости, который возрос настолько, что он воспел. Годы спустя он вспоминал этот случай с улыбкой. Он знал, что не обладает певческим голосом, и думал, как на это отреагируют жители деревни. Так или иначе, некоторые проснулись, и прослушав песнопение в течение некоторого времени, два человека пришли посмотреть, в чем же дело. В простоте он объяснил им, что, так как целый день ничего не ел, то был слишком голоден, чтобы уснуть, но в то же время он был настолько счастлив, что не мог удержаться, чтобы не воспеть.

Даже если они и не могли понять, как тот, кто голоден, может быть счастлив, они смогли оценить причину его бессонницы.

«Мы не знали», - сказали они, извиняясь, очевидно устыдившись того, что в их деревне так плохо обошлись с тем, кто избрал путь отречения. Они немедленно сходили за едой, которую он с благодарностью принял, и после того, как поел, завернулся в свое покрывало и тут же уснул. Это был тот, случай, когда он ненамеренно пел за свой ужин.

Со смешанными чувствами приближался он к родной деревне, гадая, какой прием ему окажут. К удивлению, люди, узнавая, тепло приветствовали его. Торговцы на базаре, работники на полях, даже некоторые из его одноклассников были далеки от проявления презрения или враждебности. Казалось, все принимали его новую роль и слушали его, не прекословя.

Тем не менее, оказалось, что дома его воспринимают совсем по-другому. Отец сначала не хотел даже видеть его, но затем с каменным лицом сказал, что он опозорил семью, став христианином, и что он может остаться на ночь, но должен покинуть дом с рассветом. Он указал, где Сундар мог сидеть во время семейной трапезы – один, отдельно от всех. Затем он подошел и положил для Сундара еды и приподнял кувшин с водой.

«Протяни руки», - сказал он, и Сундар знал, что это означало. Он должен был сложить ладони чашечкой, чтобы туда можно было налить воды для питья. Ему не подадут сосуд – он его осквернит.

Именно так подавали питье неприкасаемым, и это было слишком для Сундара. Он сорвался. Со слезами, текущими по щекам, прерывистым голосом он поблагодарил отца, попросился и ушел. Снова проводил он ночь под деревом в своей родной деревне, вне родного дома. Проанализировав свои чувства, он осознал, что, не смотря на огорчение от того, что отец, который некогда любил его, теперь, казалось, его ненавидел, незыблемый покой пребывал в его сердце. «Мир мой даю вам», - сказал Господь Иисус своим ученикам ночью перед распятием, и этот дар мира был также дан и ему. И ничто не могло отнять его.

Хотя этот незыблемый мир никогда не менялся, несомненно, он переживал многие периоды отчаяния. Однажды он шел целый день и дошел до деревни только вечером, очень усталый. Начался дождь, и навстречу ему вышло несколько человек, предлагая свое гостеприимство. Они думали, что он индуистский садху, но когда он заговорил об Иисусе, они с жестокостью обратились против него. Ему ничего другого не оставалось, как убраться из деревни, и он побрел, преследуемый возмущенными выкриками некоторых мужчин.

Дождь не утихал, и он промок насквозь, когда, наконец, нашел заброшенную хижину и вошел внутрь, благодарный за крышу над головой. Он настолько устал, что заснул почти сразу, как только лег и не просыпался, пока не забрезжил рассвет. В тот момент, когда он собрался вытянуть ноги, он заметил что-то темное рядом с собой на земле. Присмотревшись в тусклом свете, он с ужасом увидел, что это огромная кобра заползла на покрывало, в котором он спал. Сдерживая дыхание, он выбрался наружу и выскочил из хижины так быстро, как только ноги могли нести его. Но, оказавшись снаружи, он подумал о покрывале. Ему нужно это покрывало. Оно совершенно незаменимо в холодные ночи, некоторые из которых ему, возможно, придется провести на улице. Основательно помолвившись, он вернулся, заполз в хижину и очень осторожно вытащил покрывало из под тяжести огромной черной кобры. Если бы эта тварь проснулась и неожиданно напала на него, это могло означать его смерть. Но змея лишь немного пошевелилась и продолжила свой сон.

По мере своих странствований он научился справляться, помимо других вещей, и с проблемой поддержания чистоты. Ежедневные омовения, включая мытье волос, не всегда было легко исполнить, так же, как и выстирать одежду. Было замечено, что его шафрановая сутана, в отличие от других садху, была всегда идеально чиста. Он находил способы стирать и высушивать ее, сам в это время завернувшись в покрывало. Иногда ему приходилось надевать ее влажной. Но каких бы неудобств это ему ни стоило, привычки чистоты, заложенные в нем с самого детства, всегда поддерживались.

Равно как и другие привычки. Его дни начинались с часов молитвы и размышления, как продолжение обыкновения, сложившегося в детстве под влиянием матери.

Он научился приспособливать свой физиологический аппетит к тем продуктам, которые ему предстояло есть, и разнообразить его при необходимости теми фруктами, листьями и кореньями, которые были доступны и усвояемы. Очень рано в своей жизни этот юный ученик Христа брал под контроль свои естественные аппетиты, высвобождая свой активный разум для того, чтобы собирать и накапливать впечатления, которые в последствии были использованы в проповеди. Ибо так же, как и его Господь, Сундар говорил притчами.

Одна такая притча была основана на реальном случае, о котором он слышал, будучи в Кашмире. Хозяин нескольких сотен овец, пересчитав их как-то после того, как пастухи пригнали их вечером домой, обнаружил, что нескольких овец не хватает и решил найти их.

Но проблема была в том, что овцы не знали его и поэтому не пойдут за ним. Они испугаются незнакомца, но, поразмыслив, он решил, что они не испугаются другой овцы. Поэтому он обернулся в овечью шкуру и отправился на поиски. Он нашел овец, идя на их бляение, и когда овцы увидели его, то, приняв за себе подобного, последовали за ним, пока не пришли в загон.

«Так и Бог – пришел и жил среди нас, приняв человеческий облик. Христос как человек стал одним из нас, тем, кого мы не боимся. Поэтому он может привести нас в свой загон.»

В другой раз на железнодорожной станции он увидел брахмана, которому стало плохо, и нужна была вода. Тем не менее, когда начальник станции принес ему воды в чашке, он отказался пить ее. Он отверг иностранный сосуд, в котором ему подали воду. Пока ее не перелили в его собственную медную чашу, он наотрез отказывался принять ее.

«Так и индус более подготовлен принять Воду Жизни, если ее преподносят ему в сосуде, который он может принять. Садху – фигура знакомая и везде приобретает более слушателей, готовых к восприятию, чем иностранец или даже индеец, который перенимает западный уклад жизни и общий подход.

Вода не меняется, но сосуд, в котором ее подают, отличен. Если сосуд приемлем, то более вероятно, что и Воду также примут.»

В то первое путешествие он прошел через Балухистан к границам Афганистана, вдоль знаменитого Хейберского прохода в саму страну. Именно здесь, спустя время посещая эти места, он прошел через обстоятельства, которые угрожали его жизни, но в которых живое присутствие Бога развернуло вспять прилив, направленный против него.

Он достиг города Джелалабада и среди мусульманского населения его проповедь об Иисусе, почитаемом в Исламе одним из пророков, воспринималась достаточно спокойно, пока не стало очевидным, что Иисуса провозглашают Богом. Тот час настроение слушателей изменилось в открытую враждебность и его предупредили, что если он скорее не уберется прочь, его убьют. Приближалась ночь, и он пошел в единственно открытое для него место – сарай, где караваны животных и их погонщики останавливались на ночь. Укрытие, под которым можно было спрятаться от жуткого холода, было очень мало, и поскольку шел дождь, то Сундару почти совсем не удалось поспать. Рано утром он поднялся и стал высушивать у костра свою сутану, когда заметил у входа в сарай тех самых людей, что угрожали ему накануне.

Это был очень тревожный момент. Он думал, что они пришли осуществить свои угрозы: схватить его и убить. Вместо этого они стояли и смотрели на него пораженные. Если они и ожидали увидеть его живым, то дрожащим, полумертвым, едва стоящим на ногах. А увидели высокого, хорошо сложенного юношу с бородой, в добром здравии, полуодетого в свою сутану, которую он сушил у костра.

Возможно, они увидели нечто большее. Возможно, в его облике было что-то, что привело их в легкий трепет. Так или иначе, они постояли, поговорили между собой, после чего один из них вышел вперед и, к удивлению Сундара, поклонился ему. Затем он признался, что они, в самом деле, пришли убить его, если он еще не умер от истощения. Но увидев его живым и, по всей видимости, здоровым, они поняли, что Аллах сохранил его. В таком случае они настоятельно приглашали его вернуться и рассказать им то послание, которое он должен донести. В результате такого удивительного поворота событий Сундар прожил неделю в доме предводителя группы. Неизвестно, до какой степени эффективно удалось ему донести свое послание, так как он не знал их языка, но их отношение к нему, в целом, изменилось. Они признали в нем того, кто был сохранен Верховной Сущностью, которую они знали как Аллаха. Присутствие Бога со своим слугой придавало ему внутреннюю силу и достоинство, которое подавляло его противников и завоевывало их уважение. Такому предстояло случиться много раз за последующие годы.

Сундар вернулся в Сабатху из своего первого миссионерского путешествия гораздо более худым, чем он был в начале его, и с радостью обрел убежище в хорошо знакомой ему местности. Именно там он познакомился с богатым американцем С.И. Стоуксом, который прибыл в Индию, горя желанием жить для Христа в этой стране. Между ними тот час завязалась дружба. Стоуксу все это напомнило о Франциске Ассизском, чья жизнь вдохновила его на решение приехать в Индию, но Сундар о нем ничего не слышал.

«Франциск Ассизский родился в Италии около 800 лет назад, -рассказывал Стоукс Сундару. – Он родился в очень богатой семье, и у него всегда было много денег, поэтому он был очень популярен. Но когда ему исполнилось 22 года, он стал задумываться о Боге. Однажды он услышал, как проповедник говорил на 10 главу евангелия от Матфея, где Иисус велит своим ученикам, идти и проповедовать, призывая людей обращаться от своих злых дел и приходиться к Богу. Иисус также повелел им исцелять больных, изгонять демонов и творить добро. И Он сказал им не брать с собой денег, а есть ту пищу, которую им дадут, куда бы они ни шли.

Франциск понял, что Христос говорит ему именно так и делать, и повиновался. Он раздал все свои деньги и имущество и пошел проповедовать. Но он не только проповедовал. Он помогал людям практически, ухаживая за больными, делясь пищей с нищими, помогая слабым. Он совершенно не был похож на священников в храмах, которые и пальцем не хотели пошевелить, чтобы кому-нибудь помочь. Он также обладал чудесной властью над животными, смотря на них как на таких же Божьих созданий, какими являемся мы сами. Ни один зверь, даже самый свирепый, никогда не трогал его. Так постепенно Франциск приобрел известность, и другие молодые люди, вдохновленные его примером, следовали за ним. Он основал религиозный орден Францисканцев.»

Сходство между образом жизни Франциска Ассизского и тем, что избрал для себя Сундар, было очевидным. По мере того, как Стоукс разговаривал с ним и слушал о возможностях и открывшихся дверях в его путешествии от селения к селению, равно как и о перенесенных трудностях, и видел радость, которую этот юный сикх испытывал от служения своему Господу, Стоукс был взбудоражен. Он решил присоединиться к Сундару и вступить на Индийский путь в качестве садху.

И так случилось, что в течение нескольких месяцев Сундар и американец путешествовали вместе, деля одну пищу, перенося одни лишения. Лидерство Сундара было неизбежным, поскольку он знал язык и обычаи своего народа. Удивительно было то, как американец, происходя из совершенно отличной культуры, сумел адаптироваться к образу жизни, который был труден даже для индийца, и то, как эти двое гармонично слились. Огонь, горящий в их сердцах, связывал их. Но в конечном итоге, Сундар, а не Стоукс, надорвался физически. Внезапно его охватила острая внутренняя боль, вскоре поднялась температура, и его трясло в лихорадке. Он боролся до тех пор, пока не смог стоять на ногах и потерял сознание на дороге.

Это была тревожная ситуация для Стоукса, который, склоняясь над Сундаром, пытался облегчить его страдания. «Как ты?» – спросил он озабоченно. Ответ было невозможно забыть. Слабая улыбка появилась на мальчишеском лице Сундара и он еле слышно произнес: «Я очень счастлив. Как приятно страдать ради Него!»

«Как приятно страдать ради Него!»- это было лейтмотивом жизни Сундара. В отличие от «святых людей», которые намеренно причиняли себе боль, лежа на кольях или заключая себя в клетку, или как-либо еще искали того, чтобы обрести достоинство посредством физических испытаний, он не искал страданий. Он не испытывал от этого удовольствия больше, чем любой другой человек в здравом уме. Но он учился принимать это даже с радостью, когда страдание приходило во время его служения Христу.

Стоукс смотрел на своего юного товарища и понимал, что тот не в состоянии двигаться. Что-то нужно сделать, чтобы доставить его туда, где он сможет отдохнуть и восстановить свое здоровье. Узнав, что неподалеку живет европеец, Стоукс пошел к нему и попросил о помощи. История умалчивает, какова была первая реакция того человека на появление перед ним белокожего садху в шафрановой сутане, который хорошо говорил по-английски с американским акцентом! Но он откликнулся на просьбу о помощи и позволил перенести Сундара в его дом. Получив отдых, хорошую пищу и соответствующее лечение, юный сикх быстро поправился, и вскоре они со Стоуксом вновь отправились в путь. Но их короткое пребывание в доме того европейца привело к тому, что он уверовал во Христа.

Вернувшись в Сабатху, они узнали, что требуется помощь в больнице в уходе за прокаженными, и работали там некоторое время, пока не услышали, что чума разразилась на равнинах, и отправились туда прямо в зараженную местность, чтобы, подобно Франциску Ассизскому, ухаживать за больными и умирающими.

Это был последний период их совместной работы, ибо хотя они и поддерживали отношения какое-то время и обычно каждое лето привозили в лагерь искалеченных мальчиков, в итоге их пути разошлись. Стоукс уехал в Америку, затем в Англию, агитируя молодых парней присоединяться к братству и работать в Индии по линии Францисканцев. А Сундар, отвечая на то внутреннее побуждение, которое он испытал в ожидании своего крещения, наконец, направил свои стопы в сторону земли, пролегающей по ту сторону огромной серой массы на северном горизонте – Тибета.

Г Л А В А 5

Наверное, нет на земле другой такой области, которая была бы предметом стольких человеческих усилий, как обширное Тибетское плоскогорье в Центральной Азии. С величественным горным хребтом Гималаев, образующим естественную подпору против изобилующих миллионов индийцев, и сотнями миль пустынного, обдуваемого ветрами плато, простирающегося на восток до густо населенных городов и равнин Китая, - Тибет был почти непреодолимой крепостью в то время, когда Сундар устремил на него свой взор. Бесстрашные покорители гор и исследователи пытались взобраться на его вершины и вскрыть его тайны. Политики заключали соглашения, а немногие посланники Креста предпринимали рискованные попытки провозгласить там имя Христа.

В 1846 году Аббес Хук и Габет в действительности достигли Лхасы в результате эпохального путешествия из северо-запада Китая, которое продолжалось полтора года. Их желанием было проповедовать Христа распятого для спасения человечества. И хотя тибетцы хорошо их приняли, они были вынуждены покинуть Лхасу через два месяца. Виной тому были действия китайского посла, но Аббес за человеческим деянием увидел «врага всякого добра, который усердно поработал над тем, чтобы разрушить наши планы и удалить нас из страны, которую он, кажется, избрал тронем своей империи.»

Пятьдесят лет спустя, одна женщина-доктор из Канады и ее муж голландец, после того, как они год или два прожили в ламаистском монастыре в Кум Буме на северо-западе Китая, взяв с собой своего новорожденного сына, отправились вглубь страны. Это было трагичное путешествие, полное невероятных опасностей и трудностей, из которого доктор Сьюзи Рижхарт вернулась одна, по-видимому, ничего не совершив, хотя ее история побудила и вдохновила других идти к тибетцам.

В то же самое время члены Китайской Внутренней Миссии и Христианского Миссионерского Альянса обосновывались в городах на китайско-тибетской границе. И хотя были китайцы и представители малых народностей, которые откликнулись на их проповедь, все попытки достигнуть евангелием самих тибетцев вновь и вновь терпели поражение.

Духовенство беспрепятственно властвовало над паломниками, равно как и над селянами, живущими в маленьких домах с плоскими крышами, разбросанных тут и там по обширным плоскогорьям; в домах, которые затмевались монастырями, где ламы нараспев твердили свои молитвы и били в гонг. Монастыри были центром религиозной жизни, получая свое обеспечение от мирян. В отличие от анимистических племен, у которых божества, в основном, привязаны к определенной местности, тибетцев держала вместе вековая система, центром которой был Далай-лама в Лхасе, и казалось, ничто не могло поколебать их преданности ему, их царю и богу.

Сундар, конечно, ничего этого не знал. Глядя на необъятный Гималайский хребет, возвышающийся как великая стена на северном горизонте, он и понятия не имел, как много людей живет за этими суровыми горами. Он знал только, что когда тают снега, некоторые из них спускаются по торговым маршрутам, чтобы обменивать товар, закаленные, крепкие мужчины с дерзким взглядом и веселым нравом, но очень грязные. И еще они суеверны. Перебирая свои четки, они постоянно бормотали «о маме падма хум, о маме падма хум», будучи уверены в том, что таким образом собирают себе заслуги для того, чтобы в следующей реинкарнации обрести лучшее рождение. Некоторые из них несли молитвенное колесо в складках одежды. Иногда они доставали его и быстро раскручивали, одновременно произнося молитвы со скоростью вращения колеса, в то время как их разум был занят другими вещами. Их наголо бритые священники ламы ходили посреди них, легко различимые в своих темно бордовых рясах. Перед ними благоговели, их содержали и, очевидно, в их обязанности не входило выполнение какой-либо работы. С приближением зимы все они вновь исчезали на горных тропах, ведущих в заснеженную страну.

Взгляд Сундара снова и снова обращался к этим горам, и теперь он полагал, что пришло время, идти и провозглашать, как это только возможно, весть о прощении и вечном спасении мужчинам и женщинам, живущим там.

Ему было девятнадцать, когда он отправился по пути наверх вместе с несколькими индийскими торговцами. Добравшись до небольшого городка Пу у подножья Гималаев, Сундар узнал, что двое европейцев приехали сюда на границу, чтобы основать христианскую миссию и достигать евангелием тибетцев. Они были членами Моравской миссии, которая была основана в Ладакхе, в Кашмире, около пятидесяти лет назад. Изначально целью миссии было попасть в Тибет, но их попытки были расстроены и, в конечном итоге, они обосновались на границе.

Миссионеры из Пу изучали тибетский язык, и когда Сундар рассказал о своем желании нести евангелие в Тибет, они ободрили его остаться у них на некоторое время, чтобы обучиться начаткам тибетского и подготовиться к тому, с чем ему, возможно, придется столкнуться. Когда он, наконец, покинул их, чтобы идти дальше в горы, они отправили вместе с ним молодого христианина из местных жителей, который работал у них. Сундар был весьма благодарен за такую компанию. Он шел в народ, чьи обычаи и образ жизни были совершенно ему незнакомы. И без помощи того, кто знал их, ему, несомненно, пришлось бы гораздо хуже, чем это было в то первое путешествие.

Ему пришлось привыкать к их еде, которая была совершенно неудобоваримой и состояла, в основном, из молотого сухого ячменя, масла, зачастую прогорклого, и чая с солью. Хуже того, на его взгляд, тибетцы никогда не мылись. Их лица и руки были грязные, и когда они натирали себя прогорклым маслом, чтобы защититься от холода, исходящий от них аромат сбивал его с ног. А когда они осознавали, что он пришел проповедовать религию, отличную от их собственной, их неприкрытый интерес не медлил смениться на злобную враждебность. Ибо эти люди, как он вскоре обнаружил, были яростными религиозниками. Они с радостью подчинялись правлению лам, их духовенства, которое сплетало их в одно, словно паутину, простирающуюся от одного края их пространной земли до другого. Их предостерегали, что чужеродная сила намеревается уничтожить их религию, и они были готовы сопротивляться ей, что есть мочи.

Это первое путешествие продолжалось несколько недель, и в целом, Сундар и его компаньон не встретили упорного сопротивления. Ламы настраивали людей против их учения, в остальном же, переносимые трудности были подобны тем, с которыми сталкивается всякий путешествующий по этим суровым горам. И в одном монастыре, к их удивлению, главенствующий лама тепло принял их и внимательно выслушал их речи. Так осторожно для Сундара открылась возможность проложить путь среди тибетцев, что в последствии станет отличительной чертой его жизни. С тех пор он, хотя и продолжал ходить из деревни в деревню, а иногда и по городам Индии, всегда помнил о том времени, когда тают снега у подножья Гималаев. Год за годом его можно было встретить передвигающимся вместе с потоком торговцев и пилигримов, прокладывающих себе путь наверх по проходам в далекую гималайскую страну.

Но прежде, чем это стало доминирующим фактором в его жизни, ему предстояло пройти переходный период, который испытал его на прочность как христианина и вновь открыл ему слабость церкви Северной Индии на тот момент. Он поступил в богословский колледж святого Иоанна в Лахоре. И там, находясь в тесном общении со многими молодыми людьми, собирающимися стать служителями, он испытал разочарование, обнаружив, насколько низок был уровень их духовности.

Он поступил туда не по собственному желанию, но из уважения и любви к доктору Лефрою, англиканскому епископу Лахора. Он распознал, что Сундар необычайно одарен как проповедник, и что его всецелое посвящение Господу имеет влияние на других. Что может быть лучше для него, чем обучаться для англиканского служения, ведь это откроет перед ним двери, которые на данный момент закрыты. К ценности теологического образования добавится возможность посвящения в сан и признанное положение в англиканской церкви по всей Индии. Уступив суждению доктора Лефроя и других западных миссионеров, на деле доказавших свою дружбу, Сундар согласился стать студентом теологического колледжа. Он успешно сдал экзамен за первый год обучения и, будучи по-прежнему облачен в шафрановую сутану, поступил на второй курс вместе с остальными студентами.

С самого начала ему пришлось трудно. Он выделялся среди других своей примечательной внешностью и своим прошлым. Большинство студентов происходило из христианских общин, остальные были из тех, кто принимал помощь от миссионеров, что неизбежно приводило к отчуждению от своего народа. Прибытие в их среду того, кто одевался как садху и, как было известно, вел соответственный образ жизни, произвело волнение и возбудило довольно много критики и враждебности со стороны некоторых. Его привычка уходить надолго для уединенной молитвы озадачивала и раздражала их. А его рвение! Оно было неестественным!

В особенности один студент открыто противился ему, и Сундар был растерян и напуган таким отношением. Неужели все дело в нем самом, думал он? Может, с ним что-то не так, о чем он не подозревает?

Как-то раз он почувствовал такую тяжесть в разуме и духе, что ушел подальше в одиночестве, сел под деревом и стал молиться. Не предполагая, что его гонитель видел его и идет за ним, Сундар молился вслух со слезами, умоляя Господа указать ему, если он был виноват, и простить все, что он сделал неправильно. Особенно он молился за того, кто без его ведома притаился за деревом, слушая, как он просит Бога благословить его, и умоляет, чтобы между ними зародилась истинная любовь.

На эту молитву он получил ответ там же и в тот же момент. Подслушивающий, глубоко тронутый услышанным, вышел вперед и, падая на колени рядом с Сундаром, попросил прощения. Их соединила крепкая дружба, и много лет спустя бывший гонитель, к тому времени искренний и горячий служитель церкви, вспоминая свое обращение ко Христу, начинал с того момента под деревом, когда он услышал, как Сундар молился за него.

Примерно в то же время Стоукс вернулся в Индию вместе с тремя молодыми людьми с целью образовать новое братство в сотрудничестве с Францисканским орденом. Он обратился к архиепископу Кентерберийскому и, заручившись одобрением прелата, отправился в Индию, где в соборе Лахора состоялась торжественная служба в честь образования братства. В братстве было пять членов, одним из которых стал Сундар, единственный индеец среди них. Но он не произносил клятв. Он уже поклялся перед Богом один на один, что отречется от мира и посвятит себя провозглашению евангелия.

Примерно год он провел, изучая теологию, церковную историю, Книгу общей молитвы, апологетику и историю религий. И когда год закончился, он, к своему удивлению, узнал, что однажды посвятившись, он должен будет ограничить свою деятельность пределами англиканской общины. Он никогда не задумывался над тем, что на него будут наложены подобные ограничения. Он уже получил право проповедовать, но невозможно было согласиться с мыслью, посещать только англиканские собрания и проезжать мимо бесчисленных деревень, где никто не возвещал евангелие. Он не стал принимать поспешных решений, но чем больше он об этом размышлял и молился, тем больше убеждался, что это был не тот путь, что приготовил для него Бог. Он должен быть свободным, чтобы идти ко всем и иметь общение со всеми, кто любит Господа Иисуса, в независимости от деноминации и вероучения. Он пошел к доктору Лефрою, объяснил свою позицию и вернул право на проповедь. Восприимчивый епископ великодушно принял его объяснения вместе с правом.

И снова Сундар был в пути – простой христианский садху.

Следующие шесть или семь лет Сундар путешествовал по городам и селениям Северной Индии, каждый год помогая в летнем лагере для искалеченных мальчиков, время от времени останавливаясь на короткий срок на горных станциях или в гостиницах Дели и Шимлы. Но всегда он возвращался к тому, что, он знал – к его призванию. Одетый в свою шафрановую сутану с покрывалом через плечо он тихо свершал свой путь, проводя ранние часы каждого дня в уединенном размышлении и молитве, проходя мило за милей по равнинам, останавливаясь и проповедуя везде, где, как ему виделось, была возможность.

Его не всегда тепло принимали. Однажды увидев несколько человек, жнущих в поле, он подошел к ним и стал проповедовать. Некоторое время они слушали его с равнодушием, затем стали кричать на него. Они сказали, что и слышать не хотят о чужой религии. Им нужно работать. Затем один из них взял камень и бросил в него так сильно и метко, что рассек ему лицо. Он отер с раны кровь и с мудростью не произнес более ни слова, но по какой-то причине не ушел.

Вскоре у человека, бросившего камень, развилась такая раскалывающая головная боль, что он бросил работу. Сундар знал, что одна простаивающая коса в сезон урожая это серьезный ущерб, и, ничего не говоря, подошел, подобрал косу и стал работать. Это произвело благоприятное впечатление на мужчин, особенно, когда он не перестал работать, пока они не закончили.

Они пригласили его к себе в деревню, чтобы накормить. И только после того, как он ушел, уложили все, что было пожато в тот день и, к своему удивлению, обнаружили, что урожай был гораздо больше, чем обычно. Их удивление сменилось трепетом. Это потому что святой человек жал вместе с ними! Святой человек! А они отвергли его слово. Они пытались отыскать его тогда, но он уже ушел. Этот случай был описан в северо-индийской газете одним из жнецов, который теперь хотел услышать проповедь садху и умолял его вернуться к ним.

В другое путешествие, на этот раз у подножья Гималаев, он встретил человека, который, казалось, был в большом горе и просил денег. Он сказал, что его друг внезапно умер по дороге - он указал на тело, лежащее на земле и покрытое куском ткани, - и у него нет денег, чтобы похоронить его. У Сундара было всего две монеты и покрывало, но он отдал все и пошел дальше. Немного погодя этот человек догнал его, рыдая. «Мой друг умер,»- выдохнул он.

Сундар, естественным образом, был озадачен. «Да, ты мне уже говорил об этом»,- сказал он.

«Но он на самом деле мертв»,- выпалил тот, признаваясь, что вся история была обманом. Он вместе со своим компаньоном таким образом вымогали деньги у прохожих в течение многих лет, по очереди притворяясь мертвыми и выманивая деньги у ничего не подозревающих путешественников. Но на этот раз они солгали святому человеку. Они взяли его деньги и его покрывало, и теперь его кара постигла их. Его компаньон уже мертв, говорил обезумевший человек, какое же несчастье случится теперь с ним? Он был охвачен чувством собственной вины.

У Сундара, конечно, был ответ, говоривший человеку, что нет такого греха, который не может быть прощен, ибо Божий Сын на кресте уже понес наказание, полагающееся грешнику.

Сердце этого человека было готово принять то, что для него звучало как ошеломляющая новость. И в результате, проведя какое-то время с Сундаром, он отправился на миссионерскую базу, о которой ему сказал Сундар, там должным образом крестился и стал членом церкви.

Такие случаи не были чем-то обычным, но слухи о них стали распространяться, и когда Сундар приходил в какой-нибудь городок или горный поселок, то всегда находились желающие с ним познакомиться. Будучи в Дели, он оказывал преобразующее влияние на некоторых студентов, что приходили к нему в комнату в общежитие. Один из них оставил обеспеченную должность на государственной службе ради того, чтобы все свое время посвятить христианскому служению. Другой решил не думать больше о светской работе и стал учиться на пастора. Но больше всех поразил студент из высшей касты, который, когда узнал, что один из уборщиков, «неприкасаемых», болен, пошел в их отделение и ухаживал за ним, пока тот не поправился. Такого в колледже никогда ранее не случалось.

Во время своих хождений по городам и горным поселкам, Сундар приобрел несколько верных друзей, которые остались верны ему до конца жизни. Одним из них был молодой новозеландец, преподобный Т. Е. Ридл, который в последствии написал биографию Сундара. Другой был преподобный С.Ф. Эндрюс, профессор колледжа святого Стефана в Дели. Он впервые познакомился с Сундаром в 1907 и отметил его молодость и скромность. В то время, как другие разговаривали, Сундар сидел молча, очевидно погрузившись в свои мысли, пока вопрос не был задан ему лично. Тогда он поднимал взгляд, озаренный светом его глубоко посаженных светло-коричневых глаз, и давал краткий, точный ответ, который слушали с тем большим вниманием, поскольку до этого он молчал. У Эндрюса, хотя он и англичанин, было глубокое родство с загадочной натурой Сундара, и он понимал его лучше, чем многие из его соотечественников.

Также был доктор Е.М.Уэри, американский пресвитерианский миссионер, который знал Сундара с его отроческих лет и следил за его карьерой с большим интересом. Доктор Уэри занимался изданием Христианской газеты Индостана, которая еженедельно выходила в Лудхьяне, и был первым, кто выпустил Сундара в печать, попросив его предоставить свидетельства о своей деятельности для публикации их в газете. Сундар, увидев в этом возможность вдохновить и призвать других к тому, что уже становилось его первостепенной задачей – евангелизации народов, живущих в Гималаях и за их пределами, – дал свое согласие. Эти сообщения, почти полностью посвященные путешествиям и людям, которых он встречал на тибетской границе, ненамеренно познакомили с ним людей, которые, возможно, никогда о нем и не слышали. Они заинтересовались этим молодым писателем и захотели увидеть и услышать его. Бог готовил его к служению, гораздо более широкому, чем он мог себе представить.

ГЛАВА 6

Сундар верил в ангелов. Не смотря на скептицизм и осторожность его западных друзей, находящихся под влиянием учения Высшей критики того времени, он ни на миг не сомневался ни в реальности этих духовных существ, ни в том, что они приходили к нему на помощь в минуту опасности. По возвращении из нескольких своих путешествий в Гималаи, он совершенно естественно рассказывал о чудесных избавлениях, которые он приписывал ангелам, являвшимся в облике человека. Однажды, когда его направили по лесной тропе, которая в итоге привела к реке, он увидел, что река слишком широкая и быстрая, чтобы он смог ее перейти. Уже наступала ночь и, слыша голоса диких животных вокруг, он думал, что же с ним будет и что, возможно, жизнь его подошла к концу. Встретить смерть в

одиночестве в такой глуши было для него несколько не легче, чем для кого-либо другого, и глаза его наполнили слезы, когда, взглянув на другой берег, он увидел человека, греющегося у костра.

«Не беспокойся. Я иду тебе на помощь!»- крикнул человек и, ступив в воду, он бесстрашно перешел реку и сказал Сундару: «Садись мне на плечи, не бойся». Взобравшись к нему на спину, Сундар почувствовал, как его несут через реку и на берег, и подумал про себя: «Должно быть, он живет неподалеку и привык переходить реку. Я должен рассказать ему Благою Весть об Иисусе...» Прибыв на берег, Сундар соскользнул со спины своего спасителя, огляделся, проверяя свои вещи, затем повернулся, чтобы говорить, но человек исчез. Следов костра также не было.

В другой раз, будучи чрезвычайно уставшим, со стертymi ногами, он с трудом плелся в очень удрученном состоянии, когда к нему присоединился человек и стал идти рядом с ним. Он разговаривал так дружески и вдохновляющее, что настроение Сундара полностью поменялось к тому времени, как они дошли до деревни, в которую он направлялся. Но в тот момент, обращаясь к своему новоиспеченному другу, он обнаружил, что вновь остался один. Его спутник исчез. «Теперь я знаю, что это был ангел Господень, посланный, чтобы укрепить и поддержать меня в час немощи.»

Потом был вечер, когда после целого дня, проведенного в попытках проповедовать в местечке Каньян, когда ему, то и дело, отчаянно противились местные мужчины, он ушел в пустынное место и упав под дерево, голодный и несчастный, тут же уснул. Около полуночи он пробудился от прикосновения, и голос сказал ему встать и есть. Возле него стояли два человека, держа в руках еду и воду. Думая, что это селяне, которые сжалились над ним, он с благодарностью принял это подкрепление. И когда, насытившись, он поднял глаза, чтобы говорить с ними, их уже не было.

Самый примечательный случай ангельской помощи и избавления, рассказанный Сундаром, произошел с ним, когда он пришел в Тибетский городок Раса. Там его арестовали за то, что он проник в страну, чтобы проповедовать чужую религию. Он предстал перед главным ламой, который вынес ему приговор – приговор, означавший смерть. Но поскольку тибетская религия запрещала отнимать жизнь, они придумали два способа, как умертвить преступника, не убивая его своими руками. Один состоял в том, чтобы зашить его в мокрую шкуру яка и оставить его на солнце, что заставит шкуру усыхать, раздавливая его. Другой способ был бросить его в сухой колодец, закрыть крышкой и оставить его там. В обоих случаях человеческие руки оставались чистыми, поскольку силы, заставляющие шкуру яка усыхать или тело в колодце умирать от голода и жажды, от них не зависят, поэтому они невиновны.

В случае Сундара был избран метод заключения в колодец. Его поспешно привели на место, отомкнули и сдвинули железную крышку и столкнули его через край в яму, такую омерзительно зловонную, что сама душа его в ужасе сжалась. Дно колодца было покрыто человеческими костями и гниющей плотью, и смрад был непереносимый. Когда задвинули назад крышку, тусклый свет, что проникал внутрь, был скрыт от глаз, и он остался один в темноте.

Это было гораздо хуже всего того, что он когда-либо переживал. Никто не сопровождал его в этом путешествии, он находился в стране, где его никто не знал, и он осознавал, что, говоря человеческим языком, его положение безнадежно. Помощь со стороны людей была невозможна, и на этот раз внутренняя радость, которую он испытывал во времена гонений, покинула его.

«Боже мой, Боже мой! Для чего Ты оставил меня?» Слова Иисуса на кресте пришли на ум, но не принесли утешение живого общения. Для чего, для чего Бог привел его в это ужасное место и оставил его здесь?

Проходили часы. Сколько, он не имел представления. Ему вывихнули руку, сбрасывая в колодец, но физическая боль была ничем, по сравнению с муками его души. Рассказывая эту историю спустя годы, он говорил, что пробыл в том колодце два дня и две ночи, и на третью ночь он услышал какой-то звук наверху. Крышка колодца была сдвинута и веревка спущена, и голос велел ему хвататься за нее. Собравшись с остатками сил, он просунул петлю себе под руки, и когда его медленно вытащили из колодца, он повалился на землю, сознавая только одно – наконец он вдыхает свежий воздух. Не смотря на невероятную слабость от голода и жажды, больше всего его тело жаждало воздуха. Вдыхая его, он почувствовал себя странным образом возрожденным, и боль от вывиха в руке прошла. Но он был один. От его избавителя не было и следа.

На следующий день в деревне новость о том, что брошенный в колодец садху выбрался и снова проповедует, достигла главного ламы. И снова Сундар предстал перед ним. Он требовал сказать, как ему удалось сбежать. Но все, что Сундар мог ему рассказать, это то, что произошло, и что он никого не видел. Лама яростно доказывал, что кто-то украл ключ от колодца и приказал отыскать его. Какого же было его недоумение, когда ключ был найден на его собственном поясе. Это было очень настораживающе. Очевидно, здесь вмешалась какая-то высшая сила, и главному ламе это не нравилось. Это было что-то, с чем он не мог более сражаться. Он не отдал приказа арестовать садху, но велел ему немедленно покинуть район. Сундар понял, что у него нет иного выбора, как подчиниться, и ушел.

Свидетельства Сундара ни в коем случае не ограничивались только лишь его личным опытом. Он часто упоминал о прежде неизвестном мученике по имени Картар Сингх, о котором он услышал во время одного из своих путешествий в 1912 году, и чья история

глубоко тронула его. Сундар покинул Пу и пошел вверх по тропам, проповедуя в пути, пока не дошел до монастыря одного знаменитого ламы, к которому он обратился с вопросом: «В вашей библиотеке есть книги о жизни Христа?»

Он продолжил, объясняя, что несколько лет назад один русский по фамилии Нотвик заявил, что заполучил книгу из тибетской библиотеки, в которой утверждается, что Иисус Христос был на Тибете. «Это не так, - ответил лама, - Такой книги нет ни в одной из библиотек. Правда, несколько сот лет назад здесь были христианские проповедники, которые обратили одного из королей. Но после его смерти его приемник искоренил христианство, и с тех пор христианам запрещено проповедовать на Тибете.»

Сундар не рассказывал продолжение разговора с главным ламой, но, путешествуя из одного места в другое, он сталкивался с решительным противлением и угрозами. «Если ты не уйдешь отсюда, мы поступим с тобой так же, как с Картаром Сингхом.» Частое упоминание этого человека заставило Сундара выяснить, кто это. И вот, что он узнал не только от тибетцев, но и из других источников, из чего ему удалось сложить следующую историю.

Картар Сингх был молодым сикхом из Патиялы, (область, откуда сам Сундар был родом), который хотел стать христианином. Сундар не знал, как именно это произошло, но реакция его отца, когда Картар ему все рассказал, была похожа на реакцию отца Сундара, даже еще категоричнее. Картару было приказано снять одежду, оставить ее у ног отца и покинуть дом навсегда. Два или три дня он был один в лесу, почти голый, но как и Сундар, он был исполнен внутреннего мира. Затем ему удалось устроиться на работу, где он своими руками зарабатывал деньги, откладывая их, чтобы купить одежду и отправиться в путь, подобно садху, проповедуя евангелие. И он направился в сторону Тибета.

По пути он крестился и провел какое-то время, усердно изучая тибетский язык, прежде чем идти дальше. Продолжая свой путь, он проповедовал, пока не пришел в город Ташиганг. Там он находился три месяца, проповедуя всем, кто его слушал. Но противление возрастало – однажды его насильно вывели из города, куда он тут же вернулся, говоря, что никогда не уйдет, что бы с ним ни делали, ибо он с радостью умрет, лишь бы донести истину о своем Господе и о том, что Он сделал, дабы им получить вечное спасение.

Тогда его привели к главному ламе, и тот вынес ему приговор. Лама приказал, чтобы его отвели на гору и там зашили в мокрую шкуру яка и оставили на солнце. Когда его вели на гору, он произнес: «Я не спущусь назад, но я воскресну в небесах, чтобы быть с моим дорогим Господом». Зашив его в мокрую шкуру яка, его палачи оставили его, но время от времени возвращались, чтобы посмотреть, что с ним будет происходить, и были изумлены и озадачены, найдя его поющим и молящимся. Некоторые из них говорили «Должно быть в нем дух одного из богов». Три дня они приходили и, наконец, увидели, как он умер, моля Господа принять его дух и простить его врагов.

Вновь и вновь, с сияющим лицом, рассказывал Сундар историю Картара Сингха. И это имело последствия. Как-то раз он рассказывал эту историю на станции Патиялы, и в какой-то момент увидел в задних рядах толпы рыдающего пожилого человека. Поинтересовавшись, он узнал, что это отец Картара Сингха. Отыскав его, Сундар горячо проповедовал в беседе с ним, в результате чего тот стал христианином, хотя ему так и не хватило смелости открыто исповедать Христа.

И это не было единственным итогом жизни и смерти Картара Сингха. Главный секретарь ламы, который вынес приговор, завладел Новым Заветом Картара, и с еще свежим воспоминанием о его смерти читал его. Читая, он до того убедился в его истинности, что не только уверовал в Иисуса Христа, но и рассказал об этом ламе. Лама пришел в ярость и вынес ему такой же приговор, что и Картару. Хотя в его случае это не была мокрая шкура яка, в которой он должен был бы медленно умирать. Его жестоко пытали, вонзая в тело раскаленные прутья, затем протащили по городу, обвязав веревку вокруг тела, и, наконец, выволокли за город и бросили умирать в куче пыли. Но он не умер. Постепенно он обрел достаточно сил, чтобы уползти, и, придя в себя, он вернулся в город, где людей охватил глубокий трепет, когда они увидели его живым и полным сил, и они не смели более противостоять ему. Именно от него Сундар узнал о свидетельстве и смерти Картара.

Еще удивительнее, чем история Картара Сингха, была история, рассказанная Сундаром о человеке по имени Махариши из Кайлаша. Этот необычный человек, которому, как он сам утверждал, было 300 лет, жил отшельником в горной цепи Кайлаш, удаленной, но красивой области, известной тем, что в ней жили буддисты и другие отшельники. Большинство из них были изолированы даже друг от друга и вели крайне аскетический образ жизни, преследуя цель обрести покой, который в итоге означал окончательное забвение. Но Махариши был совершенно другим. Он был христианином, и Сундар встретил его совершенно случайно.

Он взбирался по совсем незнакомой тропе, когда споткнулся, соскользнул вниз по склону горы и очутился у входа в пещеру, где сидело существо, страннее которого он никогда не видел. Это был старик, у которого волосы росли не только на лице и подбородке, но и очевидно, по всему телу. Он посмотрел на Сундара приветливо, но без удивления, и свободно вступил с ним в разговор, объясняя, откуда он и почему он здесь.

Он рассказал, что родился в Египетской Александрии и принял крещение от племянника святого Франциска Ксавьера. Он путешествовал по многим странам, проповедуя евангелие, и знал более двадцати языков. Но пришло время, и он ощутил, что слишком стар для подобного образа жизни, и поэтому перебрался в это удаленное местечко, чтобы посвятить себя молитве. Из того, что он рассказал

Сундару, было понятно, что каким-то сверхъестественным образом он знал некоторых друзей самого Сундара. Одним был знакомый Сундару миссионер, о котором Махариши сказал: «Передай ему, я не могу молиться о нем, пока он продолжает совершать этот тайный грех. Если буду молиться о нем, этот грех воспрепятствует ответу». Сундар удивился, не подозревая, что у миссионера был тайный грех. Но когда он в действительности встретился с ним и передал послание Махариши, то человек тот со слезами раскаяния признался в грехе, о котором никто более не мог знать.

В другом случае это были четыре человека, которые некоторое время спустя отправились вместе с Сундаром, для того чтобы встретиться с Махариши, но не вынесли трудностей путешествия и вернулись. Когда Сундар один добрался до него, Махариши спросил: «Скажи мне, Сундар, как получилось, что ты пришел сюда? Остальные ведь вернулись», - и он в точности назвал имена всех четырех. Затем сказал, что будет молиться за них и добавил: «Передай им, чтобы оставили желание больше зарабатывать и продолжали делать Божье дело».

Махариши также рассказал Сундару о, своего рода, тайном обществе Индии, которое он называл Тайная Миссия Саньяси, ведущее свою историю со времен Христа. Сейчас в миссии около 24000 членов, сообщил Махариши, но все они тайные верующие. Сундар, в общем, и не удивился этому, так как во время путешествий ему ненавязчиво помогали люди, по их словам, состоящие в этой миссии. Но они еще не были готовы веровать открыто.

Все это и истории еще более мистического характера с участием ангелов, святых, духов ушедших в вечность христиан, рассказывал Махариши Сундару, который в последствии передавал некоторые из них, чем вызывал довольно бурные дискуссии и спекуляции со стороны тех, кто подвергал сомнению достоверность его сообщений и предполагал, что Махариши – плод воображения Сундара. Он не был чересчур этим озабочен – пусть люди думают, что хотят. Он не хотел ни вступать в споры, ни заниматься излишними объяснениями. Свою основную задачу он по-прежнему видел в том, чтобы путешествовать, проповедуя Евангелие Иисуса Христа, и он продолжал это делать – но не без внутренней борьбы.

Бывали времена, когда он подвергался искушению оставить жизнь садху, жениться и где-то обосноваться, как прочие люди. Разве не мог он жить искренней христианской жизнью в ее обычном смысле и в то же время посвятить себя проповеди? Другие так делали. И все же еще глубже, чем его естественный инстинкт, было горячее желание больше познать своего Господа и следовать за Ним повсюду. Он вспомнил, как Иисус в самом начале своего служения пошел в пустыню и постился сорок дней и сорок ночей. Эта мысль не покидала его, и он чувствовал, что тоже должен поститься такое же время. Он знал, куда ему пойти для этого – к югу от Дехрадун был лес, в котором было место с такой густой растительностью, что только рубщики бамбука могли туда пробраться. Там вдали от людской суеты он мог остаться наедине с Богом, прося благословения на то, что он уже сделал, и силы для будущего служения, и стремясь взойти на новые высоты в духовной жизни. Путешествуя на поезде в Дехрадун, он встретился с католическим доктором, которому он поведал о своем намерении. Доктор попытался отговорить его от подобного поста, сказав, что это убьет его. Сундар остался тверд в своем решении, тогда доктор попросил у него имена и адреса некоторых его друзей, чтобы в случае чего сообщить им. На это Сундар согласился.

Затем Сундар продолжил свой путь, направляясь к лесу. С собой он взял Новый Завет и сорок камней. Доктор рассказал ему о возможных последствиях длительного пребывания без еды и питья, и он решил, что лучше всего сможет следить за временем, выбрасывая каждый день по камню. И так он начал свой пост в глубоком лесу, один. Первые дни были физически тяжелыми. Голод принес жгучую боль в желудок, которая становилась все острее, но через время отступила, и он просто становился все слабее – настолько слабым, что он перестал откладывать камень каждый день. Он даже не мог повернуться. В какой-то момент он скорее почувствовал, чем увидел, льва или какого-то другого хищного зверя, услышал рык, но не мог определить, как близко он подошел. Но с угасанием физических восприятий возрастало ощущение духовного мира, присутствия Бога. Глубокая радость и внутренний мир, который он знал со времени обращения ко Христу возросли – у него не было желания заканчивать пост. Тогда, когда слабость и истощение изнурили его тело, ему было даровано новое видение Христа.

Оно отличалось от явления в ту незабываемую ночь, когда он своими глазами видел воскресшего Господа Иисуса. На этот раз это был Муж на Троне, в своей славе, которая открылась: Его лицо сияло, раны на руках и ногах были отчетливо видны, но каким-то образом красивы. Это было непередаваемо. Но наряду с видением к Сундару пришло убеждение, что для него еще есть работа, и что он останется жив, чтобы выполнить ее. После этого он потерял сознание.

Епископ Лефрой, ныне Митрополит Индийский, с печалью смотрел на телеграмму, которую только что получил. «Сундар Сингх упокоился во Христе», - было сказано в ней. Епископ получил письмо от Сундара за несколько недель до этого, в котором тот упоминал, что плохо себя чувствует и побудет некоторое время с другом. С тех пор он ничего не слышал, пока не получил эту телеграмму. Позже он узнал, что преп. Редман в Шимле, доктор Е.М.Уэри в Лудхияне, каноник Виграм в Лахоре и еще двое церковнослужителей получили такое же сообщение. Никто из них не знал отправителя, который подписался просто Смит, но ни у кого из них не было оснований сомневаться в истинности сообщения. Расспросы, проведенные на месте, откуда была послана телеграмма, выявили, что она была подана «человеком в черном пальто». В той жизни, которую вел Сундар, могло произойти все, что угодно.

Итак, юный садху умер! Чувство утраты по всему миссионерскому сообществу и в церквях, где знали Сундара, было глубоким. Он ни коим образом не подпадал под обычный облик обращенного из Индии, но не возможно было не увидеть, что его уникальный образ жизни и манера преподавания Слова Божьего оказывали значительное влияние на церкви. И как человек он внушил к себе любовь. Были опубликованы пылкие рассказы о его короткой жизни и служении, а также свидетельства о его личности и характере. Один англиканский каноник написал:

«Он был настоящий джентльмен, благородный и изысканный в своих манерах, кроткий и учтивый, простой и искренний. У него едва хватало голоса, чтобы проповедовать на базарах, но этот метод не привлекал его. Он предпочитал обсуждать религиозные вопросы в маленькой группе людей. Его метод состоял в том, чтобы проповедовать во все дни, куда он будет чувствовать призыв, получая кров и пропитание от друзей христиан; он был на пути к следующей ступени, когда они проводили его на поезд. Если бы он остался жить, то был бы силой среди своего народа. Да поднимутся еще многие подобные Сундару Сингху.»

В Шимле в церкви Св.Фомы прошла поминальная служба, также был открыт фонд для возведения памятной доски в его честь.

Но тут пришла удивительная новость. Преп. Редман получил открытку от каноника Виграма, в которой говорилось: «Вы слышали, что Сундар Сингх все-таки жив? Епископ Калькутты только что прислал мне его письмо, написанное из Аннфилда 21 февраля».

Сам Сундар, конечно, ничего обо всем этом не знал. Двое рубщиков бамбука, пробираясь сквозь лесную чащу, наткнулись на его слабое истощенное тело, и, видя, что это садху и он все еще дышит, отнесли его к каким-то людям, которые отправили его на поезде в Дехрадун. Там, благодаря провидению, двое или трое христиан из деревни Аннфилд увидели его и, хотя он был настолько изменен внешне, что они его не узнали, им стало понятно, кто это по подписи в Новом Завете. Осторожно положив его на телегу, запряженную волон, они перевезли его в дом пастора. Там в течение более чем недели ему давали только жидкость, пока он не окреп, чтобы переварить немного пищи.

Он поправлялся медленно, но верно, имея смутное представление о времени и продолжительности поста. Через две недели после того, как его привезли в Аннфилд, он написал:

«Будучи направляем Богом, я держал пост сорок дней, из чего я извлек много духовной пользы. В точности на сороковой день в соответствии с Божьим планом несколько человек пришли в лес рубить бамбук и вынесли меня оттуда. Я сильно ослаб, но сейчас могу снова понемногу ходить». В действительности все свидетельства, собранные позже, подтверждали то, что пост длился лишь половину этого срока, и его неточность в определении поста вооружила его врагов против него в последующие годы. Но с его точки зрения на тот момент, он совершил сорокадневный пост, что, как он верил, было Божьей целью для него, и поэтому она была исполнена.

Когда он набрался достаточно сил, то вновь отправился в путь в сторону Гималаев. Но пока не дошел до Шимлы, то так и не узнал о полученных телеграммах. Единственное объяснение, которое он мог дать, заключалось в том, что доктор, с которым он беседовал до своего поста, решил, что он умер, и разослал телеграммы. Все эти события стали достоянием общественности и привлекли к нему больше внимания, чем когда-либо. Он уже стал хорошо известен и востребован как проповедник на христианских собраниях. Сообщение о его смерти, за которым последовало его новоявление, естественным образом возбудили всеобщий интерес, делая его значительной фигурой, выдающейся, подобно древним пророкам. Все это в достаточной степени смущало его.

Таковы были внешние результаты его поста. Внутренне это было одним из самых значимых свершений его духовной жизни, последствия которого открылись ему полностью лишь спустя время. Но даже в течение самого поста он обрел понимание вещей, которые ранее озадачивали его. Иногда он задавался вопросом, происходили ли мир и радость, испытываемые им, из того, что он называл «скрытой силой его собственной жизни» - как пережиток пантеизма, который отождествляет Бога с силами природы. Когда он лежал один в лесу, с каждым днем все больше слабя, мир, который и так не покидал его, еще более возрос. Он убедился, что это был мир, посланный с небес, не имеющий ничего общего с его естественными способностями.

То же самое происходило с его духом. Какого было бы влияние смерти на его дух? Здесь он осознал, что по мере того, как его физические и умственные способности угасали, его духовные силы становились все более обостренными и активными. Как он позже описывал:

«Мозг – это всего лишь офис, в котором работает дух. Или сказать по-другому, это орган, на котором играет органист. Две – три ноты могут испортиться и не издавать звука, но это отнюдь не означает отсутствие органиста!»

Возможно еще более впечатляющим, чем разрешение метафизических вопросов, было то непреходящее влияние, которое пост возымел на его характер. Искушение оставить жизнь садху и вернуться к обычному образу жизни, утратило свою силу до такой степени, как будто его и не существовало.

«Я увидел, что хотя нет греха в том, что другие живут в комфорте и имеют деньги и дома, для меня Божье призвание иное».

С мятежным духом тоже было покончено. До поста бывало, что он в душе роптал на голод и жажду. «Почему Бог не позаботился? Почему Он не сказал мне взять с собой денег? Если бы у меня были деньги, я бы мог купить необходимое. А мне нужна еда!» Но после поста, сталкиваясь с физической нуждой, он замечал, что думает: «Это воля моего Отца»,- и принимал все безропотно. Каким-то необъяснимым образом он стал жить на более высоком уровне. Даже его раздражительность была побеждена. Эта раздражительность проявлялась в минуты усталости, когда люди приходили к нему и задавали множество вопросов. Он с болью осознавал ее, старался не выказывать, но после поста, хотя она все еще присутствовала, но в гораздо меньшей степени.

Прибытие Сундара в Шимлу было отмечено его новозеландским другом, Т.Е. Ридлом в его дневнике: « 16 марта, 1913. Снова прибыл Сундар Сингх. Направляется к тибетской границе». Казалось, непреодолимое побуждение идти в горы никогда его не покидало, и он планировал свои миссионерские путешествия по густо населенным равнинам так, чтобы когда растают снега, он мог спокойно идти вверх по проходам. В течение следующих 14 месяцев он продолжал свою обычную программу, путешествуя и проповедуя, пока в конце мая 1914 года не достиг границы Непала.

Не просто было проникнуть в это индусское королевство без паспорта, а для христианина было вовсе невозможно приобрести таковой. Дважды Сундара разворачивали пограничные стражи, прежде чем ему удалось проникнуть. Оказавшись внутри, он был ободрен приемом, оказанным ему в деревнях, через которые он проходил. Он ограничивался, в основном, чтением вслух Нового Завета на непальском. Ибо, хотя он и понимал язык, но не мог говорить на нем достаточно свободно, и находил беседу затруднительной. Но деревни находились в очень гористой местности, и как он в последствии писал: «... дороги ужасные. Очень утомительно все время подниматься, спускаться, переходить вброд потоки. Седьмое июня навсегда останется в моей памяти – изнеможение от путешествия, сильнейший голод и жажда, ливень, долгий подъем. Жуткий порыв ветра забросил меня в пещеру.

О, прославлен будь Господь! Не смотря на то, что я упал с большой высоты, я нисколько не ушибся. Тогда передо мной в видении явились различные стадии распятия Иисуса.

Первая, когда Он всю ночь бодрствует в Гефсиманском саду.

Вторая, когда Он голоден и жаждет.

Третья, когда Он истекает кровью из-за шипов на терновом венце.

Четвертая, когда, кроме всех этих тягот, Он должен сам нести Свой крест. Поэтому Он падает, когда восходит на Голгофу...

О, дорогой Господь, мой крест ничто пред Твоим...»

Но его собственные страдания в Непале еще не закончились.

На следующий день он пришел в Илам, гарнизонный поселок, и застал базар, полный людей. Он занял место напротив почтового отделения и начал проповедовать, держа в руке Новый Завет. Собралась довольно большая толпа, и когда он предложил Евангелия тем, кто может читать, несколько человек вышли вперед, чтобы получить их. В этот момент произошло вмешательство. Прибыл чиновник и рассерженно потребовал объяснений, кто дал ему разрешение на пребывание в Непале и проповедь чужой религии.

Сундар ответил, что он пришел по повелению Офицера всех офицеров, Раджи всех раджей – Создателя.

«Зачем?»,- перебил чиновник.

«Христос призвал все народы принять вечную жизнь, и Непал тоже должен услышать эту Благую весть».

Чиновник ничего не хотел обсуждать. Он был полон решимости здесь и сейчас отправить Сундара в тюрьму на шесть месяцев - полагающееся наказание за незаконное проникновение. Но тут другой чиновник указал на то, что если посадить этого проповедника в тюрьму, то он может убедить кого-либо из заключенных стать христианином. Поэтому было решено применить другую форму наказания.

«Они схватили меня и бросили в тюрьму. Они сняли с меня одежду и заковали мои руки и ноги в деревянные кандалы. Потом принесли много пиваков и оставили их возле меня... Два или три часа я действительно очень сильно страдал, но после мой Господь Своим святым присутствием превратил мою тюрьму в рай...»

Когда я пел, много людей собралось у двери послушать, и я начал проповедовать. Тогда они меня отпустили».

Они наверняка подумали, что он сумасшедший.

«Пиявки до того высосали у меня кровь, что на следующий день у меня при ходьбе кружилась голова, - затем он добавил, - Слава Богу, что Он почтил меня, позволив страдать за Имя Его».

Он был сильным человеком. Он прошел 48 километров назад в Дарджилин за два дня и написал преп. Редману в Шимлу, рассказывая о встрече с непальским чиновником, но не упоминая о своем кратком заточении. Он не хотел создавать еще одну сенсацию для своих друзей. Он также не хотел, чтобы информация об инциденте дошла до правительства, которое могло начать расследование по поводу того, как могли обойтись подобным образом с британским подданным.

Возможно, была и другая причина, которую он сам лишь смутно сознавал – инстинктивно закрыть дверь воспоминания об особенно травматическом переживании, пока перенапряженные душевные силы не успокоятся. Во всяком случае, когда он остановился в доме своего друга Тарчин, и тот заметил следы укусов пиявок на его спине и смазал их йодом, Сундар ни как не объяснил причину их появления. А несколько дней спустя они вдвоем отправились в маленькую страну Сикким.

Сундар впервые познакомился с Тарчин в Пу, где он работал у моравских миссионеров. Тарчин был из тибетского племени и охотно сопровождал Сундара в путешествии, которое, они оба надеялись, приведет их в Тибет. Они прибыли в Бангток, столицу Сиккима, но не могли продвигаться дальше без официального разрешения. Они ждали целую неделю. Сундар каждый день ходил в полицейский участок справляться, не пришло ли необходимое разрешение. После восьми дней ожидания впустую он сказал: «Возможно, нет Божьей воли в том, чтобы мы шли дальше. Нам лучше вернуться. Так они вернулись в Индию, и Сундар не спеша добрался до Сабатху, близ горного селения Котгарх, где Стоуксы основали школу для мальчиков.

Там, однажды, когда он был один в лесу, молясь о мальчиках, ему было дано то, что он называл «дар экстаза».

У него и прежде случались странные духовные переживания – переживания, совершенно отличные от тех откровений, которые он имел о Господе Иисусе Христе, но которые, тем не менее, имели духовную природу. Он слышал голоса и музыку, видел свет. Вот как он объяснял годы спустя:

«Иногда я чувствовал, как будто острые иглы колют меня, и видел свет, но не реальный свет. Думаю, что в сердце есть что-то, что позволяет человеку судить, от Бога ли подобные переживания или нет... Иногда я испытывал жар, но в нем не было радости, и я находил, что эти переживания были препятствием. Они не достигали крепости, т.е. сердца.

Иногда сатана тихонько нашептывал, иногда его слова были отчетливо слышны. Иногда он говорил: «Ты неправ, это не тот путь», «Ты оставил истину», «Ты грешник, ты не можешь спастись». Когда я прислушивался к голосам, то испытывал беспокойство. Когда я молил Господа помочь мне, все прекращалось, жар, шепот, дрожь и уколы. Тогда я говорил: «Это все от сатаны».

Его личный опыт давал ему право высказывать предостережение в последующие годы.

Люди, склонные к мистицизму, должны очень осторожно относиться к этим вещам, особенно новообращенные. Для тех, кто до сих пор жил в мире, вполне естественно полагать, что все это здорово, так как ничего подобного они раньше не видели, но оно исходит от сатаны или других существ низшего духовного мира.

Эти духи знают кое-что о будущем, но немного. Так же как в Индии мы можем предсказывать погоду на несколько недель вперед, так и низшие духи, в силу своего высшего знания тенденции развития событий, могут предсказывать недалекое будущее, что помогает им обманывать людей. Пророки, вдохновленные Богом, могут предсказывать на многие, многие годы вперед. В этом разница.

С такими духами низшего духовного мира входят в контакт люди, занимающиеся спиритизмом. От них они получают кое-что интересное, но в конечном счете остаются обманутыми духами, которые начинают с того, что предлагают девяносто девять истин и одну ложь и постепенно увеличивают долю ложного и уменьшают долю истинного, пока не уведут людей в атеизм или в другое ложное учение. Истинно духовный человек имеет внутри себя то, что инстинктивно испытывает неприязнь к вещам, предлагаемым духами низшего мира. Если мы будем искать только того, что интересно, мы никогда не достигнем настоящего высшего духовного мира.

Сознавая до такой степени присутствие духовного мира, как божественного, так и демонического, он был совсем не подготовлен к тому, что произошло однажды в лесу, когда он в одиночестве молился.

Вдруг, как будто его духовные глаза открылись, и он увидел славу Царства Божьего. Иаков во сне видел Ангелов, восходящих к Богу на небо, и вновь нисходящих туда, где он спал. Сундар увидел более того. Словно слова из послания Евреям 12:22-24 стали реальностью.

«Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов,

К торжествующему собору Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, И к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева».

То, что он увидел, не поддавалось описанию, но он, как мог, старался, годы спустя, рассказывая своим близким друзьям о своем экстазе.

«В том мире есть много того, что соответствует прекрасному в этом мире – горы, деревья и цветы, только все в совершенстве. Горы, деревья и цветы на земле лишь тень того, что я вижу там. Все там, даже неодушевленные предметы, сотворены так, что постоянно воздают хвалу, при этом совершенно непринужденно.

Христос на троне всегда в центре, Его облик невозможно ни выразить, ни описать. Лицо, как я вижу его в экстазе духовными глазами, во многом такое же, как то, что я видел во время своего обращения телесными глазами. Видны шрамы, из которых истекает кровь. Шрамы не страшные, напротив, сияющие и прекрасные. На лице у Него борода. Его волосы подобны золоту, как сияющий свет. Лицо Его подобно солнцу, но свет его не ослепляет. Это дорогое сердцу лицо, всегда улыбающееся – любящей, славной улыбкой. Христос совсем не страшен.

А вокруг Христова трона повсюду, простираясь до бесконечности, видны множества славных духовных существ. Некоторые из них люди, другие – ангелы. Их невозможно различить. «Различия не важны. Мы все здесь одно», - сказали они мне. Они все выглядят как младшие братья Христа. Они все прославлены, но Его слава на много более славная, чем их слава, что-то подобное разнице в цвете...

Их одежды как будто бы сделаны из света, не ослепляющие, но многоцветные. (Цветов там больше, чем в этом мире. Здесь нет ничего столь же прекрасного, даже ни бриллианты и ни драгоценные камни.) Когда они говорят со мной, они во мгновение вкладывают свои мысли в мое сердце... Мне не нужно было учить язык духовного мира... Когда мы оставим свои тела и перейдем в тот мир, мы будем говорить на нем так же легко и естественно, как новорожденный младенец начинает дышать в тот момент, когда появляется на свет, хотя раньше ничего подобного не делал.

В этих видениях у нас происходят самые чудесные беседы. Это то настоящее общение святых, о котором говорится в Апостольском Символе веры. Мы говорим о духовных вещах и проблемах, которые здесь никто не может решить. Эта добрая компания легко их решает. Есть очень много того, что я вижу и слышу там и что я ясно представляю в голове, но не могу выразить даже на хиндустани, не говоря об английском. Некоторые из таких вещей даже не стоит и пытаться выразить, так как их красота будет утрачена, если переместить их из того мира в этот...»

С таким же успехом можно ожидать, что личинка на дне пруда поймет стрекозу, мчащуюся в солнечном свете над сверкающей водой среди ароматов, витающих в воздухе, и пеняя птиц! Сундар мог оценить сдержанность Павла в описании третьего неба. (2 Кор 12:1-6)

Святой Павел боялся, что будет неверно понят и поэтому рассказывал о переживании, как не о своем собственном, а о чьем-то, говоря «Знаю человека во Христе, который...»

«Это оттого, что он знал, что если будет говорить о видениях как о собственных, то люди станут приходить и беспокоить его глупыми вопросами и неверно истолкуют его ответы.»

Затем Сундар с чувством добавил: «Он был очень мудрым, что не стал пытаться рассказать им!»

Этот дар экстаза, как он его называл, это перенесение духом в невидимое небесное царство, было для него как возвращение домой. Для других людей, чей долг уводил их далеко, возвращение в собственное жилище давало им отдых и восстановление, которое они нигде более не могли найти. У Сундара не было такого прибежища. Но когда, как это время от времени случалось после того первого переживания, он оказывался на небесах, все напряжение исчезало. Не было ощущения чуждого - он чувствовал себя полностью дома. И он всегда возвращался в реальную, часто изнуряющую человеческую жизнь восстановленным и укрепленным. Как он рассказывал друзьям:

«За годы моей жизни в качестве садху было много раз, когда, страдая от голода, жажды или гонений, я мог бы подвергнуться искушению сдаться, если бы не дар этих минут экстаза.

Но их я бы не променял и на весь мир.»

ГЛАВА 8

«Мой дорогой сын, свет моих очей, утешение моей жизни, живи долго!»

Так начиналось письмо, которое Сундар получил от отца как-то летом 1916г. Если у него и возникла на мгновение надежда, что письмо продолжится в том же любезном духе, то она тут же развеялась. После теплого вступительного приветствия тон сразу изменился. Отец хотел знать, почему он не ответил на сообщение, посланное через портного Дасундху. В нем, предположительно, повелительным тоном требовалось дать согласие на достойный брак. Далее в письме следовало:

«Я не спрашиваю твоего мнения. Я велю тебе жениться и поскорее. Разве христианская религия учит тебя не повиноваться родителям?» Разве не может он служить своему гуру Христу будучи женатым? Неужели он хочет пресечь продолжение собственного рода? А что будет с домом и собственностью?

Следуя всем этим аргументам, отец, в итоге, высказывал то, что казалось соблазнительным предложением. Если Сундар согласится на предлагаемую помолвку, то он незамедлительно получит чек на ежемесячную сумму в 300 рупий. Но если нет... «Что бы ни произошло,

не надейся их получить!» В своем ответе Сундар указал на то, что оставил всякие ожидания на получение денег или собственности, когда стал христианином, и что он, положив руку на плуг, не собирался оглядываться назад. Что касается брака, то

«Я всегда тебе послушен и готов служить тебе всем сердцем и душой, но жениться я не могу, потому что кроме тебя у меня есть небесный Отец, Которому я должен служить всем своим разумом и силой. Это идеал моей жизни. Если я женюсь, то не смогу верно исполнять свой долг.» Затем он добавил важные слова: «Кроме того, у меня нет желания жениться».

В то время вопрос о браке часто задавался ему, не только отцом, но и другими людьми. Имея добрые намерения, люди писали или говорили с ним об этом, и однажды он поведал другу, как это все мучительно для него. В конце концов, друг, с его разрешения, написал в еженедельную газету, издаваемую доктором Уэри, объясняя, что Сундар Сингх, будучи его соотечественником, часто советуется с ним по различным сложным вопросам, и продолжил:

«В отношении брака он испытывает абсолютное отвращение. Я узнал, что он никогда и ни за что не женится, не потому что считает священные узы брака чем-то плохим, но потому что это стало бы огромным препятствием в том служении, которое ему доверил Бог.

Я уважительно прошу ту христианку, что хочет выйти за него замуж... и джентльменов, которые время от времени в письме или устно подталкивают Сундара Сингха к браку, уважительно прошу более этого не делать. Им лучше следует поддерживать его своими молитвами. Из разговора с ним понятно, что письма, содержащие упоминание о браке, являются большим испытанием для него.»

Иногда Сундар задавался вопросом, для чего Бог это допускает. Затем ему приходила мысль: «Возможно, Бог допускает такое испытание также для моей пользы, чтобы проверить, совершенно ли я отдал свою юность к ногам Божьим, чтобы, о Бог, Ты мог употребить ее, как Тебе угодно.

Брак был не единственной темой, обсуждавшейся в то время, отвлекая его от того, что он считал своим главным призванием – от проповеди. То, что он написал и рассказал о загадочном отшельнике в Кайлашском хребте, Махариши, возбуждало любопытство и спекуляции. Он получил ряд писем, содержащих расспросы о Махариши, во многих из которых подвергалось сомнению само его существование. В них говорилось, что все это плод воображения юного садху, появившийся в результате сна или блужданий его разума во время медитаций.

Вновь на страницах газеты доктора Уэри Сундар постарался разобраться с этим делом, объясняя, что он слишком занят работой для Господа, чтобы лично отвечать на каждое письмо,

«Поэтому я надеюсь, что уважаемые оппоненты простят меня, если я кратко в газете изложу им некоторые вещи.» И довольно резко продолжил:

«Как я писал ранее, некоторые из моих друзей полагают, что это всего лишь сон или духовная медитация, в которой мне являлся пожилой человек и беседовал со мной, но что на самом деле такого человека не было. Что ж, если кто-то думает, что это правда и верит в это, то наше спасение от этого не зависит, и если кто-то не верит в это, ничего не потеряет, ибо наше спасение от Бога, который всегда и везде с нами. Я не люблю сталкиваться лбами подобно баранам. Говорите все, что вам угодно. Ваш слуга выслушает все молчаливо и будет дальше молиться за ваше благополучие». Затем он вкратце описывал свою первую встречу с Махариши и предлагал сопроводить того, кто будет готов, чтобы он мог лично встретиться с ним.

В результате этого предложения четверо человек, индийцы и англо-индийцы, отправились вместе с ним весной 1917 года. Он предупредил их, что это будет тяжелое путешествие, когда придется переходить вброд потоки и преодолевать многие разного рода лишения и трудности. Двух дней пешего пути хватило для одного из них, и он решил вернуться. Через десять дней после отправления из Дехрадун последний из них покинул его, и он продолжил путешествие в одиночестве.

Выбранный им маршрут на этот раз проходил через Алмору, где он встретил сикха, который теперь работал в сотрудничестве с Лондонским миссионерским обществом. Янус Сингх также путешествовал по Тибету и теперь писал об этом книгу. Он достал карту и попросил Сундара указать места, в которых он бывал. Вместе они проследили маршруты, и пока Сундар называл деревни и города, что он посетил, Янус Сингх кивал головой- он тоже знал эти места.

Через несколько дней после этого приятного отдыха Сундар, вновь продвигаясь к Тибету, вдруг почувствовал жар и такую слабость, что не мог идти. Дул холодный колочий ветер, но укрыться было негде. Он был один, сознавая, что впереди еще около одиннадцати километров по обрывистой тропе вверх.

Состояние было из разряда «взойди или умри». Стоя там, он горячо помолился о силе, в которой нуждался, затем, не дожидаясь сознательного обретения силы,

«Я стал подниматься в гору. Шаг веры имел неожиданный результат. Из-за напряжения я так сильно вспотел, что вся одежда стала мокрой. Когда я добрался до цели, то почувствовал себя здоровым. Жар оставил меня, когда я обильно пропотел. Если бы я слег в постель и стал принимать лекарства, Бог знает, сколько бы еще меня мучил жар.»

Вскоре он пришел в деревню, где была в разгаре большая ярмарка, и в центре нее жестоко издевались над буйволом. Мужчины острыми ножами надрезали кожу и наполняли раны измельченным чили. Бедное животное, обезумев от боли, скакало взад вперед, высунув язык.

«Но эти жестокие люди, казалось, радовались этому. Они думали, что делая это, обретают прощение грехов. Когда буйвол в изнеможении повалился на землю, они забили его до смерти палками, а кровь принесли в жертву своему божеству.»

А Сундар подумал о Христе.

Так Христос страдал от рук людей...

«Когда я это увидел, у меня перед глазами возник образ нашего Господа Иисуса. Не кровью козлов и тельцов, но кровью единокровного Сына Божьего обретаем спасение.» И затем просто добавил:

«У меня были очень хорошие возможности для проповеди евангелия на этой ярмарке.»

Его успех был не столь велик у полудикого племени, называемого раоты, живущего в лесу Аскот, в тридцати километрах от Алморы.

«Я пришел к этому народу, проповедуя Святую Библию, по пути. Эти люди выглядят дикими, даже по наружности. Они одеты лишь в тонкую полоску ткани на бедрах. Некоторые из них дошли до того, что начали носить одежду, но в более густых джунглях можно встретить странные вещи. Я шел один, когда увидел, как мужчина и женщина и их четверо детей вышли из пещеры и побежали очень быстро, быстрее лошади. У них была темная кожа, и на телах длинные волосы. Все они были совершенно нагие. Они боялись приближаться к чьему-либо жилью и жили вдали от деревень.» Они убежали прочь, когда увидели его, и остальные, очевидно, тоже боялись его.

«Я хотел остановиться среди этих диких человеческих существ, но как они боялись приближаться ко мне, мое дальнейшее пребывание там было бессмысленно.» Поэтому он пошел дальше к горам Кайлаш. Это был уже его третий визит к Махариши, и в своей статье для еженедельной газеты доктора Уэрри от 13 июля 1917 года он особо описал расположение и характеристики горы. Он написал так понятно, что было очевидно, это не плод его воображения.

«Гора Кайлаш находится в Западном Тибете. Кто-то может подумать, что это тот Кайлаш, что возле Синина, где находится больница, поддерживаемая Армией Спасения. Могу вам сообщить, что настоящий Кайлаш так же далек от Синиан, как и от Дехрадун, что составляет около 480 километров. Самая высокая вершина Кайлаша, 6659 м над уровнем моря, всегда покрыта снегом. Природа создала этот пик в форме храма со крестом. Это очень красивое место. По этой причине риши избрали его местом для своих молитв. Народ Индии и Тибета считает Кайлаш местопребыванием богов и называют его раем.

«Пути Божии непостижимы. Хотя это очень холодное место, там есть несколько горячих источников. Можно подумать, что существование горячих источников в таком месте невозможно. Подобным образом можно подумать, что невозможно, чтобы Махариши оставался в таком холодном месте зимой.

Но факт в том, что и горячие источники, и Махариши находятся там, и если кто-то этому не верит, то может пойти туда и убедиться собственными глазами.

Кайлаш находится на расстоянии недельного пути от Питорагарха. Возможно, для кого-то это займет и месяц, но я добираться туда за неделю, потому что могу пройти 160 км за три дня. Питорагарх находится на расстоянии 100 км от ближайшей железнодорожной станции».

И тут он бросил вызов, на который, по-видимому, ожидал ответа.

«Люди, любящие приключения, уже путешествовали на северный и южный полюс, поэтому им будет не трудно посетить Кайлаш.»

Две недели спустя он внес очередной вклад в газету доктора Уэри. В нем он рассказывал о том, как познакомился с тибетским ламой, который совершал паломничество на Кайлаш, и которого он взял с собой к Махариши:

«Мы шли с восточной стороны Кайлаша через Гориконд и после того, как пересекли поток, взойшли на возвышенность... Идя по снегу, мы видели чудесные пейзажи, но наши губы сковал сильнейший холод, так что мы не могли произнести ни слова.

К вечеру следующего дня мы добрались до места. Мы застали Махариши за чтением древнего греческого манускрипта, обернутого в кожу. Мы оба уважительно поприветствовали его и сели. Беседа началась.

Она началась с того, что Махариши прочел три главы из евангелия от Иоанна. Затем лама спросил его:

«Вы не лама Наусанг, который исчез?.. В вашем храме начался большой раздор. Может, вы вернетесь и наставите людей?»

Махариши ответил, что лама Наусанг умер, а он сам не имеет никакого отношения к храму, но является смиренным слугой Господа Христа, проводящим время в молитве.

«Не мое дело останавливать ссоры. Этот мир – мир раздоров. Споры не прекратятся, пока сатана, родоначальник всех ссор, не будет схвачен и заключен. Приближается время, когда сатана будет брошен в бездонный ров вечной гибели.» Затем Сундар продолжил излагать, что еще говорил им Махариши, многое из которого он уже слышал и передал после своего первого посещения. То, что он писал

и рассказывал о христианском отшельнике, служило пробуждению еще большего любопытства вокруг этой странной личности, и к Сундару постоянно приступали люди с вопросами о нем. В конце концов, Сундар перестал отвечать на все эти расспросы.

«Моя миссия в этом мире – проповедовать Христа, а не Махариши», - сказал он.

«Моя миссия в этом мире.» Ему еще предстояло открыть, что его миссия в этом мире поведет его гораздо дальше, чем он мог когда-либо представить или подумать. До сих пор его деятельность ограничивалась Северной Индией и горными районами, граничащими с обширным Гималайским хребтом. Однажды вечером в конце 1917 года он находился в местечке Барода и собирался вернуться в Сабатху утренним пятчасовым поездом, когда его планы вдруг изменились. Это произошло, когда он был в состоянии экстаза. Ему было дано указание идти на юг Индии. Это было неожиданно, но он не сомневался в том, что это было божественное повеление. И без колебания он сообщил хозяину, что не поедет пятчасовым поездом.

Спустя несколько часов он получил телеграмму, побуждающую его идти в Южную Индию.

Без его ведома слава о нем шла впереди него. Не только благодаря газете доктора Уэрри, но и благодаря тому, что писал о нем один его горячий почитатель, директор студенческого общежития в Агре, чье имя становилось известным. На севере двери для него открывались медленно, с неохотой. На юге они открылись вмиг и широко. Он обнаружил, что вступил в новую главу своей жизни, когда лезть и популярность будут испытывать истинность его ученичества Тому, Кто смирил Себя Самого.

Г Л А В А 9

Винсент Дэвид мало чем отличался от других студентов колледжа в Пуне, кроме того, что он весьма преуспел в хиндустани. Хорошее знание языка, на котором говорил садху христианин с севера Сундар Сингх, и твердая собственная вера Винсента объединились, чтобы именно на нем остановить выбор, когда дело дошло до назначения переводчика. Садху не говорил на языках, распространенных в Южной Индии, и его знание английского было ограничено, так что выступление перед образованной аудиторией было бы затруднительно. В церквях в окрестностях Пуны о нем так много говорили, что для удовлетворения желания всех как увидеть, так и услышать его, был необходим переводчик.

Так Винсент Дэвид оказался в положении, приводящем его в трепет, поскольку он сопровождал садху и переводил для него на зачастую больших собраниях. Это также дало ему возможность наблюдать садху в различных ситуациях, как в неофициальной обстановке, так и на публике. Где бы он ни появлялся, всюду были люди, надеющиеся заговорить с ним или хотя бы обменяться улыбкой или рукопожатием. Более тридцати лет спустя, когда Винсент Дэвид был влиятельным мирянином в епархии Бомбея, воспоминания тех дней были ясными и живыми. Они произвели на него неизгладимое впечатление.

Сама внешность садху была отличительной. На юге Индии, где христианство, хоть и слабое, но глубоко закрепившееся, уходящее корнями своей традицией в первый век от Рождества Христова, и где вот уже двести лет велась миссионерская протестантская работа, картины с изображением Христа не были чем-то необычным и имели одинаковые черты. Когда высокий, хорошо сложенный, носящий бороду садху, облаченный лишь в шафрановую сутану с шалью через плечо, сходил с поезда или входил в помещение, то иногда на мгновение все замирали, прежде чем ожидающие его люди вновь начинали говорить. Все понимали, в чем дело. Он напоминал им Иисуса Христа.

Причиной тому была не только его одежда, так как, бывало, появлялись и другие люди в шафрановой сутане садху. Некоторые из них были неряшливые и грязные, в них было то, что заставляло детей убегать от таких садху. Но дети не убегали от этого садху. Их тянуло к нему, и наряду со взрослыми мальчишки тут же стекались, чтобы послушать его, туда, где, они знали, он будет проповедовать.

«Такое ощущение, что людей привлекает не его личное обаяние, но простота и искренность его жизни. На индийцев большое впечатление производит его тихая жизнь в молитве и воздержании», - писала одна сестра из Общества Св. Иоанна Евангелиста, добавляя, что люди боготворят его.

Один из отцов Общества пригласил его на чай, желая озадачить его на этот счет. Восхищаясь той огромной работой, которую он делает для Христа, отец спросил, почему он позволяет называть себя «садху», что значит «святой»?

«Я не хочу, чтобы люди называли меня «садху», - был ответ. Я буду вполне счастлив, если они будут звать меня просто Сундар Сингх. Но поскольку я веду отличный от всех образ жизни, они зовут меня «садху» из любви ко мне.

«Садху» не означает святой. Садху значит просто человек, следующий Садхане, т.е. методу молитвы и посвящения.»

Отец все еще не был вполне удовлетворен. «Когда к Господу Иисусу обратились «Учитель благий», даже Он сказал «Никто не благ, как только один Бог», - настаивал он. У садху и на это был готов ответ.

«Господь также заповедовал «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах», - сказал он и кротко добавил.

«Все же из уважения мы называем Вас «отец» и вы принимаете этот титул...»

Разговор, хотя и откровенный, был вполне дружеский, и садху повели показать работу, выполняемую Обществом. Он мало говорил, но задавал мудрые вопросы, выражая свою признательность за все, особенно за заботу, оказываемую младенцам в детских яслях. Нигде более не встречал он столько любви в уходе за детьми, сказал он и заметил Винсенту:

«Мы не знаем, о чем думают эти малые дети, но они смотрят прямо к Богу – и их взгляд, направленный вверх – это действие благодарения.» Он почтительно воспринял обычаи хозяина, преклоняя колени в часовне Сокровенного Таинства и воздевая руки в молитве « чтобы его церковь устояла до Второго пришествия». Он неумолимо высказывался против равнодушия и лицемерия, но всегда с уважением отзывался на искренность, даже среди приверженцев индуизма.

Те несколько дней, что Винсент провел вместе с садху, бросали ему вызов и вдохновляли его, но когда пришло время для Сундара двигаться дальше, он вернулся в колледж, намереваясь продолжить свой курс обучения. Он был совершенно не готов к тому, что случилось день или два спустя. Была пятница, и он находился на лекции по истории, когда ему доставили телеграмму. Он прочел ее с изумлением. Она была от садху, который просил его срочно присоединиться к нему в Колхапуре.

Последовали несколько дней практически не прекращаемой деятельности. Садху был необычайно востребован не только христианами, но и среди мусульман и индусов. На следующий день после прибытия в Колхапур Винсент должен был сопровождать его в путешествии в одну деревню за более чем сто километров, где жила маленькая группа христиан из двенадцати человек. Воскресное собрание, проводимое для этого крошечного меньшинства, не привлекало никакого внимания, пока не объявили, что приехал знаменитый садху из Северной Индии Сундар Сингх. Собралась толпа – 300 человек, включая брахманов и марафи, желающих услышать и увидеть его.

Ничего не оставалось, как проводить собрания под открытым небом. Для Винсента это был новый опыт, и он занял свое место рядом с садху с некоторой тревогой. Садху говорил на место «Ныне день спасения», и как Винсент после признался, он никогда ранее не слышал такой проповеди. Но переводил он четко, без колебаний, хотя находился на ногах уже более часа. Затем, когда садху сел и Винсент рядом с ним, в толпе произошло волнение. Несколько мужчин индусов что-то обсуждали вместе, затем встали и произнесли: Мы знаем все о Христе. Миссионеры говорят нам о Нем вот уже 20 лет. Но теперь мы истинно понимаем, что Он единственный Спаситель, и мы хотим принять Его.» Их было девять, и они заявили, что хотят креститься здесь и сейчас вместе со своими женами и детьми.

Это было почти невероятно, но это было правдой. Не было сомнений в их искренности и понимания шага, который они совершали. Миссионер, сопровождавший садху и Винсента, охотно преподал обряд. На вечернем собрании один богатый брахман также изъявил желание принять Христа.

Это был памятный день, и когда они, наконец, остались одни, садху сказал Винсенту, что никогда раньше не видел, как люди оказываются готовыми принять Христа через переводчика. «Я умоляю тебя, если наш дорогой Господь будет призывать тебя на эту работу, никогда не отказывайся», - произнес он серьезно, затем достал черный бархатный шарф, на котором алыми буквами было вышито «Христос пришел спасти грешников». Протягивая его с улыбкой Винсенту, он сказал:

«Я носил его три года. Хочу, чтобы ты принял его как подарок». Он стал самой драгоценной вещью для Винсента.

Несколько дней они провели в Колхапуре, и среди многих приглашений, получаемых ими, было одно послушать в течение трех вечеров под открытым небом пение Христианской лирики в исполнении девушек из женского общежития пансиона. Было довольно холодно и сидя там, садху закутался в хлопчатую шаль, которую всегда носил с собой. Девушки заметили это и на следующую ночь подарили ему дорогую теплую шаль. Они собрали деньги, чтобы купить ее для него, и он принял ее любезно и с благодарностью и тут же закутался в нее. Он был в ней и на следующую ночь на заключительной части. Но, идя домой вместе с Винсентом, они увидели старика в лохмотьях, пытающегося согреться у костра. Садху остановился, посмотрел на него, затем подошел и обернул его шалью, после чего вновь присоединился к Винсенту.

«Ему она нужна больше чем мне», - было его единственным объяснением.

Винсент знал, что садху не хранит вещи у себя и не принимает денежных подарков. Все, что он может принять – это билет на поезд до своего следующего пункта назначения. Когда однажды при посадке на поезд ему передали подарок в 25 рупий, он вежливо вернул его, сказав, что ему это не нужно. Его друзья, исполненные благих намерений, решили все равно отдать деньги ему и забросили пакет вагон, когда он тронулся.

Пакет пробыл у садху не долго. На одной из станций к дверям вагона подошел нищий и, дрожа в своих отряпях, протянул тощую руку и стал просить. «Садху взглянул на человека, поднял пакет с деньгами и положил ему в руки, к его великому изумлению», - рассказывал позднее Винсент. Он также упоминал, что садху сильно возражал против сборов, совершаемых на собраниях с целью покрыть его расходы. Он наблюдал вблизи то, что уже слышал о садху и его жизни самоотречения.

Он также переживал ободряющее чувство товарищества с ним. Перевод – весьма изнуряющая работа, требующая постоянной концентрации, и как-то после долгого путешествия на поезде они по прибытии узнали, что большое собрание готово начаться через час. Винсент признался садху, что весьма напуган. Он был настолько усталым, что не знал, как сможет переводить перед, как он уже знал, большой и хорошо образованной аудиторией.

«Не бойся, - сказал садху ободряюще, - Не ты будешь переводить – Тот, кому ты служишь, будет делать это», - и предложил помолиться вместе. Они преклонили колена, и садху молился:

«О, эта молитва вновь и вновь проходила через мое сердце, - рассказывал позднее Винсент, - Она была очень короткой, но такой завораживающей, истинной, любящей и полной веры, как будто наш Господь был с нами.

Не только проповедь в тот вечер была соответствующим образом переведена, но на следующий день Винсент три раза стоял рядом с садху и переводил проповеди, длившиеся более часа. В дополнение, нескончаемым потоком люди, приходили увидеть садху и задавали вопросы, которые тоже надо было переводить. Среди тех, кто приходил послушать его, было много высоко образованных индусов, и Винсент писал:

«Казалось, их привлекала личность садху; его простая и искренняя жизнь, его манера говорить, его бескорыстие производили большое впечатление на аудиторию. Как заметил один из них: «Никогда не думал, что можно встретить такого человека среди индийских христиан».

И все же и здесь он встретился с критикой со стороны одного искреннего христианина. Одно из собраний в Ратнагири было организовано для юристов города, и когда они съехались, привезя с собой семьи, то их оказалось около 200 человек. После собрания многие из них двинулись вперед, желая говорить с садху, а некоторые и засвидетельствовать свое почтение. Двое или трое юристов пали ниц перед ним, и он тут же поднял их, говоря: «О, не делайте этого!» Но когда другие столпились вокруг него, и женщины, желая, чтобы он одарил своим вниманием их детей, почтительно приподнимали его шарф и касались им голов детей, он просто улыбался. Почтение, которое люди оказывали ему, показалось чрезмерным и неприличным для одного миссионера, и он высказал это.

«Почему вы позволяете людям выражать свое уважение к вам подобными способами?» - спросил он возмущенно.

«Я не желаю всех этих почестей, - ответил садху. – Они делают это из любви ко мне.» Миссионер был неудовлетворен.

«Эта честь принадлежит Христу, а не вам!»

Винсент Дэвид слушал эту словесную атаку с некоторым неудобством, ожидая, как садху справится с ней. Он никогда не забыл его ответ. В нем не было ложной скромности. Вполне спокойно, но твердо он сказал.

«Что ж, Сахиб, я скажу тебе, почему я получаю такую честь и почему я принимаю ее. Мой возлюбленный Иисус въезжал в Иерусалим, сидя на осле. Люди снимали свои одежды и постилали их на дороге. Но по одежде шел осел, а не Иисус. Осел был почтен, потому что вез Иисуса. Я как тот осел. Люди чтят меня не ради меня самого, но потому что я проповедую Христа.»

Однажды ночью перед Винсентом промелькнуло то, что являлось источником духовной силы, истекающей из этого человека, которому не было еще и тридцати, и который оказывал такое большое влияние на стольких различных типов людей. Его и садху разместили в маленьком уединенном домике с единственной комнатой и большой верандой, предупредив быть на чеку, так как в округе водилось множество змей. Винсент предложил спать на веранде, предоставив комнату садху, и ночью, услышав легкое движение, он включил фонарь и увидел проползающую змею. Она исчезла в саду, и Винсент, прежде чем лечь в постель, решил удостовериться, что в комнате садху нет змей. Тихонько он прошел по веранде и осветил на кровать. К его удивлению, она была пуста. Он осветил вокруг и там, в углу, увидел садху. Он сидел, скрестив ноги и сложив руки, глаза были закрыты, и лицо светилось радостью. Он пребывал в молитве. Винсент выключил фонарь и молча вернулся в постель, недоумевая.

На утро он заговорил об этом. Зачем садху молился в такое время, посреди ночи?

«Когда я путешествую с проповедью, то не нахожу днем достаточно времени для молитвы, - ответил садху, - так много разных встреч.»

«Зачем вам столько времени для молитвы?» - настаивал Винсент. К этому времени он уже достаточно знал садху, чтобы задавать личные вопросы, а возможность сделать это вскоре закончится. Через несколько дней их дороги разойдутся, он вернется в колледж в Пуну, а садху продолжит свое путешествие дальше на юг. Он наблюдал молящегося садху на публике, когда он вел собрание, в малых группах, ходатайствующим вместе с другими, а также когда они оставались вдвоем. Он также знал привычку садху вставать рано утром для уединенной молитвы. Но тут было что-то иное в этой молитве среди ночной тишины. Винсент смутно осознавал, что на мгновение уловил глубину духовного восторга превыше всего того, что он знал. Что это было?

Садху ответил на это с готовностью. В том, что он делал, не было никакой тайны, чтобы ее ревностно охранять.

«Мне необходимо 15-20 минут, чтобы сосредоточиться. Затем я начинаю молиться. Но я не использую слова.» Он остановился затем продолжил более спокойно, с инстинктивным благоговением, ведь он открывал то сокровенное, что не каждый сможет понять.

«Я ощущаю моего возлюбленного Иисуса так близко, что кладу свои ладони в Его... Когда наступает утро, и я должен оставить молитву, мне приходится делать усилие, чтобы оторваться от моего возлюбленного.»

Приезд садху в Мадрас ожидался в день наступления 1918г, и в тот же вечер он должен был проповедовать в Мемориал Холл. Христиане города с нетерпением ожидали увидеть и услышать его. Очень немногие в Мадрасе когда-либо встречались с ним, но его имя было хорошо известно. Столько много рассказов ходило о нем, не только о его приключениях в Тибете, но и о его Христу подобном отношении к своим гонителям, даже к тем, которые предпринимали физические нападки. Один человек намеренно бросил песок ему в глаза, когда он проповедовал на берегах Ганга, другой избил его и порезал лицо – и оба они покаялись, увидев его искренне прощающий дух и услышав, как он молится за них. Также было известно о его влиянии на диких животных – был случай, когда черная пантера, притаившись, наблюдала за садху, когда тот шел мимо, и не напала на него, хотя до этого зверь убил несколько человек в окрестности. После этого деревенские жители относились к садху с благоговением и охотно слушали его проповедь, ибо он без сомнения был святым человеком, говорили они. И еще было свидетельство Шорана Сингхи, прошедшего вместе с садху несколько дней в сельской местности.

«Однажды ночью, прежде чем лечь спать, мы заметили огни, передвигающиеся по долине, и садху объяснил, что наверное, это люди преследуют леопарда...» Далеко за полночь, поняв, что садху нет в комнате, Шоран поднялся и выглянул в окно. Он знал, что садху часто молится по ночам под звездным небом, но вспомнил о леопарде, и ему стало не по себе. «Я увидел, как садху сидит в нескольких метрах от дома и смотрит вдаль на долину. Ночь была чудесной. Звезды светили ярко, и легкий ветер шевелил листья деревьев. Несколько секунд я наблюдал за молчаливой фигурой садху. Затем мой взгляд привлекло что-то, что двигалось справа от него. Животное приближалось к нему. Тут я увидел, что это был леопард. Задыхаясь от ужаса, я стоял обездвиженный у окна, не в состоянии даже окликнуть его. В тот момент садху повернулся лицом к леопарду и протянул руку. Подобно собаке леопард лег на землю, вытянув голову, чтобы его почесали... Немного погодя садху вернулся и вскоре уснул, а я лежал с открытыми глазами, размышляя над тем, что давало этому человеку такую власть над дикими животными.»

Благодаря таким возбуждающим аппетит историям, неудивительно, что садху стал главной темой разговоров на встречах христианских групп в Мадрасе. Выносились предположения по поводу его внешности. Похож ли он на индуистского аскета, худой и суровый, тело и разум, очевидно, под строгим контролем. Возможно, от него исходит атмосфера спокойной безмятежности, подобно буддистскому монаху, вышедшему из созерцательного размышления. Или возможно, сдержанное достоинство католического или англиканского епископа. По крайней мере, они про себя были уверены, что он не похож на европейских миссионеров, которые навязывают свои методы церковной организации их общинам, создавая в итоге совершенно неиндийскую форму христианства.

Некоторые христиане в Мадрасе были весьма этим недовольны. Евангелие Иисуса Христа должно быть представлено не только на языках народов Индии, но и в контексте ее культуры и духовного наследия. Обеспокоенные всем этим люди сформировали группу, названную Христо Самай. Они не знали, согласится ли садху побеседовать с отдельными людьми и группами. Надеялись, что согласится, так как хотели узнать о том, что происходит в Северной Индии, а также о его переживаниях в Тибете.

Молодой юрист, П. Ченхиах, не был среди той небольшой группы людей, что встречала садху, когда он сошел с поезда рано утром в уныло морозящий дождь. Поэтому в первый раз он увидел его, когда он взошел на кафедру в переполненном Мемориал Холле. Как и другим, Ченхиаху было интересно, как выглядит садху, но:

«Садху не подходил ни под один образ, который я себе представлял, он превосходил все, что я мог подумать о нем», - рассказывал он много лет спустя, когда уже был главным судьей штата Пудукатта. «Высокий молодой человек, говорящий свое послание с огнем пророка и властью апостола. Аудитория ловила каждое его слово, ни на мгновение не позволяя себе отвести взгляд от главной фигуры».

Проповедь садху, как всегда, была богато проиллюстрирована случаями из его собственного опыта и наблюдений, ярко выражена в форме притч. Одна из таких историй, которая всегда бросала вызов слушателем, была о том, как он пробивался по тропе вдоль тибетской границы, преодолевая ледяные ветра и воздух, такой холодный, что он не смел остановиться, хотя невероятно устал.

«Я был не один – со мной был один тибетец, и нам обоим переход давался очень тяжело. Тут мы подошли к месту, где тропа была очень узкой, и мы увидели, что внизу на уступе лежит человек, съезжившись и не шевелясь. Видимо, он поскользнулся и упал, и я сказал своему напарнику:

«Мы должны спуститься вниз и посмотреть, жив ли он еще. Если да, то мы должны помочь ему добраться до деревни, в которую идем...»

«Помочь ему? – ответил мой напарник насмешливо. – Нам бы о себе позаботиться. Мы сами расстанемся с жизнью, пытаюсь спасти его.» И он пошел дальше. Я забрался на уступ, обнаружил, что человек жив, но без сознания, и мне удалось втащить его на тропу. Затем я

должен был затянуть его к себе на спину. Это было трудно, но я сделал это, и медленно побрел вместе со своей ношей. Я не мог идти быстро, но, по крайней мере, я двигался, усилия согревали меня – и тепло дошло до человека на моей спине. В конце концов, я дошел до деревни и нашел убежище для нас обоих. Мы оба были живы! Но по дороге туда я наткнулся на другую фигуру – это был мой тибетский попутчик, лежащий у дороги. Он был холоден как камень и мертв.

Здесь садху подвел итог:

«Кто хочет сберечь свою жизнь, тот потеряет ее, а кто потеряет свою жизнь, тот сбережет ее.»

Он пробыл в Мадрасе две недели, проповедуя каждый день в нескольких церквях и залах. Иногда народу собиралось так много, что некоторых не пускали. В дополнение к собраниям были еще и личные беседы с отдельными людьми и группами, об одной из которых Ченхиах очень подробно рассказал в местной газете «Христианский Патриот».

«Это была характерная для Индии сцена, - писал он. – Садху был в центре, и все расселись вокруг него, кто на стульях, кто на земле. Они говорили свободно, задавая ему вопросы, и особенно старались узнать о Тайной Миссии Саньяси, и он рассказал им:

«Впервые я узнал о существовании этой тайной миссии от Махариши из Кайлаша, и хотя я сам не принадлежу к ордену, но могу засвидетельствовать об огромном христианском труде, совершаемом ими. В своих странствованиях по Северной Индии я был весьма поражен той жертвой и любовью, с которой распространяется весть нашего Господа.

Их метод работы чисто индийский и в большой степени индивидуальный.

Секретность предписывается ученику, в результате чего иногда даже члены семьи не подозревают о перемене веры, за исключением ее проявлений в характере и поведении. Секретность, с которой проделывается вся работа, ни в коей мере не вредит их вере. Я знаю много семей, которые подвергают христиан позору из-за их христианской жизни и усердия.»

Он продолжил свой рассказ описанием того времени, когда он проповедовал на берегах Ганга и услышал об одном индуистском проповеднике, живущем неподалеку и собирающем большие толпы. «Ты должен пойти и посетить его», - говорили люди. И вот однажды он смог с ним встретиться, когда тот был один.

«Я ученик Христа», - сказал он индуистскому проповеднику, и к его изумлению, человек тут же обнял его и сказал: «Брат, мы делаем одну работу».

«Но я никогда не слышал, чтобы ты проповедовал Христа!»

Ответ, который он получил, все разъяснял.

«Бывает ли фермер настолько глуп, чтобы сеять, не приготовив сначала почву? – спросил он. – Я стараюсь сначала пробудить в слушателях ощущение духовных ценностей. Затем, когда создан голод и жажда по праведности, я представляю Христа». Индус продолжил, рассказывая, что он крестил 12 образованных индусов за последний год, и, открыв свою сумку, показал Библию, которую всегда носит с собой.

«Большая нужда сегодня в том, чтобы Церковь имела широкое видение, - произнес садху. – Христианин должен перешагнуть границы секты и вероисповедания и быть готовым распознать Дух Господень, в какой бы форме Он себя не проявил. Тайная Миссия Саньяси имеет благословение нашего Господа, и хотя она приняла форму, к которой мы не привыкли, все же ее лидеры совершают великие вещи в этой стране... за пределами наших традиционных церквей.»

После этого садху удалился, и группа довольно тихо разошлась. Молодой индеец в шафрановой сутане и с босыми ногами мог проповедовать с огнем пророка и властью апостола – но когда он тихо и естественно передвигался среди обычных людей и беседовал с ними, в нем было что-то, что напоминало о кротости и нежности Христа.

Юный Р.Р.Раджамани был еще школьником, когда состоялась его двадцатиминутная беседа с садху. Она была организована его директором и требовала путешествия в 12 миль на воловьей упряжке. Директор зашел первым для встречи с садху, и когда пришло время войти Раджамани, он вдруг смутился, оказавшись лицом к лицу с таким знаменитым человеком, о котором он слышал странные истории. Садху улыбнулся ему и мягко сказал:

«Ты хочешь меня о чем-нибудь спросить?»

Все мысли расплылись. Единственное, что пришло ему в голову, было то, что он слышал от мальчишек о еде, употребляемой садху.

«Пожалуйста, сэр, это правда, что вы едите только порошок чили?» - промямлил он?

Садху на мгновение растерялся, затем закинул голову и расхохотался.

«Нет, мальчик, воскликнул он! - И продолжая посмеиваться, сказал, - Я ем такую же пищу, как и ты. Что-нибудь еще?»

И снова Раджамани не смог ничего вспомнить, кроме историй, услышанных на игровой площадке.

«А правда, что вы всегда чистый без мытья. Что вам не нужно принимать ванну и стирать одежду?»

И снова садху рассмеялся. Казалось, ему нравится эта беседа с откровениями о легендах, которые ходили о нем.

«Нет, я много потею, - ободряюще признался он. Я должен часто принимать ванну и стирать одежду .» Раджамани расслабился. В конце концов, садху был вполне нормальным человеком, и разговор продолжился в более серьезном русле. Он хотел знать о Махариши из Кайлаша, и когда услышал больше об этом знаменитом христианском отшельнике и о путешествии, которое нужно предпринять, чтобы добраться до него, то сказал серьезно:

«О, сэр, позвольте мне поехать с вами!»

«Ты еще не достаточно силен для таких долгих путешествий,» - был ответ. Такая жизнь не сахар.» Нельзя пускаться в такое путешествие, если нет на то Божьей воли. «Но однажды Господь призовет тебя, и ты сможешь пойти вперед в Его служении, как я это сделал. Затем они вместе приклонили колени, и садху помолился за него.

Много лет спустя, когда Раджамани вернулся в то самое место, чтобы проповедовать вместе с Бакхтом Сингхом, как его старший коллега, он вспомнил ту молитву.

Мистер Дэниэл, основатель Евангелического Общества Лэймана, был еще одним человеком, который в юности был вдохновлен садху. Он не только сам ходил послушать садху, но ездил на велосипеде по округе, звеня ручным звонком, извещая о собраниях и призывая всех своих одноклассников идти. Дэниэл жаждал поговорить с ним лично, и переводчик устроил их встречу. В результате садху, увидев необычайную глубокую духовность мальчика, проявил к нему интерес и пригласил сопровождать его на следующем этапе его путешествия. Дэниэл со своим энтузиазмом хотел пойти дальше. Подобно Раджамани он хотел поехать в Тибет, объявив, что готов умереть там как мученик. Ответ садху был кратким, но невольно содержащим откровение. Он говорил как тот, кто познал физические тяготы и страдания, одиночество и отвержение, тайную и явную враждебность, долгие дни и ночи напряжения и усталости, умственное истощение и духовный конфликт в течение многих лет, и все ради Имени.

«Умереть мучеником за Христа легко. Жить для Христа трудно».

Г Л А В А 10

Пока поезд подтягивался к платформе на станции Тривадрам, Сундар стоял в открытых дверях вагона и быстро пробежал взглядом по группе индийцев, с нетерпением ожидающим его. Наконец, его лицо озарила улыбка при виде единственного присутствующего человека с запада – миссионера, у которого ему предстояло остановиться в течение краткого визита в эту самую южную часть Индии. Они еще не были лично знакомы, но тепло приглашения, полученного им от Артура Паркера и его жены, ободрило его. И когда удалось убедить индийских христиан, собравшихся приветствовать его, отпустить его, чтобы умыться и поесть, он тут же ощутил себя дома с этими людьми.

Артур и Ребекка Паркер прожили в Индии 30 лет и любили ее народ. То, что они услышали о юном садху, породило в них желание встретиться с ним, и уже через несколько минут пребывания садху у них дома Ребекка в особенности приняла его в свое сердце. Хотя он пробыл в Тривандраме на этот раз всего лишь два или три дня, и все его время было занято встречами и беседами с отдельными людьми и группами, ей удавалось делать для него то, что мать делала бы для своего сына. Она заботилась о том, чтобы он ел в спокойной обстановке и чтобы в его комнате было все, что могло бы ему понадобиться. Сама она всегда была рядом, готовая откликнуться на все, что он мог раскрыть о себе.

Через несколько дней после его отъезда она написала ему небольшое послание и отправила вместе с даром во «счастливое воспоминание» о его пребывании у них, положив, таким образом, начало переписке, которая продолжалась всю оставшуюся жизнь. Его третье письмо начиналось так «Моя дорогая мама», и с того времени она всегда была для него «мамой» . Это были уникальные взаимоотношения в его жизни, восполнявшие как естественную, так и духовную пропасть, оставленную его матерью. При всей его сознательной необходимости уединения для пребывания лицом к лицу с Богом, при всем его восторге славой и разнообразием творения, была в его натуре человеческая сторона, которая жаждала человеческого общения. Он был человеком, у которого было много друзей, нескольких из них он с любовью называл братьями, но Ребекка Паркер была единственной, кого он называл мамой.

Из Тривандрама он отправился на север, чтобы принять участие в съезде, называвшемся Мар Тома Сириан Конвеншен, проводимом во время засушливого сезона на большом острове на излучине реки, протекающей через северный Траванкор. Как обычно, была возведена огромная палатка, вмещающая 20000 человек, и каждое утро перед рассветом человек с зычным голосом нарушал тишину, проходя по лагерю и восклицая «Слава Богу! Слава Божьему Сыну!»

Это был сигнал к подъему и молитве. Со всех концов лагеря доносились сотни голосов, воспевающих молитвы на старинные сирийские мотивы, поднимающиеся до рокошущего крещендо и вновь замирая в тишине. Затем начинались собрания, объединяющие тысячи мужчин, женщин, детей, стекающихся, подобно пчелам, в огромную палатку. Там они рассаживались на песке, женщины все в белом, по одну сторону, мужчины и мальчики впереди и по другую сторону. В центре был помост, на котором сидели два епископа, великолепные в своих сутанах из красного или пурпурного сатина, с золотыми поясами и искусно сделанными головными уборами. Перед ними на помосте, скрестив ноги, сидели служители церкви, и перед ними, также скрестив ноги, занял свое место Сундар.

Это был глубоко волнующий опыт для него. Он слышал об огромном числе христиан в Южной Индии, видел их сотенные собрания в Тривандраме, после – тысячные собрания на Доминиканском Сирийском Съезде. Но то, что он увидел здесь, превосходило и то, и другое по чистому количеству, которое возрастало каждый день прохождения съезда. Он осознавал, что подобное собрание проходит уже многие годы, десятилетия, даже века, ибо утверждается, что историческая Сирийская Церковь Малабара, ныне разделенная на Римскую, Доминиканскую и Мар Тома, была основана апостолом Фомой. Собрание стольких людей, называющих себя христианами, ободряло, с одной стороны, пока он не вспомнил те бесчисленные деревни в Северной и Центральной Индии, в которых он побывал и в которых никогда не слышали Евангелие Иисуса Христа. Пока епископ одну за другой назвал темы молитв, торжественный шепот исходил от благоговеющего собрания – но как получалось так, что очень и очень немногие молодые люди из их среды откликнулись на великое поручение, данное более 2000 лет назад «Идите, проповедуя Евангелие всякой твари»?

Когда пришло его время проповедовать, он поднялся на ноги и окинул взглядом огромное скопление народа перед ним. Глаза всех были устремлены на него, ибо и здесь молва о нем предшествовала его появлению, и его присутствие вызывало у них благоговение. Начав проповедовать, он не мог удержаться, чтобы напомнить им, что сотни лет назад Бог верил им Свое слово, вручил Евангелие Сына Своего. Но они не смогли донести Благую Весть даже до своих соотечественников. И что же в результате? Бог вынужден призывать мужчин, и женщин тоже, из таких стран, как Англия и Америка, чтобы совершать работу, которую они должны были выполнить. В то время как Евангелие было в Индии еще за сотни лет до того, как оно попало в эти страны.

«О, молодые люди, очнитесь! Посмотрите, как много душ погибает вокруг вас! Разве это не ваш долг, спасти их?»

«Слава Богу! Он дал вам бесценную возможность быть спасенными и спасать других! Будьте добрыми солдатами Иисуса Христа. Идите вперед во всеоружии. Сокрушайте дела сатаны, и победа будет вашей!»

Затем он со всей серьезностью вынес им предупреждение.

Если пренебрежете этим сейчас, другого шанса у вас не будет. То, что вы должны делать, делайте сейчас! Делайте это сейчас! Ибо вы больше никогда не пройдете снова по полю битвы.

Приближается день, когда вы увидите мучеников во славе своей, мучеников, которые отдали свое здоровье, богатство, даже саму жизнь, чтобы приобрести души для Христа. Они многое сделали. А что сделали вы? О, да не покроемся мы позором в тот день!»

Его призыв прозвучал в свое время, ибо Сирийская церковь уже осознавала свою несостоятельность в деле евангелизма и понемногу посылала миссионеров в другие части Индии. Но у него было еще, что сказать. Речь шла о том, что, как он видел, оказывает ослабляющий эффект на церкви Южной Индии. Он сказал:

«Мы можем сравнить Индию с человеком. Гималаи – это его голова, Южная Индия – его ноги, Пенджаб – его правая рука, а Бенгал – левая. Для того, чтобы твердо стоять, этот человек должен стоять на ногах – на Южной Индии. И Южная Индия действительно для этого подходит. Христиане Южной Индии очень продвинутые как числом, так и образованием. Но хотя многие их церкви содержат сами себя, и хотя этот человек может стоять на ногах, он все еще не способен ходить. В чем причина? Я видел одного иудея в штате Кохин. Он стоял, но не мог ходить. Почему? Потому что у него была слоновая болезнь, которая делала его ноги опухшими и тяжелыми.

Слоновая болезнь! Индийская церковь не способна провозглашать Евангелие по всей Индии и спасти всю страну из-за слоновой болезни Индийской церкви на юге. Кастовое разделение подобно слоновой болезни. Классы – ее главная слабость. По этой и другим причинам в церкви недостаточно любви, и как следствие недостаток беспокойства о спасении других. Если избавиться от этой болезни, церковь Южной Индии будет использована в качестве инструмента...»

Если Сундар и говорил сурово о слабостях, которые видел, то с жаром и достаточной нежностью говорил он о поднявшемся последнее время реформационном движении древней церкви, призывая подниматься в ответ на призыв и посылать свет для миллионов, которые погибают во тьме. И как рассказывала Ребекка Паркер, которая присутствовала на съезде:

«Садху собирал больше людей, чем обычно, поэтому к концу недели палатку пришлось расширить, и на последнем собрании присутствовало не меньше 32000 человек, пришедших послушать последнюю проповедь садху.»

Паркеры были не единственными, с кем его сковала тесная дружба во время того визита в Южную Индию. Дьюан Бахадур А.С. Аппасами был адвокатом и в прошлом индус. Он был в восторге от встречи с садху, у которого такое обширное и эффективное служение. Понимая, что Сундару нужен отдых после нескончаемой череды собраний, он пригласил его погостить у него дома в горах. Там он мог воспользоваться всеми желаемыми возможностями для уединения, побродить по густо засаженной территории среди акаций и эвкалиптов, где тихо протекает небольшой поток, и где бы он мог вдоволь наблюдать за птицами.

Сундар с благодарностью принял приглашение. Его очень утомляла жара и влажность Южной Индии. Как он написал одному другу на севере, он чувствовал себя как тающий кусок соли – «хотя я жажду растаять как соль, лишь бы юг был осолен!» Оказаться в горах было облегчением. Кроме того, это дало ему возможность изучать английский. Его опыт на юге убедил его в преимуществе владения этим языком, который так широко используется и понимается. Это освободило бы его от необходимости зависеть все время от переводчиков на

всех его собраниях. Не все оказались такими соответствующими как Винсент Дэвид. Некоторые из них, как он своеобразно выражался, «больше перебивали, чем переводили!».

То были дни, которыми Сундар наслаждался. Семья Аппасами делала все возможное, чтобы ему было удобно, безуспешно умоляя его внести изменения в меню. У него нет предпочтений, заверил он их, ему нравится все, что они предлагают. Только после усердного давления им удалось выудить у него, что хотя он любит молоко больше, чем чай, а чай больше, чем кофе, на самом деле главное для него, чтобы жидкость была как можно более горячей. Температура значит больше, чем вкус. Стало привычным, видеть, как он держит серебряный стакан, в котором ему подавались напитки, обернутым в край его тюрбана, потому что тот был слишком горячим для его руки. Но при этом он, улыбаясь, одним глотком выпивал содержимое до дна.

Он часто купался в потоке, прежде выстирав одежду и раскинув ее на кустах. После купания он натирался маслом, «что придавало его гладкому телу блеск, как будто он был выплавлен из двадцати каратного золота», - так описывал сын Аппасами, который делил с ним домик. Он так же отметил ту заботу, с которой Сундар повязывал свой тюрбан. Он был около 9 метров длиной, и Сундар оборачивал его вокруг головы особым способом, невольно выдавая тот высокий социальный класс, из которого происходили его предки сикхи. Привычки к опрятности, выученные на дворе дома в Рампуре, никогда не были забыты.

Сундар провел шесть недель в гостеприимном доме Аппасами и кроме изучения английского языка, он много беседовал с хозяином. Господин Аппасами рано оставил профессиональную работу адвоката, чтобы посвятить себя христианской деятельности и молитве. Искренний человек, глубоко озабоченный евангелизацией своей страны, он увидел в образе жизни и проповеди Сундара путь ее осуществления. Неся в себе сильное обращение к душе индийца, этот путь оказывался гораздо более эффективным, чем любое количество церковной и миссионерской организации.

Но один человек не может евангелизировать всю страну. Нужно больше таких как он, и Аппасами представил Сундару идею, которая складывалась у него в голове. Если Сундар согласится на его предложение, то можно открыть центр по обучению христианских садху, для того чтобы совершать ту же работу, что делал он. Таким образом, он мог бы размножить себя, и миллионы услышали бы послание, которое он так жаждет провозглашать.

Подобные предложения поступали к нему время от времени и от других. Но хотя Сундар и не мог не увидеть резонность идеи, он не был убежден, что это Божье призвание для него. Он следовал своим путем самоотречения, как обыкновенный садху, чьей целью было проповедовать Христа.

Следующим пунктом в его путешествии был прекрасный остров Цейлон (ныне Шри-Ланка), где в Джафне в Американской Миссии должно было состояться открытое собрание. Все школы и колледжи в округе были закрыты, чтобы дать учащимся возможность посетить собрание. В итоге в палатке, сооруженной из сплетенных кокосовых листьев, собралось около 2000 человек, как христиан, так и нехристиан, желающих увидеть и услышать его. За этим собранием последовали другие на полуострове Джафна, и куда бы он ни шел, везде собирались толпы, некоторые люди следовали за ним из одного места в другое. Эта поездка была организована молодым студентом теологом, который только что окончил Объединенный Теологический колледж в Бангалоре, и 30 лет спустя он вспоминал:

«Мое тесное общение с садху в тот момент, когда я начинал свое служение, было определено свыше, как я понял позднее, потому что оно произвело на меня самое глубокое впечатление и предало красок перспективе и цели моей жизни и работы как проповедника Евангелия. Частые упоминания о молитве в его обращениях и тот замечательный образ, которым Благая весть Иисуса Христа, нашего Господа, была отражена во всей своей чистоте и простоте в душе такого же индийца, как и я и почти такого же возраста, были большим вызовом для меня, указывая на необходимость полного подчинения Христу и совершенной зависимости от Него. Я весьма благодарен за эти уроки, что я воспринял от садху, начиная свое служение.»

Из Джафны Сундар поехал в Коломбо. Один богатый бизнесмен организовал там ряд встреч в большом зале, куда снова собирались толпы.

В этот период жизни Сундар дважды участвовал в чудесных исцелениях. Один случай произошел с женщиной, которая была до такой степени сумасшедшая (или одержимая), что приходилось иногда ее приковывать, чтобы не дать ей совершить какую-нибудь жестокость. Она слышала о садху, и однажды, понимая по шуму, царящему на улице, что он проходит мимо, она закричала: «Мой помощник пришел освободить меня!» Она была тут же исцелена, хотя Сундар ничего об этом не знал, пока ее муж не рассказал ему. Когда он узнал об этом, то вознес особую молитву благодарности в церкви, где проповедовал.

Другой случай, произошедший в Коломбо, отличался от первого. Мать мальчика, перенесшего серьезную операцию, и чья жизнь висела на волоске, пришла просить его навестить ее сына в больнице. Сундар не пошел сразу, но на следующий день попросил отвести его туда. Когда он увидел мальчика, то спросил через переводчика:

«Что ты хочешь, чтоб я сделал?»

«Я хочу, чтобы вы положили свою руку мне на голову и помолились за меня», - был ответ.

«Я не Бог, - сказал Сундар мягко, - я не могу исцелить тебя, но Иисус может. Ты должен помолиться Ему.

«Я знаю, - тут же произнес мальчик. – Но все равно, сделайте, как я прошу...»

Сундар уступил, объяснив при этом, что ему привычнее молиться на родном языке хиндустани, чем на английском, и когда мальчик покачал головой, он возложил на него руки, закрыл глаза и помолился. Результат был поразительный. Вскоре у мальчика поднялась такая температура, что медсестры встревожились. Послали за его родителями, «в случае если что-нибудь случится».

Но произошло то, что через час температура опустилась до нормальной, а через пару дней мальчик был объявлен полностью здоровым.

Новость об этом разнеслась с невероятной быстротой. К Сундару было обращено больше внимания, чем когда-либо – не из-за его проповеди, а потому, что теперь он являлся чудотворцем, тем, кто мог совершать чудеса.

Это беспокоило его. Вновь и вновь он утверждал, что это не он исцелил мальчика. «Я старался дать им понять, что сила Христа, как ответ на молитву, исцелила мальчика.» Ничто из того, что он говорил, казалось, не могло изменить их отношения, и в итоге он пришел к решению, которое некоторые его друзья сочли ошибкой.

«Поскольку их невозможно было переубедить, я решил больше не делать этого. Я чувствовал, что это породит предрассудки и отвлечет от Евангелия, которое я должен проповедовать». С того времени он воздерживался от того, чтобы использовать свой дар исцеления, которым, несомненно, обладал, из опасения, что это привлечет внимание к его личности и физическому исцелению и отвлечет от духовного исцеления через веру во Христа одного.

Один из его самых близких друзей, делая обзор его жизни и служения годы спустя, высказал большое сожаление по поводу того, что он принял такое решение, указав, что его влияние было бы еще больше, если бы он, подобно своему Господу, которого так беззаветно любил, проявлял такое же сочувствие к тем, кто физически страдает.

Если бы Сундар следовал советам друзей, то он открыл бы центр по обучению христианских садху, и проявляя свой дар исцеления, привлекал бы еще больше людей, чем уже собиралось на его собрания. Каков был бы окончательный итог всего этого, остается только предполагать. Что до самого Сундара, то он был убежден, что его путь указан ему Богом, он не передумывал, а просто шел вперед по тем же дорогам, что и прежде. Его призванием было скорее проповедовать, чем учить, и влияние, оказываемое его личностью и образом жизни, было призвано, скорее, вдохновлять, чем наставлять.

Посетив Цейлон, он вернулся в Тривандрам, чтобы побыть несколько дней с Паркерами. Ребекка Паркер, чьей основной заботой были женщины Траванкура, задумала написать для них книгу, основанную на опыте и учении Садху Сундара Сингха. Она полагала, что это было бы источником помощи и вдохновения для них – книга, напечатанная на их родном языке малайлам, рассказывающая об одном из их соотечественников, которого они сами видели и слышали, и который уже произвел на них такое глубокое впечатление. Он согласился снабдить ее необходимым материалом, и посвятил ей всю неделю. Ребекка Паркер работала пером, записывая его ответы на ее вопросы и торопливо помечая его воспоминания и наблюдения. Сидя за этой, казалось бы, простой, близкой им обоим по духу, и сравнительно неважной задачей, они и понятия не имели, к чему это приведет, и как широко распространится послание его жизни.

Они думали, что книга вызовет интерес лишь на местном уровне, но когда друзья Паркеров услышали о ней, то предложили не ограничиваться изданием на языке малайлам, а выпустить ее на английском. Так и было сделано, и книга «Садху Сундар Сингх. Призванный Богом» была издана в 1918г. Она была тут же востребована и в следующем году переиздана дважды. После этого она стабильно переиздавалась с дополнениями и в итоге была также переведена на многие языки.

Пятьдесят лет спустя после первой публикации, она все еще находилась в печати, являясь одним из тех средств, с помощью которых сикхский школьник из далекой деревни в Пинджабе стал мировой фигурой.

Г Л А В А 11

«Вы узнаете меня?»

Когда Сундар посмотрел на человека, задавшего вопрос, глаза его озарились светом, и в памяти вспыхнуло воспоминание о том времени, когда он был отравлен, и аптекарь из местной больницы пришел осмотреть его.

«Да, конечно я помню вас, - сказал он и добавил жалобно, - ведь вы пришли осмотреть меня на смертном ложе!» Тут он узнал, как в результате его чудесного исцеления аптекарь стал читать Библию, что привело его к уверованию во Христа. «Так, теперь я служу Господу миссионером здесь в Бирме», - пояснил он.

Сам Сундар путешествовал по Бирме с проповедью. Впервые он был вне Индийского субконтинента, что положило начало самому заметному периоду его жизни, когда он один путешествовал по странам Дальнего Востока, по Европе, Америке и Австралии, одетый, как

всегда в шафрановую сутану и обутый в сандалии на босу ногу. Не имея ни влиятельного покровителя, ни хорошо обеспеченной организации за своей спиной, отказываясь от дорогих подарков и больших сумм денег, ему уготовано было стать современным свидетельством реальности жизни по вере. Куда бы он ни поехал, двери для его проповеди везде были открыты, и к концу 1922 года, когда он вернулся в Индию с намерением, никогда больше не отправляться за моря, приглашения настигали его с такой частотой, что было трудно отвечать на все, не говоря от том, чтобы соглашаться на выраженные просьбы. Он стал фигурой международного масштаба.

К 1918 году он уже был хорошо известен и уважаем в своей стране. После возвращения из Южной Индии и Цейлона он провел несколько дней, поправляясь после жестокого гриппа, в доме известного поэта доктора Рабиндраната Тагора. В других странах все, что было о нем известно, поступало из книг и журналов или из сообщений, привезенных миссионерами и другими людьми. Его поездке в Бирму предшествовал визит туда же его друга епископа Лефроя, и это помогло проложить туда дорогу и для него.

«Слава Господу, что Он благословил собрания превыше наших ожиданий в различных частях Бирмы», - писал он другу накануне отъезда, добавляя слова благодарности, - Ты имеешь большую часть в этом труде для Господа. Я очень благодарен тебе за твою добрую помощь и молитвы».

О том, что его пребывание в стране оказало влияние и на других людей, кроме тех, что обычно посещают христианские собрания, свидетельствует тот факт, что владелец судоходной компании обеспечил ему бесплатное путешествие из Рангуна в Сингапур.

В Сингапуре Сундар столкнулся с одним из малых кризисов своей жизни. Он ожидал, что в этом городе-космополите легко можно будет найти говорящего на языке хиндустани, чтобы переводить для него. Но его охватила тревога, когда, приехав на первое собрание, он обнаружил, что нет никого, кто бы мог это делать. Ничего не оставалось, как проповедовать на языке, который больше всего понимали – английском. Он месяцами прилагал свой разум к изучению английского, но с большой опаской использовал его даже в разговорах. Перспектива стоять на помосте и проповедовать на нем наполнила его ужасом, и как он после признался, он чувствовал, что в нем происходит что-то наподобие землетрясения. «Когда огонь и другие материи под землей не находят выхода, происходит землетрясение, так и когда мысли в моем сердце не имеют средства выхода, мое сердце сотрясается!» Но он справился с этим и позднее говорил о Сингапуре, как о снабдившем его практикой проповеди на самом универсальном из языков.

Из Сингапура он отправился посетить города Ипох, Куала-Лумпур и Пенанг. В Пенанге, где он проповедовал в Императорском театре, его обращение кратко переводилось на языки трех основных этнических групп – малайцев, китайцев и индийцев. Специально было созвано собрание сикхов в церкви св.Георгия, где он смог проповедовать, к своему облегчению на хиндустани. В заключении собрания, его пригласили проповедовать в сикхском храме.

«Не имея ни денег, ни дома, одетый в простую сутану шафранового цвета, он стал странствовать из одного места в другое, подобно средневековому монаху, проповедуя евангелие Иисуса Христа, восхваляя его самоотречением своей жизни.» Так говорилось в сообщении, дававшем краткое описание его жизни в Индии, и далее описывавшем его визит в Малайзию.

«Согласно наставлению Иисуса, «В какой дом войдете, там оставайтесь, ешьте и пейте, что вам предложат», он принимает любое гостеприимство, предложенное ему, будь то простая или богатая пища, рикша или автомобиль, вагон первого или третьего класса. Все это не имеет для него значения: но здесь возникает опасность, чтобы эти второстепенные вещи, предложенные в большом количестве, не затмили значение, цель и подлинность его жизни садху. Его послание, несомненно, сильно касается индийцев, которые стекаются толпами, чтобы послушать его. Его язык прост и понятен, его иллюстрации незамысловаты, но все же с глубоким смыслом, обычно сказанные к месту и поясняющие.»

Сундар был хорошим корреспондентом. Не смотря на весь процесс приспособления, необходимый при переезде с места на место, и напряженный график выступлений на одном собрании за другим, зачастую через переводчика, ему удавалось поддерживать связь с друзьями и продолжать писать статьи для газет и журналов. В начале февраля 1919 года он написал в «Христианский Патриот» из Сингапура, сообщая, что собирается в Японию и Китай. Он получил приглашения от христиан в этих странах приехать и выступить на собраниях, которые можно было бы специально организовать, и решил принять их. В Сингапуре он был на полпути на Дальний Восток, и он надеялся, что ему удастся через Китай попасть на свое миссионерское поле Тибета. Он говорил, что отправится туда в апреле или мае. (Он мало знал о трудностях, связанных с таким путешествием – в Китае не было такой сети железной дороги, к которой он привык в Индии).

Очевидно, после этого он смотрел еще дальше:

«Бог открыл огромное поле работы для меня. Я уже получил много приглашений из Америки и Европы.» И добавил, что в его случае было очень искренней просьбой: «Поэтому я буду весьма благодарен, если братство продолжит помогать мне своими молитвами».

Итак, он отправился в Японию и Китай, страны, где его яркая внешность странным образом контрастировала с более умеренной одеждой местных жителей. Особенно в Китае, где все цвета одежды сводились к различным оттенкам бледно голубого, и где все носили обувь на тканевой подошве, появление высокого мужчины с бородой в тюрбане мандаринового цвета и шафрановой сутане, в сандалиях на босу

ногу, было почти что визитом с другой планеты. Даже люди с запада в костюмах и галстуках и кожаных туфлях становились незаметными, бледнее на его фоне. К счастью, его появления на публике были сравнительно редки, но как только его замечали, вокруг тут же собиралась толпа молча глазеющих зевак.

Китайская внутренняя миссия организовала его выступления в церквях в нескольких местах, и сын Хадсона Тейлора, основателя миссии, переводил для него на некоторых из них. Он посетил Пекин, где проповедовал в соборе, заполненном до отказа, а также выступил в Нанкине, Ханкоу и Шанхае.

В Японии он выступал в Токио, Кобе, Осаке и Койото. Сравнительно мало было сделано в плане предварительной подготовки, поэтому собрания были небольшими, но как всегда, впечатление, производимое им, было глубоким.

В Кобе, несколько молодых людей, после того, как увидели и услышали его, впервые занялись евангелистской работой. Возможно, из-за своего юношеского энтузиазма, они также решили, что подобно садху, не будут носить носок!

Как и в других местах, его внешность напоминала людям увиденные ими картины Христа. Одна девочка, вдруг заметив его, идущего по территории школы, понеслась в кабинет директора и, ворвавшись, сказала запыхавшись:

«Учитель! Учитель! Иисус идет! Иисус идет!»

Хотя собрания, к которым он брался в Китае и Японии, были малыми в сравнении с другими странами, для этого была причина. В других местах его аудитория состояла в большей степени из индийцев, среди которых он был уже хорошо известен. На Дальнем Востоке его имя было фактически неизвестно. Только позднее, когда книги о нем были опубликованы и вошли в обращение, пришло осознание, что выдающийся в мировой истории индийский христианин был среди них.

Что касается самого Сундара, то он выражал изумление по поводу того, что Бог посылал его в другие страны и к другим народам проповедовать Христа. Он писал другу:

«Я никогда раньше не осознавал, что Бог сделает меня, недостойного слугу, Своим свидетелем перед разными народами мира. Слава имени Его! Аминь!»

Он был внимательным наблюдателем в тех народах, где бывал, и давал им краткое резюме:

«Бирманцы – монгольского типа, они буддисты, по этой причине не имеют истинного представления о Боге. Очень трудно заставить их понять, ибо в их языке, кажется, нет слова, которое выражало бы наше представление о Боге. Но они простой народ, и все их храмы открыты для посетителей. Они не являются нетерпимыми, как мусульмане и индуисты. Но здесь индуисты не только приходят на собрания сами, но и приводят своих жен!»

Япония погрузилась в убивающие душу воды западного материализма. Ее глаза затмевают видения мирового величия. Она яростно делает деньги и не имеет уха для Слова Божьего. Всякие религиозные воззвания не вызывают отклика у японцев... не возникает даже номинального осуждения вещей, которые шокировали бы морально чувствительные места простого индийца.

Но хуже всего то, что Япония не воспринимает всерьез даже буддизм. Ее храмы заполнены туристами и гидами в большей степени, чем поклонниками.

В Китае дела обстоят не так плохо. Житель Китая все еще имеет почтение и любовь к религии. Он способен на самое высокое духовное развитие.

В Китае и Японии нет того огромного препятствия для принятия христианства, которое присутствует в Индии – кастовой трудности. Это социально облегчает принятие человеком христианства. Некоторые из высших офицеров Китая христиане, и при том добрые христиане. В отношении студентов, есть опасность, что рост христианства среди них не соответствует количеству карточек обещаний, которые они подписывают. Я не очень этому верю. После того, как я обратился к одному собранию, почти все студенты подписали карточки с обещанием изучать постулаты Христа. Я достаточно знаком с человеческой натурой и полагаю, что не более ста из них смогут сдержать свое обещание. Но, принимая во внимание все аспекты, китайцы в большей степени поддаются убеждению, чем японцы.»

Сундару пришлось расстаться с надеждой, добраться до Тибета через Китай. Он узнал, что китайцы воюют с тибетцами на границе, и что будет бесполезно пытаться проникнуть в страну этим путем, поэтому он оставил свое намерение. Он приобрел место на пароход из Шанхая и прибыл в Мадрас 9 мая 1919 года, где для него спешно было организовано собрание в Мемориал Холле. Он говорил о месте Писания «И вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете мне свидетелями... до края земли.» Предметом проповеди была торжественная обязанность каждого христианина, нести свидетельство о Христе, и то, какая привилегия для человека, нести крест Его – привилегия, в которой отказано ангелам на небе. Завершил он свое обращение словами:

«Я направляюсь в горы и в Тибет! И нет никакой уверенности в том, что я смогу вернуться, настолько серьезны опасности, сопровождающие путешествие и мою работу в пролегающих там районах. Даже если я не увижусь с вами в этом мире, я надеюсь встретить вас на небесах, среди откровения новой жизни и того, что будет его окружать. Я прощаюсь с вами до того времени, когда мы снова увидимся.»

Не удивительно, что на многих глазах выступили слезы, когда он повернулся и сошел с кафедры.

В действительности его путешествие в Тибет было отложено по двум причинам. Из Мадраса он направился в Шимлу, а оттуда на тибетскую границу, но по дороге повредил ногу, и прибыв в Котгарх, что в 80 километрах от Шимлы, вынужден был остановиться и полечить ногу. Была и другая причина для задержки. За время его отсутствия на Дальнем Востоке две группы людей решили принять его предложение сопровождать того, кто будет готов, в путешествии с целью увидеть Махариши из Кайлаша. Одна группа состояла из индийцев и сингалцев, другая – из трех женщин миссионеров. Но пока он не добрался до Котгарха, он ничего не мог знать об осуществленных ими приготовлениях для встречи с ним где-то в другом месте. В обоих случаях их довольно непродуманные планы потерпели неудачу, хотя три бесстрашные женщины дошли даже до деревни в заснеженных горах под названием Бадринатх, примечательную своим храмом с золоченой крышей, в котором «святые мужчины и женщины роятся как пчелы в улье». Прождав неделю Сундара, который ничего об этом не знал, они решили отказаться от своего плана и вернулись домой.

Что касается Сундара, то приступ лихорадки задержал его еще дольше, и только в начале июля он был в состоянии продолжить свой путь в горы. Его сопровождал молодой тибетский христианин, связанный с Моравской миссией. Вместе они провели около двух месяцев, странствуя по обширным бесплодным районам, где тут и там располагались деревни, подобные Бадринатху, но рассеяны они были так широко, что порой к концу дня вокруг них не было ничего, кроме одного или двух пастухов вдали, пасущих стадо овец. «Мы спали на открытой равнине, когда холод был настолько сильным, что наши тела лишались чувств и немели».

В это путешествие они не встретили особо активного сопротивления со стороны лам, которые в некоторых местах очень хорошо их принимали, внимательно выслушивая Сундара, в то же время обсуждая с ним собственные верования. А однажды, заметив, что его волосы слишком отросли, они любезно остригли их ему, используя при этом ножницы для стрижки овец вместо обычных ножниц.

Тем не менее, образ жизни некоторых из лам вызвал в нем ужас, когда он увидел, что их обет безбрачия является всего лишь прикрытием для беспорядочных связей, в то время как явная практика гомосексуализма среди других наполняла его отвращением.

«Здесь преобладают всякого рода порочные обычаи и страшное зло, само упоминание которых здесь невозможно», - писал он в длинном письме к Ребекке Паркер после своего возвращения. Но с другой стороны он был тронут тем, что увидел в отшельниках, и тем, на что они идут в надежде обрести окончательное забвение. «Они закрывают себя в темной комнате, одни на месяцы, другие на годы, третьи на всю жизнь. Они настолько отгорожены от мира, что никогда не видят солнца и никогда не выходят наружу, но всегда сидя в темноте, продолжают вертеть молитвенное колесо в своей руке, словно живут в могиле.

В этих маленьких комнатах есть крошечное окошко или дыра, через которую люди передают этим отшельникам еду. Я пытался заговорить с ними, но мне так и не представилась подходящая возможность.» Самое большее, что он мог сделать, это положить несколько частей Писания в крошечные окошки, в надежде, что жильцы клеток прочитают их, если когда-нибудь появятся из темноты, в которой существуют. Сундар наблюдал нечто из моральной и духовной тьмы, что характеризует власть сатаны в стране, которую, как описывали Аббес Нук и Габет, враг, похоже, избрал тронем своей империи».

В письме Сундара, содержащем, по просьбе Ребекки Паркер, полное и подробное описание его путешествия, было несколько ярких зарисовок мест, через которые они с компаньоном проходили. Однажды они находились над уровнем леса, где воздух был такой ледяной, что было больно дышать, и «биение наших сердец отдавалось у нас в ушах. Здесь находится огромный ледник, на котором многие люди расстались с жизнью». Нужно было переходить потоки и реки, всегда обжигающе холодные, в то время как человеческие жилища, до которых они добивались, были очень маленькие, грязные и невыносимо зловонные. В большинстве случаев единственной доступной пищей была жженная ячменная мука и чай с маслом. Один район из тех, что они посетили, находился во власти бандитов, и хотя там были хорошие возможности для проповеди, их предупредили, что небезопасно идти дальше без ружья или меча.

«Я ответил, что у меня есть только покрывало и меч Бога - Библия, но что Господин Жизни со мной. ...поэтому, благодаря Ему, мы прошли это ужасное место, проповедуя среди убийц... и все же ни разу с нами не случилось никакой неприятности.»

Его письмо, написанное на многих страницах, содержало не только информацию о жизни людей и религиозных верованиях, но и краткий исторический очерк о том, что он узнал из истории тибетского буддизма в стране.

«Относительно истинного Бога эти люди не знают ничего, но в их религии существует некое Триединство, которое именуется Санги Кунчек, или Бог Будда; Лама Кунчек, или Бог Священник; и Гхо Кунчек, или Бог Писание. Буддизм появился в Тибете около 629г. от рождения Христа во времена царя Стронгтсена Гампо, а ламаизм был основан в 749 году Падмасамбхавой, который образовал первый монастырь близ Лхасы.

В 1640г. монгольский принц Гусари Хан завоевал Тибет и сделал подарок Верховному ламе монастыря Дрепунг, наделив его титулом Далай, или океан, который таким образом, стал первым царем-священником, известным как Далай Лама. Его звали Магван Лобанг. Будучи весьма амбициозным и, желая объединить власть государства с церковью, он провозгласил себя воплощением знаменитого Ченрезинга Авалокитесвара, божества, покровительствующего Тибету. Тибетцы, без сомнения, были в восторге оттого, что воплощение

такого божества является их правителем, и все шло по плану. Но с тем, чтобы не обидеть старшего и в каком-то смысле высшего, ламу Траши Лхунпо, он провозгласил этого ламу воплощением Амитабха... высшего, но бесстрастного божества, которое не может вмешиваться в мирские дела, оставляя их своему духовному сыну, представленному Далай Ламой Тибета.»

Первая маленькая книга Ребекки Паркер была настолько востребована, что необходимо было ее переиздание, в него она включила все письмо целиком. Имя Садху Сундара Сингха и его путешествия в загадочную страну Тибет становились все более и более широко известными и содержали вызов, обращенный к читателям, когда они доходили до слов: «Во всех этих трудностях было одно великое утешение, что это крест Христов, и что это необходимо для спасения душ. Для меня Христос оставил небо и принял на Себя тяжесть креста. Поэтому даже если я оставил Индию и пришел в Тибет от Его имени приобретать для Него души, это не есть нечто великое. Но если бы я не пришел, это было бы ужасно, потому что это божественное повеление.»

Он также извлек урок из того, что увидел в жизни отшельников, добровольно заключенных в темницу, ибо «если эти люди переносят такие страдания, чтобы достичь нирваны, в которой нет продолжения жизни, нет ни небесного счастья, ни надежды, веря в то, что спасение заключается в искоренении желаний и духа жизни, то с каким большим желанием должны мы брать крест с радостью о Христе – радостью обретения нами вечной жизни и великого служения Ему, Который дал и даст нам все?»

Тем временем, Сундар, возвращаясь проповедовать в городах и деревнях Пинджаба, прибыл в дом своего отца в Рампуре. За последние месяцы отношение отца к нему значительно изменилось, и входя в знакомый двор Сингхов, он был вполне уверен в радушном приеме. Но на этот раз перемена была полной. Приветствуя его, отец сообщил, что хочет стать христианином.

Это было одной из величайших радостей в жизни Сундара, увидеть ответ на его нескончаемую молитву о своем отце. Хотя Шер Сингх не проявлял себя так ярко, как его сын, теперь Сундар мог свободно говорить с ним о своих духовных переживаниях и получать охотный отклик в ответ.

Было что-то, над чем он размышлял и что рад был обсудить с тем, кто был так ему близок как естественными, так и духовными узами. Он полагал, что Бог побуждает его поехать в Англию.

Его собственным желанием было побывать на Святой Земле и своими глазами увидеть места, где ходил его Господь, но в то время, как он размышлял и молился, пришел призыв. Не в Палестину должен он ехать, а в Англию.

«Тогда я буду молиться о твоем пути», - сказал отец. Этого было достаточно для Сундара. Он тут же обратился в пароходную компанию, заказал билет в кабину второго класса на лайнер, который отплывал из Бомбея 16 января 1920 года и прибывал в Ливерпуль 10 февраля, и в одиночку отправился в англо-говорящий мир. В то время как другие пассажиры руководили размещением своего всякого рода багажа и тяжелых чемоданов, высокий бородатый индеец в шафрановой сутане и сандалиях поднимался по сходням «Города Каира», неся в руке единственный предмет своего багажа – маленькую сумку, на которой было написано имя – Сундар Сингх.

Г Л А В А 12

Для человека, рожденного и выросшего в Северной Индии, переехать в Англию означает оказаться в другом, сером мире. Небо было обычно затянуто, и среди часто морозящего дождя черные зонты дополняли тоскливую картину мокрых улиц, с которых люди спешили как можно скорее исчезнуть, резко захлопывая за собой входные двери. Не было и намека на неторопливую атмосферу восточных дворов и базаров, где соседи много времени проводили за разговорами и спорами, и где никто не подчинялся господству времени. В Англии все, казалось, были поглощены собственными делами и обычно спешили. Война 1914-1918 годов была окончена, и мирный договор был подписан, но война оставила свое мрачное наследство в виде обездоленных семей, все еще ощущающих потерю миллионов мужчин, погибших на полях сражений.

Было что-то еще, чего здесь не доставало, с точки зрения Сундара. В Индии присутствует осознание духовных вещей, поиск того, что могло бы принести мир душе. В Англии он ощутил озабоченность тем, что приносит материальное удовлетворение, довольство, которое пренебрегало более глубокими нуждами человеческого духа. Он пробыл в Англии меньше месяца, когда его спросили, что он думает об английском христианстве и об английском образе жизни, в общем. Вопрос был задан за столом, ставя его в неудобное положение и подвергая опасности оказаться невежливым по отношению к хозяевам, и он мудро ответил, что еще недостаточно долго пробыл в стране, чтобы выносить суждение., хотя его поразило, что слишком мало места здесь уделяется религии. Он считает, что больше времени следует проводить в спокойствии и размышлении над Словом Божиим. Без молитвы и размышления невозможно понять духовные вещи. Он говорил вполне непринужденно, и за столом все потихоньку умолкли. Его краткое суждение произвело более глубокое впечатление, чем многие проповеди, поскольку для всех было очевидно, что он знает, о чем говорит.

Сундар сделал очень мало, для того, чтобы подготовить свое пребывание в Англии. В какой-то мере это была намеренная политика, ибо его вера оставалась острой и более живой, когда он сознательно каждый день искал водительства Божия. Тем не менее, один друг, миссионер в Индии, позаботился, чтобы его встретили в Ливерпуле и оттуда отвезли сначала к Ренделлу Харрису, известному учителю

Библии, затем в Селли Оук, где он жил с квакерами, а после того в Оксфорд, чтобы побыть среди высшего англиканского общества Отцов Коули. Он в равной степени был как дома со всеми ними, вполне естественно вписываясь в их обстановку.

Находясь в Оксфорде, он встретился с человеком, который, возможно, более других запечатлелся в его памяти. А. Дж. Аппасами, аспирант в Университете, знал о Сундаре не только от своего отца, у которого Сундар прожил несколько недель в Южной Индии, но и из публикаций о нем. Его, в частности, интересовал мистический опыт Сундара, поскольку он несколько лет изучал вопрос мистицизма, и именно по этой причине хотел встретиться с ним. Между двумя молодыми индийцами тут же установились отношения, а Сундар, который не делал тайны из того, что он слышал и видел в невидимом царстве, был вполне готов отвечать на вопросы Аппасами. Он также согласился выступить на нескольких собраниях в Университете, которые Аппасами не замедлил организовать, и на которые собирались как наставники и священники, так и студенты.

В результате недели, проведенной Сундаром в Оксфорде, наставник Аппасами, каноник Б.Х. Стритер предложил Сундару записать его учение, для чего Аппасами должен был провести вместе с ним две недели, делая заметки. Эта договоренность устроила всех, ибо компания соотечественника, который освоил западные пути, (Аппасами изучал теологию в Америке прежде, чем приехать в Оксфорд), несомненно, облегчала жизнь Сундара в те первые дни. Покинув Оксфорд, они направились в Кембридж, а затем в Лондон, где в дополнение к собраниям, куда его приглашали, проводились беседы, иногда с выдающимися людьми, желающими познакомиться с этим садху из Индии, о котором они уже слышали, и который привлекает к себе столько внимания в этой стране. Архиепископ Кентерберийский принял его тепло и улыбнулся, когда Сундар рассказал ему, что в дополнение к проповеди в англиканских церквях он принял приглашения говорить в Вестминстерской Часовне и Скинии Метрополитен.

«Для Вас это вполне нормально», - сказал он. Юный садху был крещен и причащен в англиканской церкви, но было признано, что он не останется в ее рамках. Он благоговейно приклонил колени, чтобы получить благословение архиепископа, без слов признавая его церковный авторитет. Но именно по этому поводу барон фон Хугель, выдающийся римско-католический теолог и философ, высказал свое единственное замечание о Сундаре. Он указал на то, что, не смотря на все видения и состояния экстаза, пережитые выдающимися христианами мистиками в прошлом, они подчинялись церковному авторитету и направлению, и, по его мнению, Сундар должен делать то же самое. Когда впоследствии Сундару задали вопрос по этому поводу, он ответил:

«Относительно моего членства в церкви, я должен сказать, что принадлежу Телу Христову, истинной Церкви. Церкви, которая понимается не как здание, сложенное из плиток и камней, но как тело, состоящее из истинных христиан, живых и мертвых. Но я ничего не имею против того, чтобы кто-то становился членом какой-либо организованной Церкви на земле. В этом смысле я принадлежу англиканской церкви в Индии. Я не верю в Апостольскую преемственность, но если это верование помогает людям в их духовной жизни, то пусть они верят так!..

Я верю в причастие и крещение. Каждый христианин обязан повиноваться заповедям Господа относительно этих таинств, поскольку через них обретается огромное благословение. Не из-за того, что хлеб становится истинным телом Христовым, или из-за того, что есть что-то особенное в воде, хлебе или вине, но по причине послушания нашему Господу. Конечно, все это зависит от веры.»

Среди приглашений общественного характера он получил одно из Букингемского дворца. Королева просила его доставить ей удовольствие и составить ей компанию за чаем, но к своему огорчению, он увидел, что в назначенное время он должен выступать перед двухтысячным собранием. Он со всей серьезностью относился к призыву отдавать кому честь, честь, и с искренним сожалением написал Ее Величеству, объясняя, по какой причине он просит его простить. Очень редко упоминал он этот инцидент, но был случай совершенно другого рода, который он с радостью пересказывал вновь и вновь. В те дни Лондон часто окутывали густые туманы, и однажды он стоял на обочине, собираясь перейти дорогу, когда с удивлением обнаружил, что пожилая женщина, держа в руке письмо, пытается засунуть его в него самого. В его длинной розоватого цвета сутане, спускающейся до земли, она приняла его за почтовый ящик.

Он провел четыре с половиной месяца на Британских островах, едва имея перерыв между выступлениями на собраниях, за исключением нескольких дней, проведенных в Париже с Аппасами.

«Теперь ты можешь сказать, что побывал на третьем небе, как святой Павел», - сказал он с усмешкой, спускаясь с третьего этажа Эйфелевой башни. Когда его спросили, что бы он хотел увидеть, он ответил, что хочет осмотреть все, что связано с церковью вообще, особенно с мучениками за Христа. В Лувре его больше всего привлекла картина с изображением св.Себастьяна, пронзенного стрелами. По его мнению, это была лучшая картина в этом знаменитом музее искусств. Но даже в Париже стало известно о его присутствии, и было организовано два собрания, где он выступил, прежде чем вернуться в Англию к напряженной жизни, расписанной по минутам.

Хотя большие собрания, естественным образом, привлекали больше внимания, эффективнее оказывались меньшие, неформальные беседы. «Я склонен полагать, что мы оказываем не лучшую услугу садху, задействуя его, в основном, на больших собраниях... лучше всего он проявляет себя в маленьких группах и в личном общении. Мне известен ряд случаев серьезных обращений людей из всех слоев общества здесь у нас, происшедших благодаря встрече с ним», - писал его английский друг в Америку, куда собирался отправиться

Сундар. К этому времени настойчивые приглашения с просьбой выступить приходили к нему отовсюду, но он вынужден был от них отказаться. Он ощущал знакомое побуждение, призыв двигаться дальше, и он знал, что должен ехать в Америку. Он прибыл в Нью-Йорк в конце мая и, отказавшись от прибыльного тура, который предлагала ему одна предприимчивая фирма, согласился на программу, организованную доктором Ф.Н.Д. Бучманом, являвшимся лектором в теологической семинарии в Коннектикуте. И на вступительном собрании там было объявлено, что:

«Садху является выдающейся и значимой личностью в сегодняшнем христианском мире. Его особая забота состоит в том, чтобы противодействовать влиянию многих свами и других людей, приезжающих в Европу и Америку, чтобы увлечь определенного склада умы теософией, индуистским мистицизмом и т.д.» Было сказано, что, несомненно, Сундар произвел глубокое впечатление своим христоцентричным осознанием невидимого царства не только в церквях и школах, но и на студенческих конференциях и собраниях для бизнесменов. Люди стекались, чтобы услышать его, жадно внимая его переживаниям и притчам, его многократным напоминаниям о важности знать Бога лично, а не просто знать о Нем. «Какова, в конечном итоге, наша цель в изучении теологии? – спрашивал себя один пастор, сидя в окружении ученых, облаченных в мантии и головные уборы, смотря на Сундара и слушая его. – Что мы делаем со всем этим аппаратом ученых степеней, и чего мы этим достигли? Человек, подобный этому индийцу, может двигать народы... А мы...?»

Сундар пробыл в Америке менее двух месяцев, но за это время он проехал от востока до запада, выступая в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии и других местах. Некоторые глубоко религиозные личности, представляющие современную теологию и опровергающие чудеса, были удивлены и весьма встревожены тем, что студенты в элитных университетах востока с готовностью принимали его послание с особым акцентом на сверхъестественное.

«Я целиком и полностью верю в силу Христа, действующую сейчас так же, как и во дни Его жизни, исцеляющую и совершающую то, что люди называют чудесами, - сказал он одному репортеру в Нью-Йорке. – И мое убеждение основано не только на вере, но и на опыте».

В прессе вышел ряд статей о нем, ибо он обеспечивал журналистов хорошим материалом не только из того, что говорил, но и своей внешностью и образом жизни. Как-то раз он, приехав на студенческую конференцию, стоял на берегу Серебряного залива на озере Георга, и лучи заходящего солнца освещали холмы позади него, и «было трудно поверить, что озеро не Галилейское, что сейчас не 33 год от Рождества Христова и что потрясающая воображение фигура не Господь Иисус...». Так писал один репортер, в то время как другой, уже в более непринужденной манере, замечал, что садху решил проблему багажа, так как все, что он имел при себе, это маленький кожаный саквояж, в котором лежала Библия и чистая шафрановая сутана. Что касается стирки, то он делал это сам, стирая свою сутану в общей прачечной в гостинице и развешивая ее на площадке для одежды. Экипированный таким образом, он был готов путешествовать по полгода в любую часть света.

Он был готов к этому не только с практической стороны. Он не планировал ехать в Австралию, но забронировал туда место, когда узнал, что нет парохода, напрямую следующего из Сан-Франциско в Индию. Его прибытие в Сидней было неожиданным, но как только стало известно, что он там, его тут же пригласили выступить. Семьсот церковнослужителей и христианских работников собрались в Соборном Доме при храме св.Андрея, чтобы послушать его, а после того в церкви на улице Пит. На обоих собраниях публика переполняла залы, то же самое было и в Мельбурне, когда он проповедовал в главном Соборе, равно как и в других больших церквях города. В Аделаиде, так же как и в Перте он говорил на собраниях, где было столько людей, что приходилось закрывать двери за полчаса до объявленного времени появления садху за кафедрой.

«Я говорю на переполненных собраниях. Очень часто мне приходится выступать во второй раз после того, как закончу первое собрание». Он чувствовал напряжение от нескончаемой концентрации, которая была неизбежна, и писал об этом в письме другу, признаваясь, что по причине языка, было очень трудно говорить тут же на еще одном собрании. «Но Дух Святой дает мне способность делать это для Его славы».

«Дух Святой дает мне способность...» Для него не было ничего магического в том, чтобы обрести способность от Святого Духа. Это не освобождало его от упорной работы, требуемой для освоения языка, на котором он мог общаться с самым большим числом людей. Напротив, это придавало силы его стараниям прилагать свой ум к данной задаче. Именно из Австралии Ребекка Паркер стала получать его письма, написанные на английском вместо хиндустани и подписанные «Ваш вечно любящий сын, Сундар».

Так же как в Англии и Америке, облик Сундара и его манера производили неизгладимое впечатление на тех, кто слышал и видел его. В тридцать один год он достиг зрелости в мужественности, и некто писал о нем: «... уникальная личность, одетый в свою шафрановую сутану и сандалии, с сияющим гладким лицом с полной бородой, излучающий уверенное спокойствие и величие, он казался мне, молодому христианину, наиболее близким воплощением моих представлений о нашем Господе.»

Такое впечатление складывалось у многих из тех, кто видел его на публике, но те, кто наблюдал его в тесной обстановке своих домов, созерцали крупные планы, содержащие еще больше откровений.

Стоит внезапно открыть дверь – и перед нами маленькая светловолосая девочка стоит у ног садху и улыбается ему в лицо, а он наклонил голову и разговаривает с ней.

Маленький мальчик спускается к завтраку и требует сказать, где же Иисус. «Он был здесь вчера. Я видел его. Он играл со мной...!»

А хозяйка пишет своему сыну: « Так прекрасно, что Сундар Сингх здесь у нас; это не похоже ни на что из того, что случилось с нами ранее. Это невозможно описать, но как будто сам Христос у нас в доме, на сколько это можно представить!»

«Человек, завоевавший запад». Так воодушевленно описывали Сундара христиане в Мадрасе, готовясь встретить его после того, как он провел восемь месяцев, проповедуя англоязычному миру. Здесь и в еще нескольких городах Южной Индии для него были запланированы большие приемы, о чем он не подозревал, пока не прибыл в Коломбо. Перспектива чрезмерного внимания и навязывание подобного титула приводили его в ужас. Как-то раз, проходя по территории одного университета, он увидел объявление, написанное огромными буквами, представляющее его как «всемирно известного садху». Через годы он рассказал своему другу Ридли: «Когда я это увидел, мне стало так стыдно, что я вспотел насквозь!»

Чтобы не испытывать на себе восхищение своих поклонников, он никому не сообщил о своем прибытии в Бомбей, кроме Винсента Дэвида. А после того, как рассказал ему о путешествии и поделился впечатлением о западном христианстве, он поспешил вернуться в Сабатху, предоставив Винсенту Дэвиду передать другим, что тот сам только что узнал. Через несколько дней в газете «Христианский патриот» появилось краткое изложение беседы, начинавшееся словами:

«Наш драгоценный брат Садху Сундар Сингх благополучно прибыл в Бомбей 24 сентября и рассказал нам о своей работе в Англии, Америке и Австралии, выразив при этом свое мнение об этих странах.

Он сообщил, что многие англичане нашего времени не верят в чудеса нашего Господа Иисуса Христа. Когда ему задавали вопросы о чудесах, он отвечал на них и добавлял, что видел чудо, сотворенное у них, потому что, не смотря на материалистичность англичан, среди них есть много духовных людей...

В Америке много христианства, но этого недостаточно... Слова нашего Господа «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас» истинны в отношении востока. Но садху полагает, что для Америки наш Господь сказал бы «Придите ко мне все труждающиеся и золотом обремененные и я успокою вас».

И все же у Бога есть свои свидетели по всему миру. Иногда молодые индийцы говорят, что не хотят принимать миссионеров из таких стран, но это ошибочно. По мнению садху, миссионеры, приезжающие в Индию с запада, поддерживают жизнь в своих домашних церквях. Если бы запад не посылал к нам миссионеров, то их церкви омертвели бы, подобно Мертвому морю. Поэтому мы должны тепло принимать миссионеров, ради того, чтобы поддерживать жизнь западного христианства. Садху убедился в том, что ни одна в мире страна или нация не являются христианскими. Христиане – это отдельные личности, личности, которые живут в соприкосновении с Иисусом Христом...» Длинная статья завершалась высказыванием самого Сундара, в котором, как говорилось, он сообщил следующее:

«Я не закончил мое путешествие по Европе. Если Бог позволит, на следующий год, после того, как я побываю в Тибете, и если Бог откроет путь, возможно, я поеду в те страны, куда меня так настойчиво приглашали; а именно в Швецию, Швейцарию и другие европейские страны».

Полтора года спустя он уже был в пути, одетый, как всегда, в свою шафрановую сутану и в сандалиях на босу ногу. К этому времени уже вышла книга, написанная Канонем Стритером и Аппасами, «Садху», и, наряду с книгой Ребекки Паркер, переводилась на некоторые европейские языки. Пробуждался большой интерес к этой необычной личности с востока, и не только среди видных религиозных деятелей и теологов.

По пути в Европу исполнилось желание его сердца посетить Палестину, побродить по улицам Иерусалима, побывать на Галилейском озере, в Вифлееме, Назарете, на Иордане... Принимал его сэр Уильям Уиллкокс, построивший Асванскую дамбу в Египте. В Швеции он был гостем принца Бернадотта, брата короля. В Дании вдовствующая Императрица Российская пригласила его в свой замок. И так же, как было с его Господом, «простой народ слушал его с радостью».

Но среди религиозных деятелей и теологов присутствовало другое настроение. Убеждения и чувства углублялись, и в ожесточенной полемике, разразившейся после пяти месяцев его путешествия по Европе с проповедью, некоторые проявили себя его горячими и преданными сторонниками, а другие стали его жестокими и неистовыми критиками и обвинителями.

Когда воскресным утром в феврале 1922 года Сундар высадился в Марселе в шесть часов утра, ему сообщили, что он приглашен для проповеди в шведской церкви утром и во Французской реформатской церкви вечером. После этого он должен сесть на экспресс до

Женева, и, проехав всю ночь, меняя поезда, прибыть в Лозанну, где его встретят несколько человек из тех, кто планировал его маршрут в Швейцарии.

Неудивительно, что, когда он сошел с поезда на конечной станции, он выглядел слегка ошеломленным и, знакомясь, лишь учтиво кивал головой и улыбался, отказавшись от попыток общаться с сопровождающими его по дороге в горы, где располагался просторный шале. Он хотел побыть в тишине, прежде чем встретиться с комитетом и обсудить их план кампании на предстоящие недели, которые он проведет в их стране. Они хорошо подготовились. Перед ним на столе разложили карту, где были отмечены города и поселки, в которых он должен будет выступать. Обладая хорошей памятью, он быстро, но точно отметил у себя в голове времена и места. Он увидел, что программа была весьма насыщенной, но согласился на все с одним лишь условием.

«Не заставляйте меня выступать более одного раза в день, кроме воскресенья. Это ведь не урок, преподаваемый в школе. Иначе это может стать рутинным делом и не нести благословения». Для него проповедь не была чем-то, что может исходить автоматически. Перед каждым своим выступлением он проводил долгое время в молитве, ища нужное слово, заучивая то, что хотел сказать, ибо он никогда не делал записей, с которых мог бы читать. И он знал, что в Европе проблема языка станет еще острее, так как он не понимал ни французского, ни немецкого. Он должен думать на хиндустани, говорить на английском и полагаться на переводчиков, чтобы они передали его слово на нужном языке.

«Я очень устал», - признался он, когда после нескольких недель, проведенных в Европе, его спросили, как он себя чувствует. Вереница публичных встреч и частных бесед день за днем усиливала напряжение. А однажды, в ходе разговора с немецким пастором, он сослался на тяжесть атмосферы.

«Да, местные климатические условия сильно отличаются от Индии», - заметил пастор.

Сундар покачал головой. «Я говорю не о физической атмосфере, - сказал он. В Индии можно ощутить повсюду, даже в идолах и храмах, в паломниках и молящихся – жажду высшего. Здесь же..., - он остановился на мгновение и продолжил, - Здесь все указывает на вооруженную силу, большую власть и материальные вещи. Сила, исходящая снизу, печалит меня.» Временами он говорил публично, особенно к концу путешествия, каковы его ощущения от Европы.

«В нехристианских странах люди поклоняются идолам, сотворенным человеком; в так называемых христианских странах я нахожу худший род язычества – люди поклоняются сами себе. Когда вы увидите Христа в Его славе, то возрыдаете о том, что не верили в Него как в своего Бога. Но тогда будет слишком поздно. Вы позволили неверующим увести себя – интеллектуалам, которые сказали, что вам не стоит верить в Его божественность. Раскаяние тогда будет слишком поздним. Возможно, в тот день вы услышите, как он скажет: «К вам приезжал человек из языческой страны. Он свидетельствовал обо Мне как о живом Христе, потому что он испытал Мою силу и Мою славу, и вы все равно не поверили...»

Из Швейцарии и Германии он отправился в Норвегию и Данию, и наконец, в Голландию. Повсюду были организованы встречи, где он выступал, и люди стекались послушать его. Как сказал о нем некто: «Он притягивает души, как магнит.»

Примечательно было то, что, хотя основные пункты его проповеди были обычно одни и те же, с ударением на важность молитвы и личных отношений с Иисусом Христом, каждый раз он говорил из нового текста, с различными аргументами и иллюстрациями. С каждой неделей он все меньше и меньше ссылался на свои чудесные избавления и видения, черпая притчи больше из природы, чтобы выразить свою мысль. Он сознавал опасность того, что люди будут пытаться подражать ему или искать подобного рода духовных переживаний. Что касается видений, о которых Канон Стритер и Аппасами так много написали в своей книге, то он объяснял людям, задававшим ему вопросы об этом, что сам он придает им значение настолько, насколько они согласуются с тем, что есть в Библии.

В виду стольких публичных встреч, которыми до отказа была наполнена его программа, умственное и эмоциональное напряжение от жизни под постоянным пристальным вниманием общественности было, в своем роде, столь же велико, как и физические тяготы, перенесенные в суровом, покрытом льдом краю Тибета. А возможно, и больше. Ко времени окончания турне и возвращения в Индию он был истощен умом и телом. Понадобилось несколько недель, чтобы он восстановил растрченную энергию, и с той поры слабое здоровье тяготило его. Но он оказал влияние на христианство западного мира, которое было незабываемым.

«Моя дорогая мама», - писал Сундар Ребекке Паркер из Шимлы. Письмо датировалось 1 июня 1924 года. «Я прибыл сюда вчера... из-за своих слабых легких я не мог пересечь высокогорный участок по дороге в Тибет, поэтому я был вынужден вернуться, так и не побывав там.» Была и другая причина, по которой он не смог пойти туда – политическая причина. «С сожалением сообщаю, что нашу школу в Тибете пришлось закрыть из-за противодействия властей. Член Британской Буддистской Миссии, увидев школу, написал статью в «Государственнике», задавая вопрос, почему им, буддистам, не позволено заезжать в Тибет, а христианам позволено иметь там школу. Когда власти прочитали статью, то приказали закрыть школу». Затем он продолжил: «И все же Господь совершает свою работу другим путем. Теперь я продолжу трудиться в Гималайских штатах, где еще не было проповедано евангелие, а зимой я побываю на нескольких конференциях и съездах.»

Прошло два года со времени его возвращения из Европы, и за это время в его жизни случились некоторые перемены. Во-первых, у него, наконец, появился свой дом. Умер его отец, оставив ему половину всего состояния. Передав имущество своему брату, Сундар оставил себе деньги. На них он купил в Сабатху старый дом, оставшийся от миссии. Для себя он отвел одну комнату, а остальную часть дома занял доктор В.У. Пиплз, медик, связанный с работой с прокаженными, и его семья.

Сюда Сундар мог всегда вернуться. Его домом была комната, в которой были фотографии его друзей и картины с изображением Христа в Гефсимании, Христа, проповедующего на горе, а также популярное изображение Христа, окруженного детьми пяти различных рас, что говорило о любви самого Сундара к детям.

Здесь он разбирал огромное количество писем, приходивших к нему со всего мира. Во многих из них его умоляли вернуться, приглашали выступить на съездах или преподавать миссии. Иногда несколько таких приглашений приходили в один день, и смеясь, он говорил друзьям: «Лучше сварите из меня суп, и тогда каждому достанется по ложечке!» Но на письма из-за границы, из Америки, Европы, Англии, Австралии был один ответ. Он больше не покинет Индию.

Именно за эти два года он стал мишенью для жестокой критики и обвинений со стороны религиозных деятелей, открыто противостоящих ему. В одном римско-католическом издании вышел ряд статей, осуждающих его как обманщика. Он никогда не был в Тибете. История его заточения в колодце с гниющими трупами чистейшая ложь. Он сам послал телеграмму, сообщающую о его смерти во время «поста», привлекая, таким образом, к себе внимание. И тому подобное. Протестантский пастор из Швейцарии набросился на него с другого угла в своей книге, целью которой было доказать, что садху стал жертвой самообмана, и что чудесные переживания были лишь плодами его воображения.

Сам Сундар не слишком беспокоился по поводу этих атак, хотя был весьма возмущен тем, что произошло однажды, пока он шел в горы в направлении Тибета. По возвращении он узнал, что вновь распространился слух о его смерти. Все началось с того, что одна бомбейская газета сообщила, что, согласно слухам, Сундара Сингха больше нет в живых. Это подхватили различные газеты в Индии и Европе. В конечном итоге, английская Дэйли ньюз, ссылаясь на «достоверный источник», проинформировала, что буддистские фанатики в Тибете убили христианского мистика и святого Садху Сундара Сингха.

«Моя дорогая мама, - написал он Ребекке Паркер после того, как послал телеграмму, заверяя, что жив, здоров. — Я удивлен, как этот лживый слух повсюду распространяется. Не могу понять, как и где он начался. Я думаю, за это в ответе враг...»

В то время как те, кто противостоял ему, не замедлили вновь выдвинуть предположение, что он сам все это спровоцировал, все те, кто знал его близко, поддерживали его. Они не отрицали того, что в пылу своей юности он преувеличил или неправильно истолковал некоторые свои переживания.

Его утверждение, что он постился сорок дней, хотя все свидетельства указывали на то, что пост длился лишь половину этого времени, было ключевым доводом. Сундар всегда был более озабочен реалиями невидимого мира, чем фактами и цифрами мира видимого. Но в этом никогда не было намерения обмануть. Доктор Файф и епископ Лефрой, знавшие его с детских лет, доктор Уэрри и преподобный Т.Е.Ридл, бывшие с ним в тесном контакте с его первых дней в качестве садху, были все готовы поручиться за его искренность.

Среди тех, кто заступился за него, не зная его лично, был один известный профессор из Германии, который взял на себя бесконечные хлопоты по расследованию обвинений, выдвигаемых против него. Всего профессор Ф.Хейлер написал три книги о Садху Сундаре Сингхе, в одной из которых он поставил его в один ряд с такими христианскими мистиками как св.Франциск Ассизский, св.Августин, св.Фома Аквинский, св.Катерина Генуэзская и др.

Архиепископ Упсалы Содерхолм был еще одним европейцем, страстно защищавшим его в своих письменных работах. Его пророчество о том, что споры, длящиеся годами сквозь темную главу в церковной истории, неизбежно послужат Царству Божьему, сбылось. Эти споры поддерживали и стимулировали интерес к садху и его учению, и когда его собственные книги вышли из печати, то были тут же широко востребованы.

Ибо Сундар начал писать. Его первая книга, вышедшая в 1921 году, была написана в форме беседы ученика и его Господа и содержала вопросы и ответы на них. Он не претендовал на ее безупречность, ибо, как он довольно скромно написал в предисловии:

«Нет ничего более совершенного в этом мире, чем быть выше возражения и критики. Само солнце, дающее нам свет и тепло, не лишено пятен, и все же, не смотря на свои дефекты, оно не перестает выполнять свои обязанности. Нам следует подобным образом стремиться к вершине наших способностей, вверенных нам, и постоянно прилагать старания, чтобы сделать нашу жизнь плодоносной.

Когда истины, изложенные в этой книге, были открыты мне Господом, они глубоко повлияли на мою жизнь, и некоторые из них я использовал в своих проповедях и обращениях в Европе, Америке, Австралии и Азии. По просьбе многих друзей я собрал их в этой маленькой книге, и хотя в их изложении, возможно, и присутствуют недостатки, я уверен, что тот, кто будет читать их с молитвой и с разумом, свободным от предубеждений, извлечет из них пользу, так же как и я».

В последующие годы он написал еще пять книг. Если он и не мог проповедовать устами, то проповедовал на бумаге. Ибо здоровье его ухудшалось. Кроме слабых легких, у него начались сердечные приступы. «Вы разрушили свое сердце чрезмерной работой», - были слова его доктора. Но Сундар сказал друзьям, что он по собственной воле пожертвовал своей молодостью на служение Господу, и он рад, что его молитва услышана. Имея склонность к притчам, он произнес: «Лучше сгореть быстро и растопить много душ, чем гореть медленно и не растопить ни одной».

Затем болезнь поразила его глаза. Операция, проведенная индийским специалистом, была успешной, но со временем ему пришлось постоянно носить темные очки. Вынужденная физическая пассивность, навязываемая болями и слабым здоровьем, означала то, что он еще больше времени проводил в молитве и размышлении. В то же время он продолжал переживать периоды экстаза, из которых он всегда выходил ободренным и вдохновленным. Его лицо излучало свет, отчего все, кто видел его, замолкали и испытывали легкий трепет. Один молодой студент, кратко познакомившийся с ним в Калькутте в начале 1929 года, написал:

«Говорят, что когда Данте проходил по улицам Флоренции, видевшие его люди отшатывались назад и, перешептываясь, говорили: «Этот человек побывал в аду». Немногие из тех, кто видел странного индийского мистика, чье имя стало так знакомо миру за последнее десятилетие, мог бы оспорить его утверждение, что он видел небеса... Ибо лицо его имеет такой вид, какой нечасто можно где-либо встретить. Это вид того, чьи глаза узрели невидимое, чьи уши услышали то, что другие не слышат – для кого биение ангельских крыльев настолько же реально, как и выкрики на улице.»

Сундар получал огромное количество корреспонденции. Письма приходили каждый день как из разных уголков Индии, так и из-за границы, и он отвечал, пусть иногда и весьма кратко, на все полученные письма. К этому у него был деловой подход, равно как и к своим финансовым делам. Он вложил основную часть денег, оставленных ему отцом, в трест, в который он также вкладывал все гонорары за свои книги. Таким образом он мог поддерживать евангелистов, связанных с коренным Национальным Миссионерским Обществом Индии в Мадрасе, и обеспечивать проживание для нескольких мальчиков, которым он помогал обучаться в школе. Один миссионер, проехав несколько дней ради встречи с ним, застал его за покупкой яиц, сидя на пороге своего дома.

«Рождество, знаете ли!» – сказал он, как бы объясняя то, что выглядело причудой. А позже, за столом, когда мальчики размешивали сахар в его чай, он произнес с извиняющейся улыбкой: «Они знают, что я испытываю слабость к сладкому.» Те, кто навещал его, находили в нем вполне естественного и непринужденного хозяина.

Не смотря на физические немощи, так часто удерживавшие его дома, жажда проповеди никогда не покидала его. Многие месяцы он находился в путешествиях, иногда по два-три дня на поезде, направляясь с посланием на конференции и миссионерские съезды в различные части Индии. И всегда он ощущал непреодолимый зов Гималайских гор и страны, пролегающей за ними – Тибета.

«Я хочу еще раз пойти в Тибет», - написал он своему другу Ридлу, и в апреле 1927 года он отправился вместе с тибетскими торговцами в сторону Нити Пасса. Но после шестидесяти километров путешествия у него открылось сильное кровотечение, и его в полубессознательном состоянии отнесли на железнодорожную станцию. Некоторое время он был болен, и ему пришлось отказаться от путешествия в Тибет в тот год. В течение следующих месяцев он совершил несколько поездок по Индии и много стараний приложил к написанию книги. Для него это была утомительная задача. «У меня нет склонности к писанию!» - часто замечал он, но чувство долга, обязывающее его завершить книгу «Со Христом и без Христа» было сильным. С помощью Ридла он закончил ее перевод на английский язык в августе 1928 года.

Это была последняя книга, написанная им.

Продолжались его поездки по Индии с проповедью, но, обращаясь к Ребекке Паркер в своем рождественском письме, он рассказал, что надеется отправиться в Тибет в марте или апреле. Затем он поехал повидаться с Ридлом, который являлся одним из доверенных лиц его завещания. Он хотел убедиться, что все в порядке, так как, поднимаясь по тропам в Тибет, он всегда сознавал, что может и не вернуться. Он говорил о своем горячем желании дойти до Расара, к востоку от озера Мансаровар, где, как он слышал, теперь есть христиане. Говоря, он очень взволновался. Тут наступила пауза в разговоре и к своему удивлению, Ридл увидел, что Сундар дрожит.

В чем причина? Эта дрожь была не от страха, такого он никогда раньше в Сундаре не видел. Не может быть, чтобы это был страх смерти – он был на грани смерти каждый раз, когда шел в Тибет. Смерть! Сундар был бы ей рад. Для него она стала бы дверью, через которую он вошел бы в то вечное сияющее царство, которое он посещал в своих экстазах, возвращаясь в этот мир неохотно, словно в темницу. Нет, он не боялся смерти. Причиной этого внезапного непроизвольного приступа дрожи было воспоминание об ужасе тьмы, пережитом им в колодце Расара, в который его бросили много лет назад... Что если это случится вновь...?

Спазм прошел, и Сундар снова был самим собой – но это раскрыло то, что значило для него сказать друзьям, что он идет в Тибет «полностью сознавая опасности и трудности путешествия». К этому он добавлял слова «Но я должен постараться изо всех сил, чтобы исполнить свой долг.»

Начался апрель 1929 года. Он поддерживал связь с тибетскими торговцами, которые обязались сообщить ему, когда они будут отправляться в Тибет через Нитипасс. Все было наготове, и когда пришло сообщение, то есть в середине месяца, и ему было сказано незамедлительно присоединиться к группе в Ришикеше на Ганге, все, что ему оставалось сделать, это написать два-три коротких письма, и отправиться. Одно письмо было адресовано Ридлу. В нем он процитировал Деяния 20:24 и продолжил.

«Я хотел увидеться с тобой, прежде чем уйду в Тибет, но я получил письмо от торговца с указанием спешно присоединиться к нему по пути нашего следования в Тибет. Маршрут будет тот же, что и в прошлом году, как я тебе рассказывал. Я надеюсь вернуться вместе с одним или двумя тибетскими христианами к концу июня. Если что-нибудь случится, я пришлю Тапу к тебе, но если ты ничего обо мне или от меня не услышишь, то, пожалуйста, приезжай в Сабатху в июле и позаботься о моих вещах в доме.

Затем он взглянул на маленькую фотографию Ребекки Паркер на своем столе и пододвинул к себе лист бумаги, чтобы написать ей. Письмо датировалось 18 апреля 1929 года.

«Моя дорогая Мама. Сегодня я ухожу в Тибет. Пожалуйста, не волнуйтесь за меня. Пусть свершится Божья воля. Знаю, Вы будете молиться обо мне, за что я из глубины сердца благодарен Вам. Я тоже буду продолжать молиться за Вас.

Я сразу сообщу Вам, если Господь приведет меня назад в целости. В ином случае мистер Ридл проинформирует Вас, и мы увидимся вновь у благословенных ног Иисуса, чтобы пребыть вовеки.

Я знаю опасности и трудности этого путешествия, но должен повиноваться Ему».

И вновь он написал «Деяния 20:24». Закончил свое письмо он такими словами: «Я заканчиваю это письмо с большой любовью к вам обоим. Пусть Бог еще обильнее благословит Вас, Аминь,

Ваш любящий сын Сундар».

Он пробежал письмо глазами, собиравшись положить его в конверт, но надписал сверху: «P.S. Я надеюсь вернуться в июне».

Оставалось сделать лишь одну вещь. Он пошел вдоль ограды, откуда открывался вид на равнины с одной стороны и на покрытые соснами сопки, ведущие к заснеженному Гималайскому хребту с другой. Он шел к дому смотрителя лечебницы для прокаженных. Он хотел попрощаться, рассказать свой маршрут, которым он планировал идти и уведомить, что надеется вернуться в Сабатху до конца июня.

«Конечно, там, где я буду, почты нет, - продолжал он. Я буду весьма благодарен, если вы будете получать мою корреспонденцию и отвечать на письма, требующие немедленного отклика. Большое вам спасибо... Прощайте...» И так, фигура, облаченная в шафрановую сутану, спустилась вниз и исчезла из вида, в последний раз. Двадцать лет прошло с тех пор, как он, девятнадцатилетним юношей, впервые обратил свое лицо к этому хребту с заснеженными вершинами и стране, лежащей за ним. Теперь он шел медленнее, и темные очки защищали его слабые глаза от солнечного света, но он снова направлялся в Тибет. Стих, указанный им в обоих письмах, Деяния 20:24, относился теперь к нему, и он знал это.

«Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией». И те, среди которых он ходил, проповедуя, больше не увидели его.

Ибо, подобно Еноху, ходил Сундар с Богом. И не стало его. Потому что Бог забрал его.

Э П И Л О Г

Загадка исчезновения Садху Сундара Сингха после того, как он покинул Сабатху 18 апреля 1929 года, так и не была разрешена. Его запланированный маршрут был тот же, которым он ранее часто путешествовал, последний раз вернувшись из Ришикеша в долине Ганга в первый день Нового 1929 года.

Он написал об этом преподобному Томасу Ридлу, рассказывая: «У меня здесь состоялись весьма полезные беседы с лидерами Тайной Миссии Саньяси». Из Ришикеша, где он должен был присоединиться к тибетским торговцам, он планировал пройти вместе с ними по Пути Пилигримов, смешавшись с тысячами индуистских паломников, свершавших свой путь к одному из источников Ганга. В дальнейшем путешествие становилось все более опасным, по узким тропам вдоль крутых горных склонов, через быстро текущие потоки, в обжигающе холодной погоде, и так к Нити Пассу и границе с Тибетом.

Никто из его друзей не ожидал от него вестей, по крайней мере, шесть недель. Он сказал им, что рассчитывает вернуться где-то в июне, поэтому только в середине этого месяца они стали тревожиться. К июлю они уже знали, что с ним что-то случилось, иначе он обязательно бы написал или послал весточку. Его друг Ридл вместе с еще одним миссионером отправились по его запланированному маршруту, пройдя 350 километров вглубь главной цепи Гималаев, пытаясь хоть что-то разузнать о нем. Они отсутствовали в течение двадцати восьми полных опасностей и неожиданностей дней, но вернулись, так и ничего не услышав о нем. Никто из знавших его людей, живущих вдоль маршрута, не видел его. Дорога, которой он должен был идти по Пути Пилигримов, пролегла в 45 метрах от дома одного пожилого христианского проповедника, и Сундар, любивший своих друзей, обязательно зашел бы его навестить, если бы добрался так далеко. И даже если бы он прошел дальше через племенные деревни Вотиа, его след можно было бы легко обнаружить, так как немногие путешествуют этим путем, и его бы, несомненно, заметили и запомнили. Никто не видел его, никто не слышал о нем..

Сообщения об его исчезновении появились в газетах по всему миру наряду с нелепыми предположениями о том, что с ним случилось, начиная от убийства и заканчивая его уходом в отдаленную пещеру, чтобы провести там остаток жизни в уединенной молитве, подобно Махариши из Кайлаша. Возможно, у него случился сердечный приступ, или он соскользнул с узкой горной тропы. Наиболее правдоподобное объяснение, которого придерживался мистер Ридл, говорило о том, что он умер во время эпидемии холеры, унесшей жизни многих паломников по всей долине Ганга, чьи тела были брошены в реку и бесследно исчезли.

Каким бы путем ни забрал Бог своего слугу домой, Он, очевидно, не хотел придавать это огласке. В смерти, которой он умер, нет ничего такого, что отвлекало бы внимание от выдающегося влияния, оказанного жизнью, которой он жил. Он не создал религиозного труда, не учредил ордена, не имел политического значения, и все же, его имя до сих пор помнят, о нем продолжают писать книги спустя более шестидесяти лет после его исчезновения. И дело не только в его целеустремленном, беспрестанном труде проповедника, который поднимал бездействующих и зажигал огнем ревностных. Было нечто иное. Высокий, бородатый, босоногий человек в шафрановой сутане индийского садху, Сундар Сингх принес с собой не поддающееся объяснению ощущение Вечного. И не только его внешность заставляла людей перешептываться. «Он напоминает мне Иисуса Христа». Это было качество его личности. А за всем этим лежал необычайный опыт, преобразивший его жизнь – жизнь, которая продолжает являться как вдохновением, так и вызовом.

Вызовом, потому что год за годом он уходил от народа, собиравшегося толпами, желая услышать его проповедь, чтобы совершить уединенное путешествие через подножье Гималаев в закрытую страну Тибет. Его целью было выполнить свою часть незавершенной задачи, поставленной перед Церковью, провозглашать Евангелие Божьей благодати по всему миру во свидетельство всем народам.

Вдохновением, потому что, как метеор, сверкая в небе, притягивает глаза человека к небу, так и те, кто встречал его в будничном мире, понимали, что есть другое царство – царство небесное, наполненное ангелами и святыми, где правит Господь Иисус Христос. И это есть Реальность. «И так мы смотрим не на видимое, но на невидимое. Ибо видимое временно, а невидимое вечно!»